

ИСТОРИЯ **OSTKRAFT**

| научное обозрение | www.ostkraft.ru |

| Модест Колеров | Москва | 2019 | №6 |

УДК 94(470) "18/19"
ББК 63.3(2)5
И 90

Редакционная коллегия:

Далибор Денда, Р. Н. Рахимов, К. В. Шевченко, О. В. Эдельман.

Ответственный редактор М. А. Колеров

Для оформления обложки использована картина Андрея Колерова
«Объект»

И 90 История. Научное обозрение OSTKRAFT № 6 (12).

М. : Модест Колеров, 2019. (www.ostkraft.ru) 196 с.

ISBN 978-5-905040-49-8

ISBN 978-5-905040-49-8

© Авторы статей, 2019

© Модест Колеров, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Андрей Тесля.</i> «Любовь порядочного человека», «предрас- судки» и «невозможность»: заметки о письмах В. Г. Белин- ского к М. В. Орловой, сентябрь — октябрь 1843 г.	5
<i>Андрей Тесля.</i> Письмо Ю. Ф. Самарина к сыну Н. А. Милю- тина (1872)	31
<i>Кирилл Шевченко.</i> От Полонии к Русскому миру: духовная эволюция архимандрита Владимира Терлецкого	36
<i>Д. С. Брыков.</i> Гибель «Лузитании» (1915): политическая провокация?	43
<i>Энтони Хейвуд (Anthony J. Heywood).</i> Искра революции? Дезорганизация на железных дорогах, грузовые перевозки и тыл царской России, июль 1914 — март 1917 г.	66
<i>Урангуа Жамсран.</i> Халхин-Гол в современной монгольской науке: основные направления и выводы исследований	98
<i>Владимир Воронцов.</i> Из хроники геноцида поляков: послед- нее письмо польки мужу (1946)	107
<i>А. В. Ганин.</i> «Маршал... Я ни в чем не виновата перед СССР»: Тюремные мытарства супруги эстонского главно- командующего Й. Лайдонера	116
<i>Кирилл Шевченко.</i> Третье Карпато-русское возрождение в кон- це XIX — XX в.: парадоксы нацистроительного проекта	125

- Д. Болдырев.* Наше сокровище. По поводу доклада
кн. Е. Н. Трубецкого «Умозрение в красках». Изд. «Война
и Культура» 145
- Станислав Юдин.* А. В. Бодров, Н. А. Власов. Железо
и кровь. Франко-германская война. СПб.: Евразия,
2019. 544 с. 151
- И. С. Ратьковский.* С. С. Войтиков. Узда для Троцкого.
Красные вожди в годы Гражданской войны.
М.: АИРО-XXI, 2016. 432 с. 159
- Анатолий Кошкин.* «Дело Зорге». Телеграммы и письма
(1930–1945). М., 2019. Тираж 100 экз. 166

Андрей Тесля

«ЛЮБОВЬ ПОРЯДОЧНОГО ЧЕЛОВЕКА», «ПРЕДРАССУДКИ» И «НЕВОЗМОЖНОСТЬ»:

заметки о письмах В. Г. Белинского
к М. В. Орловой, сентябрь — октябрь 1843 г.¹

Интерес к Белинскому и к подробностям его жизни и воззрений не требует особого обоснования уже в силу той роли, которую он играл и во многом продолжает играть, теперь уже, правда, преимущественно косвенно, отраженным образом в истории русской мысли. Нижеследующая статья — фактически краткая сводка, комментирование обзора писем Белинского к невесте, относящихся к совсем небольшому временному промежутку, с сентября по октябрь 1843 г., с того момента, как его предложение вступить в брак было принято, и до того момента, как невеста отправилась в Петербург.

В данном случае мы не претендуем на какие-либо широкие выводы — наш интерес сугубо конкретен и направлен на две тес-

¹ Исследование выполнено в рамках гранта РФФ (№ 18-18-00442) «Механизмы смыслообразования и текстуализации в социальных нарративных и перформативных дискурсах и практиках» и поддержано из средств субсидии, выделенной на реализацию Программы повышения конкурентоспособности БФУ им. И. Канта. Андрей Тесля — кандидат философских наук, старший научный сотрудник, научный руководитель (директор) Центра исследований русской мысли Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта. Адрес: 236016, Россия, г. Калининград, ул. Чернышевского, 56. E-mail: mestr81@gmail.com.

но взаимосвязанных темы: во-первых, биографическую, каким предстает Белинский в своей переписке с невестой, и, во-вторых, на его концепцию любви этого времени — поскольку Белинский, как и другие участники кружка Станкевича, и целый ряд иных русских молодых людей этого времени со сходной интеллектуальной культурой и культурой чувствования, склонен осмыслять свои переживания и подводить в том числе под вполне сиюминутные настроения и интересы теоретическую основу — в том числе и тогда, когда это будет, к примеру, прославление «непосредственно», «наивного» восприятия.

И тем не менее, на наш взгляд, этот предельно ограниченный во времени и вполне интимный по содержанию материал ценен как сконцентрированный пример реализации риторических и поведенческих схем, как попытка вместить свои стремления в почитаемую надлежащей форму, дать им обоснование и оправдание.

Непосредственно перед тем, как сделать в Москве предложение Марии Васильевне Орловой, с которой он был знаком с 1835 г., и получить ее согласие на брак, Белинский во второй статье из серии «Сочинения Александра Пушкина» (Отечественные Записки. 1843, сентябрь) излагает свои текущие представления о любви. Говоря о «романтизме» и определяя последний как «внутренний мир души человека, сокровенная жизнь его сердца»², он пишет далее:

«В груди и сердце человека заключается таинственный источник романтизма; чувство, любовь есть проявление или действие романтизма, и потому всякий человек — романтик. Исключение остается только или за эгоистами, которые, кроме себя, никого любить не могут, или за людьми, в которых священное зерно симпатии и антипатии задавлено и заглушено или нравственно неразвитостью, или материальными нуждами бедной и грубой жизни. Вот самое первое, естественное понятие о романтизме»³.

«Законы сердца, как и законы разума, всегда одни и те же» — однако человек, оставаясь «по натуре своей» всегда «один и тот же», переживает разные возрасты своего развития — так

² Белинский В. Г. Сочинения Александра Пушкина / Вступ. ст. и прим. К. И. Тюнькина. М., 1985. С. 67–68.

³ Там же. С. 68.

и романтизм переживает историческое развитие, от Востока, «колыбели человечества и царства природы»⁴, к Греции, где любовь — «чувственное стремление, просветленное и одухотворенное идею красоты»⁵. «В основе всякого романтизма непременно лежит *мистицизм*, более или менее мрачный»⁶ — Греция гармонична именно потому, что «романтизм не был преобладающим элементом в жизни греков: он даже подчинился у них другому, более преобладающему элементу — общественной и гражданской жизни»⁷. Напротив, в средние века романтизм начинает играть главную роль⁸ — затем умеряемый светом просвещения⁹. Теперь в женщине «мы не увидим <...>, как в средние века, какого-то бесплотного существа высшей природы, но вполне признаем ее *человеком*...»¹⁰. Любовь современная стала разумной:

«В наше время умный человек, уже вышедший из пелен фантазии, не станет искать себе в женщине идеал всех совершенств, — не станет потому, во-первых, что не может видеть в самом себе идеала всех совершенств и не захочет запросить больше, нежели сколько сам в состоянии дать, а во-вторых, потому, что не может, как умный человек, верить возможности осуществленного идеала всех совершенств, ибо — опять-таки как *умный*, а не *фантазирующий* человек, — знает, что всякая личность есть ограничение “всего” и исключение “многого”, какими бы достоинствами она ни обладала, и что самые эти достоинства необходимо предполагают недостатки. <...> В чем состоит блаженство любви по понятию нашего времени? — В наше время о полном и безусловном счастье в любви могут мечтать только или отроки, или духовно малолетние натуры. Это, во-первых, потому, что мир романтизма не может вполне удовлетворить порядочного человека, а во-вторых, потому, что наше время как-то вообще неудобно для всякого счастья, а тем менее для полного. Возможное счастье любви в наше

⁴ Там же. С. 68. «Все его мифы по преимуществу выражают одно неутолимое вожделение, одно чувство: сладострастие, — одну идею: вечную производительность природы» (Там же. С. 69).

⁵ Там же. С. 69–70.

⁶ Там же. С. 76.

⁷ Там же. С. 77.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 81.

¹⁰ Там же. С. 87.

время зависит от способности дорожить одаренным благородною душою существом, которое, при сердечной симпатии к вам, столько же может понимать вас так, как вы есть (ни лучше, ни хуже), сколько и вы можете понимать его, и понимать в том, что составляет принадлежность нравственного существования человека. Видеть и уважать в женщине человека — не только необходимое, но и главное условие возможности любви для порядочного человека нашего времени»¹¹.

Здесь Белинский отрекается от упований предшествующих лет — поисков и надежд счастья, примиряется с «разумным», готовясь сделать предложение, которое и было принято — и, вопреки напечатанному в журнале, если не сделало его счастливым, то по крайней мере воодушевило мечтой о возможности быть счастливым — тихим, семейным образом.

Первое письмо по возвращении в Петербург Белинский пишет сразу же — в нем спешка, ожидание. Он обсуждает, видимо многократно говоренные в Москве, планы перемены квартиры — и свое решение не отказываться от старой, остаться в той же, бывшей Краевского — под убеждениями Боткина и самого Краевского. И тем самым отпадает еще одна причина ждать со свадьбой. Теперь, когда нет нужды приискывать новую квартиру, мысли переносятся к тому, когда сможет выехать в Москву:

«<...>я приеду в Москву уже не на праздниках и не после праздников, а перед рождественским постом, и не считаю невозможным приехать даже в половине октября. Я опьянел от этой мысли, и хочу теперь дураком»¹² (стр. 3, письмо от 3.IX.1843).

Любовная переписка идет своим — универсальным, общечеловеческим путем — словесного изобилия, болтовни, страстных увещаний и слов о том, сколь он скучает вдали от нее — где Белинского скорее смущает и мешает то, что на обилие его писем ответы идут нечасто. Но здесь трудно отвечать в том же ритме самой пламенной возлюбленной — и потому, что по модели письма Белинский — это словесное изобилие, именно количественно, по-

¹¹ Белинский В. Г. Сочинения Александра Пушкина... С. 86, 87.

¹² Здесь и далее письма цитируются по изданию: Белинский В. Г. Письма. В 3 т. Т. III / Под ред. и с прим. Е. А. Ляцкого. СПб., 1914.

стоянно льющаяся речь, как девичий дневник, который не для фиксации, а для излияния, про процесс — который в итоге может завершаться ударной формулировкой, и тогда все остальное окажется путем к ней, а может обходиться и без нее, рассыпаясь на ряд фрагментов, выстраивающихся каждый вокруг собственного центра — и соединяемых в цепочку. Но еще и потому, что Белинский — бурш, вне внешнего контроля, а невеста — классная дама в Александровском, подчиненная дисциплине закрытого заведения, где надо искать время и повод выйти со двора, дойти до почты, отправить письмо — и зачастую не самой, а через сестру, удваивая тем самым частотность переписки, но не более того.

В этих первых письмах — все как обычно, как повторялось неисчислимо число раз и до, и после них: Белинский скучает, не может ничем заниматься, поскольку все мысли его заняты Marie, счастлив — и оттого несчастен, болен любовной болезнью:

«Мысль о вас делает меня счастливым, — и я несчастен моим счастьем, ибо могу только думать о вас» (стр. 5, письмо от 7–8.IX).

«Нет, до тех пор, пока вы не со мной, — я сам не свой, не могу ничего делать, ничего думать. После этого очень естественно, что все мои думы, желания, стремления сосредоточились в одной мысли, в одном вопросе: когда же это будет? И пока я еще не знаю, когда именно, но что-то внутри меня говорит мне, что скоро» (стр. 5–6, письмо от 7–8.IX).

Идея, как соединиться быстрее, вне прежних планов и рассуждений — впервые как мысль, причем та, на которую он наведен друзьями, возникает в письме от 19 сентября: «<... > все мои приятели, которым я нашел нужным открыть мою тайну, уверяют меня, что, для избежания лишних расходов, мне не надо было бы ездить в Москву, а лучше бы вам одним приехать в Питер, где вы могли бы остановиться на день у Краевского, у которого живет сестра его покойной жены (если бы не захотели остановиться на своей собственной квартире, которая была бы готова к вашему приезду)» (стр. 15–16).

В письме, где впервые излагается новая мысль, Белинский пишет:

«Если я несколько на стороне подобного плана, так это не по причине потери многих денег и лишнего времени, а вот почему: мо-

жет быть вы думаете венчаться в институтской церкви, в присутствии М-me Charriot и всего института: это для меня ужасно; потом, по патриархальным к вам отношениям, М-me Charriot, может быть, станет смотреть на наше формальное соединение, как на свадьбу в общем значении этого слова, и, пожалуй, предложит еще себя в посаженные матери, а вам, может быть, нельзя будет от этого отказаться. Если это так, то мне приятнее было бы обвенчаться с вами в Камчатке или на Алеутских островах, чем в Москве. Но, может быть, все это в вашей воле сделать и иначе, и тогда мои страхи уничтожаются сами собою вместе с их причиной» (стр. 16, письмо от 19.IX).

Изложив новый план, Белинский пишет: «Итак, скажите ваше мнение просто и откровенно, и не думайте, чтобы ваш отрицательный ответ мог сколько-нибудь быть мне не по сердцу. Для меня самого странна мысль, что вы поедете одни, без меня, и я, Бог знает, чего бы не надумал» (стр. 16) — и дальше идут уже соображения экономии, от которых он стремительно переходит к рассуждениям о технических деталях путешествия невесты в одиночку до Петербурга, т. е. с одной только «женщиной», которую она с собой возьмет — и которая, по возможности, сможет остаться их кухаркой и горничной в Петербурге:

«Итак, отвечайте скорее, чтобы для меня был решен этот вопрос. Если я поеду в Москву, мне надо будет заранее послать туда свои бумаги, чтобы без меня могли три воскресенья сряду окликать нас, без чего нельзя венчаться. Если в Москве, то я думал бы в церкви Шереметьевской больницы, где Грановский мог бы без меня все приготовить лучше, чем бы я мог это сделать сам. Ради всего святого, скорее отвечайте на это письмо. Медлить нечего, если судьба даст нам долгие счастливые дни — возьмем их; если один — не упустим и того» (стр. 17).

И в том же письме — уже приписывая на следующий день, получив ожидаемое письмо от невесты:

«Я, право, не понимаю, почему вам стоило такого труда сказать мне, что вы хотели бы, чтоб церемония была в 12 часов, и чтоб уехать из Москвы в тот же день; и не понимаю, что вы тут разумеете под вашей кн. Марьею Алексеевной. На чем бы ни было ос-

новано ваше желание, если бы даже и ни на чем, — я не вижу никакой причины не выполнить его. <...> К чему эти затруднительные выговаривания? — будем вполне и свободно откровенны друг с другом. Этим письмом я подаю вам пример. Глупы мои предположения, не нравятся они вам — скажите, — и об них больше не слова. Насчет отъезда из Москвы в день венчания — дело довольно трудное. Взять особенной кареты я теперь не в состоянии, — на это нужно 500 рублей; стало быть, заранее надо взять места в *malleroste* или конторе дилижансов; но в первой места берутся недели за две вперед, а из вторых только из одной конторы дилижансы ходят после обеда» (стр. 20).

Уже 1-го октября, когда получен ответ на предыдущее письмо — и ответ отрицательный, все начинает потихонечку меняться:

«Ваше письмо доконало меня во всех отношениях. <...> Конечно, сбережение денег — вещь важная, и что я истрачу на проезд, все это могло бы быть употреблено с большею пользою; но деньги не могут быть крайним препятствием. Гораздо важнее для меня потеря времени, ибо я нужен Краевскому, и он довольно уже терпел отлучки и помеху в работе. Но что всего хуже, всего ужаснее — это покориться обычаям шутовским и подлым, профанирующим святость отношений, в которые мы готовы вступить с вами; обычаям, которые я презираю и ненавижу по принципу и по натуре. У дядюшки обед! Будь прокляты все обеды, все дядюшки, все те тушки и все чиновники с их гнусными обычаями» (стр. 25–26).

Арманс, краткосрочная жена Боткина, как образец возникает в первых же письмах, но теперь, в момент кризиса, она выходит на первый план:

«Я смотрю на этот обряд как на необходимый юридический акт, и чем он проще совершен, тем лучше. Боткин взял Армансе под руку, да и пошел с нею по Невскому в Казанский собор, в сопровождении пяти приятелей — так и воротился, словно с прогулки. Вы могли бы остановиться у меня, ибо что вам за дело то того, что об вас станут говорить люди, которых вы не знаете и никогда не узнаете; а те, которых вы будете знать, будут на это смотреть как я. Знаете ли что? Я должен теперь лгать перед моими друзья-

ми, ибо я никогда не решусь сказать им о ваших мотивах и той шутовской процедуре, которую должен я буду пройти в Москве. Они не поверят, что слышат это от Белинского» (стр. 26, письмо от 1.X).

Спустя неделю, в письме от 8 октября, он вновь возвращается к примеру Арманс, который попыталась перехватить невеста, ссылаясь на мнение своей сестры:

«Аграфена Васильевна ссылается на Боткина и на Армансе — напрасно <...>. Не Боткин для Армансе поехал за границу (он поехал для самого себя), а Армансе поехала для Боткина. Это раз. Потом Армансе прожила с Боткиным около двух недель в моей квартире, до брака своего с ним, и все твердила ему, что венчаться не нужно, что она так отдается ему вся и берет на себя все следствия этого решения, каковы бы они ни были. *Русская барышня* (существо, которое стоит *прекрасной россиянки*) не имеет в голове органа, чтобы понять подобную выходку со стороны *страстной, любящей* французенки. У Армансе есть отец, мать и сестра, которых она безумно любит; но она религиозно считает себя обязанною жертвовать одному чувству другими, не так сильными, хотя и все-таки святыми...» (стр. 49).

В письме от 1 октября реакция на новость — о планах на свадебное торжество, официальный обед и прочие обрядности — непосредственная, открытая, он мыслит Магье как единомышленницу и делится с нею своими мыслями, как избежать ненавистного, уклониться от московской свадьбы в кругу родственников — и как быстрее соединиться в Петербурге:

«M-me Chariot вы легко могли бы приготовить, могли бы уверить ее, что мои дела не позволяют мне ни на день отлучиться из Петербурга, что через это я потеряю место, которым существую, и что вы, с своей стороны, находите смешным отказываться от того, что считаете своим счастьем, для глупых условных приличий» (стр. 26).

Чуть позже в том же самом письме Белинский будет уверять уже невесту, Марию Васильевну Орлову, многоречиво и разнообразно доказывая совершенную невозможность из-за дел по из-

данию журнала поехать в Москву — и настаивая, что коли Мария не сможет приехать в Петербург, то придется ждать до Пасхи, откладывая все на дальний срок. Здесь пока Белинский далек от этого, он пока разуверяет невесту в неприличии полюбившегося его плана с приездом в Петербург — одновременно приближающего свадьбу, позволяющего не входить в долги и избавляющего от ненавистных обрядов:

«Кстати замечу, что в Питере ни один человек не поймет, в чем тут неприличие, ибо в Петербурге нравы ближе к Европе и человечности, — не то, что в Москве, этом egout, наполненном дядюшками и тетушками, этими подонками, этим отстоем, этой изгарью татарской цивилизации. При венчании будут — пишете вы — всего человек двадцать, да с моей стороны человек 10 или 15: да зачем и где наберу я такую орду? У меня все такие знакомые, для которых подобное зрелище нисколько не интересно. Будут, может быть, человека три. Вы даже убеждены, что, если бы мы, обвенчавшись, не уехали в тот же день — то были бы должны делать и отдавать визиты; — *иначе подпадем анафеме*: ах, Marie, Marie, да что же вам за дело до всех этих анафем? Неужели вам мало любви и уважения человека, которого вы избрали в спутники вашей жизни, уважения и приязни всех тех, кого он уважает и любит, — а вы хотите еще знать, что об вас говорят люди, с которыми у вас нет ничего общего, которым до вас, так же, как и вам до них, нет дела?..» (стр. 26–27).

«Не скрою от вас и того, что мне горько видеть в вашей воле те самые предрассудки, которых вы выше умом вашим. Я думал, что мое предложение обрадует вас, как простое средство избавиться от необходимости делать из себя спектакль, и что вы ухватитесь за него со всею силою вашего характера и вашей воли, уступчивых в пустяках (как вы мне говорили), то твердых и настойчивых в важных делах. Но быть так; я приеду, и умоляю вас только вот о чем: венчаться в приходе Нового Пимена (это важно потому, что можно избежать повестки), и часа в 4, чтобы из церкви же ехать в контору дилижансов (есть одна, где дилижансы отходят в 6 часов вечера)» (стр. 27).

В написанном через день письме паника нарастает — страх перед угрожающим непосредственно изливается на письмо: «Когда я писал вам насчет вашего приезда в Петербург, я делал это в вопросительном тоне, из которого вы могли видеть, что я готов по-

следовать не моему, но вашему решению касательно этого предмета. Я тут нисколько не хитрил, ибо единственную причину, которая могла бы остановить вас, полагал боязнь ехать одной и подвергнуться может каким-нибудь неприятным случайностям в дороге, не имея при себе мужчины. <...> Я не думал ни о дядюшках, ни о тетюшках, ни о M-me Charriot (если и думал о последней, то предположительно только), ни об официальном обеде, с шампанским и поздравлениями, с идиотскими улыбками, и, может быть, — о, infame! — с чиновническими шутками и любезностями. В этой поистине пленительной картине недостает только свахи, смотра, сговора, девишника с свадебными песнями... Кажется, что — и при этой мысли ужас проникает холодом до костей моих — в посаженном отце и посаженной матери недостатка не будет, и нас с вами встретят с образом, и мы будем кланяться в ноги» (стр. 28–29, письмо от 2.X).

Но за всем этим Белинский начинает переживать разницу во взглядах с невестой: там, где ему раньше виделось единство в основном, он обнаруживает различие:

«<...>пиша эти строки, я глубоко скорблю и глубоко страдаю от мысли, что вы не поймете моего отвращения к позорным приличиям и шутовским церемониям. Для меня противны слова: *невеста, жена, жених, муж*. Я хотел бы видеть в вас *ma bien-aimée, amie de ma vie, ma Eugénie*. В церемонии венчания я вижу необходимость чисто юридического смысла. По моему *кровному* убеждению, союз брачный должен быть чужд всякой публичности, это дело касается только двоих — больше никого. Вы боитесь *scandale*, анафемы и толков — этого я просто не понимаю, ибо я давно позволил безнаказанно проклинать меня и говорить об мне все, что угодно, тем, с которыми я на всю жизнь *расплевался*. *Таковые* для меня не существуют. У меня есть свой круг и свое общество, состоящее все из людей, женившихся совсем не по-русски» (стр. 29–30).

При этом Marie на словах присоединяется к его собственным суждениям, готовая согласиться со всеми его теоретическими построениями, но стремится действовать иначе — она отдает ему слова, пытаясь отстоять поступки:

«Вы пишете, что теперь поняли всю дикость нашего общества и пр. Знаете ли, что ведь ваши слова — не больше, как слова, слова

и слова? Ибо они не оправдываются делом. Общество улучшается через благороднейших своих представителей, и ведь кому-нибудь надо же начинать. Вы похожи на раба-отпущенника, который, хотя и знает, что его бывший барин уже не имеет никакой над ним власти, но все, по старой привычке, почтительно снимает перед ним шапку и робко потупляет перед ним глаза. Мне кажется, что разум дан человеку для того, чтобы он разумно жил, а не для того только, чтобы он видел, что он неразумно живет» (стр. 30).

И на второй день после получения столь подействовавшего на Белинского известия он все еще не отказывается ехать в Москву, но появляются характерные оговорки, которые ранее предназначались для других, — теперь другой, чужой становится невеста:

«Повторяю вам, я поступаю так, как решите вы в ответ на это письмо <...>; хотя, кроме сказанного мною об ужасе и отвращении, какое внушает мне одна мысль об ожидающих меня в Москве мещанских (bourgeois) проделках, есть и еще весьма неприятное обстоятельство: Краевскому крайне неприятна мысль о моем отъезде и, несмотря на все мои доводы, он не видит достаточной для нее причины. И потому мне теперь надо страшно работать, чтобы статьи последних №№ успели ко времени и были хороши. Однако ж все это я употреблю все мои силы преодолеть. <...> Касательно причин, которые вы можете представить М-me Charriot и дядюшке <...>. Вы нисколько не будете лгать, если скажете, что я не могу отлучиться из Петербурга, по причине моих занятий. Вам придется только прикрасить эту истину, сказав, что я, в случае поездки, лишусь места в журнале, которое дает мне 6.000 руб. асс. в год и которое отдается другому. Неужели такого довода мало для этих людей¹³» (стр. 31).

Центральной становится тема предрассудков — и говорения от лица разума. Белинский настаивает не только и не столько на том, что для него нестерпима картина будущей московской свадьбы, сколько на том, что все эти представления неразумны, их необходимо отбросить и стать если не современными, то ближе к «Европе»:

¹³ Письмо написано в тот же день: стр. 35–37.

«Петербург столетием обогнал Москву и на 700 верст ближе к Европе. В Петербурге люди заняты, живут работою и знают, что такое время. Поэтому в Петербурге приезды невест к женихам (какие гнусные термины!) нередки и обыкновенны. Калмыцкий принцип родства в Петербурге очень слаб в сравнении с Москвою. В Петербурге никому нет дела до других, потому что много своих хлопот. Там брат по году не видит брата, не будучи в ссоре. Москве больше нечего делать как жрать и сплетничать. Разумеется, для нее позевать на свадьбу — великая радость; да какая же радость лишить ее этой радости! Неужели вы не понимаете этого?» (стр. 32).

Marie прибегает к аргументам о необходимости считаться с общественным мнением ради сестры, которой предстоит оставаться жить там же, с теми же людьми — и о мнении в их глазах необходимо заботиться независимо от того, разделяешь их представления или нет. Белинский отвечает двояко. Прежде всего он прямо снимает тезис, что Марией движет в первую очередь забота о сестре:

«< ... >скажу вам прямо, что не верю, будто положение Аграфены Васильевны заставляет вас так действовать: нет, причина этому — *votre esclavage*, ваша московская боязнь того, что скажут о вас люди, которых вы в душе презираете и не любите, но перед мнением которых вы ползаете. Это стыдно и грех. Это преступление перед Богом и совестью. Скажу более: это низко и недостойно вас. Если бы вы, в понятиях ваших, шли в уровень с толпою, — тогда другое бы дело» (стр. 32).

Но гораздо более примечательна вторая часть контраргументации Белинского, оборачивание темы общественного мнения, страха пересудов — как он будет выглядеть при венчании в том случае, если согласится на желание невесты:

«Скажут, пожалуй, что я женюсь на вас потому только, что уж сказал слово, и что, поэтому, мое венчанье походило на похороны. А такого рода толки таковы, что возмущают мою душу заранее, при всем моем презрении к мнению толпы, ибо эти толки оскорбляют не меня, а вас, — а я многое в состоянии перенести, кроме того, что бы могло бросить на вас какую-либо тень и так или сяк оскорбить вас» (стр. 33).

Теперь трактовка происходящего сдвигается — это испытание, которое должно поднять, преобразить невесту, позволить ей быть собой — то есть такой, какой, на взгляд Белинского, она должна быть:

«Ах, Marie, Marie, вы, которая так умеете понимать, чувствовать и любить, вам ли быть рабою мнений дикой толпы? Вам ли иметь так мало силы характера и воли и дрожать призраков и теней, которыми пугают только глупцов? О, нет, я уверен, что это только непривычка к новым мыслям, исполнение которых требуется так безотлагательно — не больше; я уверен, что теперь внутри вас раздастся за меня сильный голос, и что вы выйдете из этой борьбы победительницею. Вам Бог дал высокий рост, зачем же приседать, горбиться и сгибаться? Вам Бог дал столько ума, зачем же ему ограничиться одною только теориею и не перейти в жизнь, дабы самым делом служить Господу и хвалить его? Вашу руку, Marie, вашу руку — мне дал вас Бог, и потому я хочу, чтобы вы были моею не только перед людьми и светом, но и перед Богом: а это возможно только тогда, когда вы и чувством, и словом и делом вместе со мною станете перед Ним на колена. Отвечайте мне скорее и не забывайте, что все-таки, если надо будет мне приехать в Москву, я приеду¹⁴» (стр. 35).

Уже на следующий день — новое письмо, где ссылается на разговор с Краевским.

«Дело ясное, что поездка моя в Москву жестоко расстроила бы дела “Отечественных Записок”, ибо, в случае ее, одна книжка необходимо должна остаться без моей статьи. Венчание в Петербурге взяло бы у меня два-три дня — не больше, поездка в Москву отнимет *восемь* дней только на проезд взад и вперед, меньше недели нет никакой возможности остаться в Москве — итого 15 дней, да перед отъездом дня два или три какая уж работа, да по приезде дня два-три тоже — итого 21 день!! Стало быть, о статье нечего и думать; а Краевский не хочет и думать, чтобы не было статьи. <... > Зачем же его интересы должны страдать от моих, особенно, когда

¹⁴ И в том же письме, чуть ранее: «Если нельзя иначе — что делать! В таком случае, я, конечно, не имею нужды уверять вас, что будет по вашему, а не по моему» (стр. 34).

есть средство устроить дело к обоюдному удовольствию? Справедливо ли это? Здесь напомним вам одну фразу из вашего письма: «Думая о себе, должно ли забывать о других?» Конечно, Краевский слишком ценит меня и дорожит мною, чтобы решился разойтись со мною в случае моего отъезда против его воли (в этом случае справедливой и законной); но он тогда будет иметь полное право стать со мною на холодно-вежливые отношения, а это, кроме всего другого, сильно повредит моим интересам, о которых я теперь уже обязан думать и пешись» (стр. 37–38).

Здесь же следом — аргумент о тратах: «Ведь я приеду в Москву затем, чтобы сперва разыграть интересную роль *жениха*, а потом не менее интересную роль *молодого* (что за милые термины!): это, по-видимому, пустое обстоятельство обязывает меня, кроме траты на проезд и житье в Москве, истратить еще не мало денег на фрак, белый жилет, белый галстук, словом, на костюм, приличный обстоятельству» (стр. 38) — и трата эта будет бесполезной, поскольку «по приезде в Петербург вся эта дрянь мне будет не нужна, потому что мне никогда не придется надевать ее на себя» (стр. 38).

В том же письме, приписывая 4-го октября — развернутое изложение своей новой позиции, попытка собрать воедино аргументы, подобрав наиболее убедительные для Marie. Чтобы не прерывать течение речи Белинского — комментарий в данном случае подстрочный:

«До сих пор не могу опомниться от вашего письма — так неожиданно было для меня его содержание. Когда, в Москве, говорил я вам о моем приезде, у меня и мысли не было о M-me Charriot, которой, по моему мнению, не было никакого дела и интереса до нашего дела; о дядюшке с тетушкой думал я — может быть, захотят быть при церемонии — и этим все и кончится. Присутствие 20 особ и парадного стола после церемонии мне и в голову не входило, ибо я думал, что вы скорее согласитесь сто раз умереть, чем добровольно подвергнуться унижению и позору китайских и тибетских обычаев. Я так в этом случае был уверен в вас, что не хотел и говорить об этом. Я робок и дик в обществе и с незнакомыми людьми. Но в обществе порядочном я менее дик, а иногда бываю даже разговорчив и смел; в обществе, каково то, к которому принадлежат ваши родственники, я теряюсь и уничтожаюсь, даже не-

чаянно попавши в него; и играть в нем роль, и притом еще такую, слушать поздравления, сопровождаемые то идиотскими, то злыми улыбками, слушать любезности и лакейские экивоки (что неизбежно, если тут будет, напр., тот милый ваш родственник, в котором Любовь видит идеал светской любезности) — это не только наяву, но и во сне страшно увидеть — можно проснуться с седыми волосами! К этой пленительной картине недостает только встречи нас с хлебом и солью (впрочем, это-то, вероятно, будет), да еще того, чтобы члены “честного копанства” (т. е. гости), прихлебывая вино, говорили бы: *горько!* а мы бы с вами целовались в их удовольствие; да еще недостает некоторых обрядов, которые бывают на Руси уже на другой день, и о которых я, конечно, не буду вам говорить. Вы, может быть, скажете мне: “что же за любовь ваша ко мне, если она не может выдержать вот какого опыта, и если вы для меня не хотите подвернуться, конечно, неприятным, но не необходимым условиям?” Прекрасно; но если бы на Руси было такое обыкновение, что желающий жениться непременно должен быть всенародно высечен трижды, сперва у порога своего дома, потом на полпути, а наконец у входа в храм Божий; неужели вы и тогда сказали бы, что мое чувство к вам слабо, если не может выдержать такого испытания? Вы скажете, что я выражаюсь, во-первых, слишком энергически (извините; я люблю называть вещи настоящими их именами, а китаизм не считаю деликатностью), а во-вторых, по моему обыкновению утрирую вещи, и что то, что я сказал, далеко не то, чему я должен подвергнуться. Вот это-то и есть самый печальный и грустный пункт нашего вопроса. Я глубоко чувствую позор подчинения законам подлой, бессмысленной и презираемой мною толпы; вы тоже глубоко чувствуете это; но я считаю за трусость, за подлость, за грех перед Богом подчиняться им, из боязни толков; а вы считаете это за необходимость. Вопреки первой заповеди вы сотворили себе кумира, и из чего же? — из презираемых вами мнений презираемой вами толпы! Вы чувствуете одно, веруете одному, а делаете другое. А это и не великодушно, и не благородно! Это значит молиться Богу своему втайне, а вьявь приносить жертвы идолам. Это страшный грех! О, я понимаю теперь, почему вы так заступаетесь за Татьяну Пушкина¹⁵, и почему меня это всегда так бесило и печаливало, что я не мог говорить с вами порядком и толковать об этом предмете!

¹⁵ См.: стр. 23, письмо от 25–29.IX.

Любовь есть религия женщины, и нет для женщины высшего и более святого наслаждения, как всем жертвовать своей религии. Для нее свято всякое законное и справедливое требование того, кого она любит.

С моей стороны, я тоже имею право предложить вам вопрос: “Неужели же ваше чувство ко мне так слабо, что вы не можете принести мне жертвы (необходимость какой внутренне признаете сами) и не можете выполнить самого справедливого и законного, не требования — я не требую, а прошу, умоляю вас?..”

Я уверен, Marie, что первые два письма произвели на вас должное действие и вполне уверили вас в справедливости моих настроений. Это письмо я пишу для того, чтобы окончательно утвердить вас в разумном решении, чтобы договорить все, что можно сказать об этом предмете, и чтобы, во всяком случае, — т. е. согласитесь вы со мною или не согласитесь, — уже более не говорить об этом ни слова. Вы, может быть, увидите в этом письме некоторое противоречие¹⁶: в начале его я говорю о невозможности ехать мне в Москву¹⁷, и как будто на этой невозможности основываю необходимость вашего решения ехать мне в Петербург; а потом доказываю эту необходимость моим отвращением покориться китайским позорным обычаям. Тут противоречия нет никакого: мне, действительно, ехать нельзя, но, в то же время, скажу вам откровенно, что мне было бы очень грустно, если бы вы решились ехать только потому, что мне нельзя ехать, а не по согласии со мною, вместе с тем, в доводах второго разряда... Я уверен, что вы хорошо поймете, что я хочу сказать этим.

Но — великий Боже! — какая ужасная идея входит мне в голову: неужели это возможно, что дело наше, из *такой* причины, отложится, и мы не будем обвенчаны до поста¹⁸? Нет, Marie, если

¹⁶ Белинский сам заметил, что оказался в противоречии своим предшествующим утверждениям.

¹⁷ Любопытно, что вначале — 3-го числа, в том месте, на которое здесь ссылается, — он говорит никак не о невозможности, а о большом неудобстве, сложности поездки, тех осложнениях, которые она вызовет в делах журнала и отношениях с Краевским. Здесь возникает другая формулировка, которая заимствована как раз из «письма для предъявления» и которая в дальнейшем утверждается, разрастаясь, — сложность в последующих письмах оборачивается невозможностью — и одновременно тем самым, при неготовности Marie принять вариант Белинского, будет означать отложение брака.

¹⁸ Т. е. здесь уже другой ход самоубеждения — от невозможности поехать — и манипуляции Marie, ведь в силу ее решения брак отложится. Несколькими

не из любви ко мне, то хоть из сожаления пощадите и спасите меня. <...>Ах, Marie, Marie, только теперь почувствовал я, как сильно, как глубоко люблю я вас. То, что считаю я в вас недостатком, заставляет меня не сердиться на вас, не охладевать к вам, но болезненно страдать. Со времени получения вашего письма я сам не свой. Вы недавно писали ко мне, что вы стары, больны и дики в обществе, что это такие недостатки в вас, которые я должен принять на себя, как наказание Божие: я смеялся и смеюсь над этим, хотя — скажу это не в похвальбу себе — немногие способны над этим смеяться. Но я вижу в вас большой недостаток в том, в чем опять-таки слишком немногие способны увидеть его, — это в вашем esclavage... Поймите же меня и уважьте во мне то, что составляет фонд и лучшую сторону моей природы, моей личности» (стр. 39–42).

В письме от 5 октября М. В. практически соглашается с Белинским (см. письмо Белинского от 10 октября) — и он пишет счастливое письмо: «Не буду (потому что не могу, не в силах) писать вам, как обрадовало меня ваше решение ехать в Петербург. Это решение достойно вас и доказывает мне ясно, что я не ошибся в вас. Сперва вы думали об этом предмете иначе — что ж за беда! Зато теперь вы думаете о нем, как следует. Ошибки извинительны человеку, особенно если они выходят не из его природы, а из воспитания, из общественного мнения и т. п. Дело не в том, чтобы никогда не делать ошибок, а в том, чтоб уметь сознавать их и великодушно, смело следовать своему сознанию. Я больше всего ценю в людях эластичность души, способность ее к движению вперед. Вот беда, когда эта божественная способность утрачивается. В вас она жива — этого для меня слишком довольно, чтоб быть счастливым через вас и вами» (стр. 43, письмо от 10.X). М. В. столь же порывиста, как и адресат ее письма, — она уведомляет, что собирается выезжать 15-го — и здесь Белинскому приходится ее останавливать, поскольку еще не сделан оклик, еще не готово ничего к венчанию (стр. 43). Но уже в следующем письме (от 8 октября, см. стр. 50) Marie извещала Белинского о результатах объяснения с дядей — за чем следует череда идущих одно за другим, иногда по два в один день, предельно взволнованных писем Белинского.

днями позднее Белинский добавит к этому новое «опасение», уже сомнения в самой возможности брака, представляя его как свой «страх».

Сразу же по получении нового письма от М. В. он пишет, отсылая к предыдущему ее письму:

«Я не жалел о том, что письмо мое заставило вас много и тяжело страдать: страдание благодатно, когда оно ведет к сознанию. Мне было бы даже неприятно, если бы вдруг и спокойно согласились со мною в том, чего за минуту и представить не умели себе, как возможное и естественное; и потому в вашем страдании я видел органический, живой процесс сознания и благословил его. Ваше письмо было писано в два приема и составляет как бы два письма. Первое оканчивается изъявлениями вашей любви ко мне, которые тронули меня до глубины души, до слез; почерк слабеет, и последние строки едва дописаны — волнение души вашей прервало их. Второе письмо начинается мыслью, что ваше страдание было не бесполезно, — и по вашему решению ехать в Петербург я увидел, что вы с честью и победою вышли из борьбы. Да, ваше письмо было прекрасно; как в зеркале, отражало оно в себе вашу душу, ваше сердце, все, что я в вас так высоко уважал, а *потому* и любил. В этом письме вы были самой собой, без всяких посторонних влияний» (стр. 47, письмо от 12.X).

Теперь все изменилось:

«Сегодня получил я от вас второе письмо, которое вы написали, побывав у своего дражайшего дядюшки, и в котором *поэтому*, я уже не узнал вас. В нем ничего нет вашего, — особенно вашей благородной откровенности: вы хитрите и лукавите со мною, а может быть, прежде всего с самой собою. “Я приеду, непременно приеду”, говорите вы; но к этому прибавляете: “если вы так этого хотите”. А разве вы не знаете, что я так этого хочу? Разве вы не знаете, что я так этого хочу потому, что иначе нет возможности соединиться нам, ибо ехать в Москву я решительно не могу? Кажется, я об этом писал подробно и ясно¹⁹? Потом, как вы обещаетесь приехать? — с оговорками, что, может быть, дурно сделаете, пожертвовав одному чувству другими, хотя и не столь сильными, но все же

¹⁹ Здесь уже невозможность приезда утверждена — и вместе с тем оказывается, что другой возможности соединиться нет, т. е. Белинский создает конструкцию, в которой отказ, нежелание Marie приехать в Петербург — едва ли не равнозначен нежеланию вступить в брак.

святыми; что, может быть, убьете сестру и отца, и что, может быть, приедете в белой горячке... Marie, Marie! да кто ж этак соглашается? Этак только отказывают начисто...» (стр. 47–48).

Здесь Белинский представляет Marie постигшее его разочарование, если сама невеста подчеркивала свои очевидные недостатки — возраст, болезни, то Белинский ставит под сомнение ее способность любить в его понимании:

«Меня убивает мысль, что вы, которую считал я лучшей из женщин, что вы, в руках которой теперь счастье и бедствие всей моей жизни, что вы, которую я люблю, вы — раба мнений московских кумушек, салопниц и тетушек. Вот чем Бог-то наказал меня за грехи, а не тем, что вам 32 года и что вы больны... И тяжка наказующая меня десница!..

В вас есть способность к безграничному самоотвержению, к любви и преданности, полной и совершенной, но не иначе, как с дозволения правительства и с одобрения дяденьки с тетенькой» (стр. 50).

Утверждая во 2-й статье о «Сочинениях Александра Пушкина», что современная любовь означает «видеть в женщине человека», Белинский далек от утверждения равенства — в его текущей концепции для женщины любовь — это «религия», «долг» (в отличие от мужчины, который не может целиком помещать себя в любовное, живет общественной жизнью), и, следовательно, женщина должна быть способна пожертвовать ради любви всем, чего не требуется от мужчины и что в его случае как раз будет признаком слабости, юности. Теперь Mariea дресуется упрек в неспособности любить вполне:

«Ах, Marie, Marie! Пока дело шло о таких выражениях любви, как, напр., подарить крестик и обязать меня носить его, перекрестить и пр., — вы были смелы и решительны. А как дело коснулось до жертвования, крошечку посущественнее, — вы испугались белой горячки... Что ж ваша любовь ко мне, ваше чувство?.. Робко же вы любите! Вы говорите: *если б* вы были сиротой, совершенно одинокою, вы ни минуты не поколебались бы ехать в Петербург и не испугались бы остаться на два, три дня до венчанья под одною кровлею со мною. Не верю, Marie, решительно не верю. Есть положения в жизни, для которых не существует условий,

которые не допускают *если б*. Таково положение — любовь, особенно для женщины. Это ее долг, обязанность, религия, и для женщины нет ничего сладостнее, как всем жертвовать религии своего сердца. Любовь дает ей силу творить великое и пристыжать свою силою гордого, сильного мужчину. Принести жертву еще дело не великое: великое в том, чтобы насладиться, обрести источник счастья в собственной жертве. Жертвы, делаемые по холодному долгу, часто убивают (напр., ввергая в белую горячку); жертвы, совершаемые по любви, дают счастье тому, кто приносит их. Иначе я не умею понимать ни любви, ни самоотвержения.

Вы на меня смотрите как на своего жениха, т. е. как на человека, с которым вы можете быть связаны навеки, но с которым вы еще не связаны навеки. Я совсем иначе смотрю на наши отношения. Вы в моих глазах давно уже жена моя, с которою уже не может у меня быть разрыва. И поэтому я думаю, что если, женившись на вас, я буду иметь право выписать вас из-за тысячи верст по первой надобности, то почему же общество теперь не признает моим этого права!» (стр. 51).

Здесь можно видеть соединение двух линий: во-первых, логика перехода из одного круга в другой. Белинский изымает невесту из семьи, разрывая ее старые связи, — в новый мир и новое общество (см. стр. 40-е — о кругах общения в Петербурге, его круг — который станет ее, т. е. у нее нет автономии — отсюда же рассуждения о религии любви).

Во-вторых, логика любви как непосредственного, страсти — превзойти предрассудки, способность действовать, не оглядываясь на мнение других, — есть свидетельство подлинности чувства. 12 октября Белинский пишет: «Вы страдаете сами; да зачем же вы, бедный и милый друг мой, страдаете без достаточной причины? Зачем пугаете себя призраками, созданными вашим воображением? <...> Поверьте мне, Marie, вы пугаетесь призраков; вы не можете выносить взглядов и выражений ваших родственников — вот и все. Но неужели же мысль о вашей счастии не даст вам силы быть слепую и глухою к людям, которые — поверьте — не по участию к вам, а по страсти мешаться не в свои дела, будут изливать свое неудовольствие, что их лишили любопытного для них зрелища?» (стр. 53–54). На следующий день этот мотив развивается: «<...>увы! мы еще не соединены, а я уже глубоко несчастен и страдаю таким страданием, которого и возможности прежде не подозревал. Я получил удар с такой стороны, с которой ни-

когда и не ожидал. Я разошелся бы навсегда с лучшим моим другом, если бы, назад тому несколько времени, он стал утверждать, что вы до такой степени зависите от мнения людей, над которыми в других случаях внутренне смеетесь» (стр. 54–55). И далее:

«Ваше письмо, в котором вы так легко, как о чем-то возможном для меня, говорите о необходимости подвергнуться шутовским церемониям, — это письмо было для меня ударом грома, внезапно упавшим к ногам моим в ясную погоду. Я думал о вас, что вы скорее согласитесь умереть лютою смертью, чем добровольно подвергнуться бесчестию и позору подлых обычаев» (стр. 55).

Разговор с Вержбицкими:

«<...> вас точно оправдывали (хотя меня и не обвиняли); но чем же? — тем, что вы воспитаны и живете в Москве, а потому и не можете более или менее не думать по-московски... Боже мой! Да я бы хотел видеть в вас не дочь Москвы, Петербурга или другого города, а просто женщину, которая в важных обстоятельствах своей жизни руководствуется только внушениями и откровениями своей женской натуры, не справляясь с мнением Москвы, Петербурга, дядюшки, тетушки и пр.» (стр. 56–57).

«Мысль, что вы не выше предрассудков и зависите от мнения ваших родственников, эта мысль — мрачная тень на мое счастье в прошедшем и будущем» (стр. 57).

К 12 октября «невозможность» приехать оказывается уже ключевым тезисом:

«Вы пишете ко мне, что в Москве можно обвенчаться скромно, словом, как я хочу: это обстоятельство делает то, что *убеждения* мои уже не помешали бы мне приехать в Москву; но *обстоятельства*, это дело другого рода, и клянусь вам Богом и честью, что, с этой стороны, *приехать в Москву я никак не могу*, как бы ни желал этого» (стр. 51–52).

Белинский молит:

«Marie, моя добрая, моя милая Marie, у ваших ног, рыдая, обнимая ваши колена, целуя край вашего платья, умолю вас: спасите ме-

ня от горя и отчаяния, сделайте меня вполне счастливым — приезжайте; но решитесь на это твердо, мужественно, проникнувшись чувством обязанностей, которые налагает на вас любовь, если вы любите меня. Что мне в вашем вынужденном решении? Оно убьет меня, отравит мое счастье» (стр. 53).

И тут же следом, 13-го числа, вновь утверждая невозможность ехать в Москву, вводит тему сомнения — состоится ли вообще их брак:

«Я теперь Бог знает что бы дал за возможность приехать к Вам. Клянусь вам всем святым, я был бы счастливейшим человеком, если бы мог приехать в Москву, чтобы спасти вас от бессонных ночей, от слез и мук нерешительности. Не симпатизируя с вашим горем (ибо не понимаю его), я тем не менее страдаю им. Каждая слеза ваша падает каплею яда на мое сердце и сушит его. Но я не могу приехать: могущественная сила обстоятельств не допускает меня до этого. <...> Вы пишете, что и для вас была бы тяжела отсрочка до Рождества: эта отсрочка *невозможна*, ибо, если я могу приехать в Москву, то разве только после Пасхи, когда прекращается подписка на журналы. Итак, ждать почти до мая! Неужели вы согласитесь на это, чтобы только избегнуть ненавистной вам поездки? Неужели вам не страшна такая отсрочка? Мне — так она ужасна. <...> Мало ли что может случиться в это время? Не должно пытаться судьбу: дает — берите сейчас же, или после не жалуйтесь на нее. В этом отношении я фаталист, чем и вам желаю быть. Мне почему-то кажется, что если мы не обвенчаемся до поста предрождественского, то никогда уже не соединимся. Это предчувствие — глупость, но оно мучит меня» (стр. 58)²⁰.

Через день, 15 октября:

«Одумавшись, я понял, что требовал от вас слишком много, был к вам несправедливо строг. Ваша слабость теперь понятна мне, и я от всей души извиняю вас в ней. Поживя со мной, вы на многое будете смотреть иначе и во многом будете поступать иначе;

²⁰ Ср.: стр. 72, письмо от 18 октября, вспоминая о прогулках в Сокольниках минувшим летом: «Это было счастливое время! может быть, такого уже не будет для меня! А все родственники!...».

но теперь — как винить вас за то, что дышите тем воздухом, который окружает вас, а не тем, который далек от вас! Сегодня видел я во сне, будто вы приехали ко мне. Я был бы счастлив, очень счастлив, если бы сон мой сбылся; но ваше спокойствие, ваше здоровье дороже мне всего, и вы поступайте свободно, не принуждая себя. Зимой мне решительно невозможно будет приехать; придется подождать до весны» (стр. 60).

В тот же день — по получении письма от М. В.:

«Ах, Marie, Marie, вы меня не понимаете, или не хотите понять: не грех ли вам думать, что я лгу перед вами, обманываю вас, уверяя, что не могу к вам приехать? И не могу я к вам приехать совсем не по боязни шутовских церемоний, которых — я верю вам — не было бы теперь, если б я приехал. Не могу я приехать по тому же самому, почему часовой не может сойти со своего поста, хотя бы от этого зависело счастье всей его жизни» (стр. 61).

И по поводу предложения остановиться в Москве у родственников М. В.:

«Вы, Marie, совсем не понимаете меня с моей главной и существенной стороны. Знаете ли вы, что людей, с которыми я ни в чем не могу сойтись, я считаю моими личными врагами и ненавижу их? И знаете ли вы, что я это считаю в себе добродетелью, лучшим, что есть во мне?» (стр. 63).

Все в то же 15-е октября — еще одно письмо:

«Итак, до апреля или почти до мая! И еще столько времени неопределенных отношений, которые мучительнее всего в мире, и которые, сверх того, могут еще кончиться — ничем, к вечному горю обоих нас или того, кто из нас живучее. Вот что значат предрассудки!» (стр. 64).

Одновременно Белинский вводит элегический мотив — уверяя, что не винит Marie:

«<... >нас разделило воспитание, а не природа» (стр. 67),

после чего обращается к различию представлений — и что грань проходит не между Москвой и Петербургом, а между тем кругом, в котором живет Marie, и кругом Белинского, что и в Москве есть те, кто разделяет подобные его воззрения и живет в соответствии с ними — рассказывая о Наталье Александровне, жене Герцена, о Грановском, примечательно в конце вводя тему общественно-го мнения, одним штрихом указывая, что способ жить, отличный от принятого Marie, может пользоваться уважением — тех, кого сами так живущие не уважают:

«Когда шли толки о том, надо ли обвенчаться Боткину с Armanse или остаться им без венца в интимных отношениях, — я сказал, что это невозможно в нашем обществе, ибо, прежде всего, кто же захочет быть знакомым с Armanse? — Жена Герцена и моя жена прежде всех, — сказал Грановский. Право, Marie, все это не дурные люди, и они образуют собою свой отдельный круг общества, который кроме себя никого знать не хочет и никем не интересуется, но которым многие и многие очень интересуются. <... >

Ах, Marie, Marie! Жизнь коротка и обманчива, ловите ее — или после не раскаивайтесь! В Китае обычай и приличие выше истины и счастья: выезжайте из Китая, т. е. из Москвы, и спешите ко мне. Верьте, счастье, которое вы вкусите, не даст вам помнить о существовании людей, которые любят вмешиваться не в свои дела. Узнавши меня, вы не будете узнавать себя. Как женщина, вы так мало знаете жизнь, что с вами иногда нет возможности говорить о ней, сложно с ребенком. Я знаю, напр., что мои причины невозможности ехать в Москву вы находите неудовлетворительными, особенно со стороны моих отношений к “Отечественным Запискам” и Краевскому; но объяснить я вам их не в силах, именно потому, что вы женщина и притом русская женщина. Приехав, сами увидите и — поверьте — не раз вспомните о своей несправедливости ко мне и посмеетесь над собою» (стр. 68, 70–71).

И после всего сказанного — когда Белинский почти примирился с тем, что Marie не приедет — внезапно он извещает, что поговорил с Краевским — впервые по поводу возможности поехать в Москву (оказывается, что ранее он не спрашивал своего издателя и редактора об этом), и, более того, оказывается, что это возможно:

«Тяжело и грустно, а, кажется, надо расстаться с прекрасною мечтою вашего приезда в Петербург; до сих пор надежда не оставляла меня, но полученное сегодня мною письмо сразило меня совсем, так что я прибегаю к мере, о которой и думать не смел: *говорил с Краевским о том, чтобы мне ехать* [выд. нами. — А. Т.]. Если доставка денег в продолжение этих трех дней, — поеду. Хотя эта поездка горше редьки, однако, он был так добр, что, хотя и нехотя, а сказал: “что ж делать”» (стр. 74, письмо от 22–23.X).

Теперь, когда поездка в Москву вновь оказывается реальной, Белинский озабочивается тем, что изначально вызвало взрыв его страхов:

«При этом я помню ваше слово: что шутовских церемоний, обеда у дядюшки, шампанского и поздравлений не будет. Не могу без содрогания подумать и о том, что буду представлен *m-me Charriot*, до которой мне нет никакого дела, и вашему дядюшке, которого от души ненавижу и проклинаяю» (стр. 75)²¹.

Это отступление было уже излишним — Marie сдалась, настояния, скрытые угрозы и мольбы сделали свое дело, и уже 30 октября Белинский отсылал в Москву неожиданно лаконичное послание, готовясь встретить невесту в Петербурге, целиком принявшую его условия.

Та банальная история, которая отражается в этой переписке, пришедшей условно к благополучному концу, приезду М. В. Орловой в Петербург и венчанию, без всяких столь неприязненных Белинскому ритуалов мелкодворянского быта, совершенному 12 ноября, любопытна как пример, с одной стороны, вполне ро-

²¹ Объектом ненависти для Белинского становится дядюшка Marie, тот, кого он винит за расстройство первоначального, уже сделанного невестой согласия на план приезда в Петербург. О ненависти к нему он пишет невесте, например, 15 (стр. 68) и 20 октября (стр. 74), чтобы вполне проявить это чувство в коротком письме от 27 октября: «Слова два о вашем дядюшке. Я знаю, что вы себя и вообще всю нашу историю считаете причиною его болезни <...>. Кетчер совсем иначе объяснил мне его болезнь. Вот его слова: “Ее дядя — неутомимый взяточник; впрочем, в нем есть свои хорошие и даже человеческие стороны; ему велели подать в отставку — и вот причина его болезни, которую он с умыслом сваливает на ее упорство ехать в Петербург”. Я бы этого не написал к вам, Marie, если бы не знал, что вы страдаете, считая то меня, то себя виною болезни вашего дядюшки» (стр. 86).

мантической концепции любви, где мужчина берет на себя роль педагога, того, кто поднимает женщину, — и при этом ей остается либо успешно следовать по этому пути, либо ему или внешнему наблюдателю — констатировать ее несостоятельность. С другой — переписка эта раскрывает вполне далекость романтической рефлексивности от самоотчета: письма Белинского Орловой за два месяца 1843 года вполне родственны большим исповедальным письмам его же или его друзей второй половины 1830-х гг., само его представление о любви требует «понимания», но понимание это оказывается относимым к разделению теоретических воззрений — а отнюдь не прозрачности для себя. Напряженность этих писем оказывается родственна скорее историческому, чем собственно исповедальному, оказываясь цепочкой весьма прозрачных лукавств, обманов и самообманов, попыток манипулировать другой — по всей видимости отвечающей тем же. И все это — соединенное с ощущением собственного превосходства, принадлежности к малому кругу людей избранных, тех, кто живет в соответствии с современностью — на 700 верст ближе к Европе.

Андрей Тесля

ПИСЬМО Ю. Ф. САМАРИНА К СЫНУ Н. А. МИЛЮТИНА (1872)¹

Юрий Федорович Самарин (1819–1876) познакомился с Николаем Алексеевичем Милютиным (1818–1872) в Петербурге, во второй половине 1840-х, когда они оба служили в Министерстве внутренних дел, но особенно они сблизились с 1858–1859 годов, в совместной работе в Редакционных комиссиях. С этого времени их отношения не прерывались, а осенью 1863 г. Милютин, которому была поручена разработка и приведение в действие реформ в Царстве Польском, призванных лишить инсургентов широкой народной поддержки, в первую очередь обратился за содействием в подготовке аграрных преобразований к Самарину (и, через его посредство, к кн. В. А. Черкасскому). Результатом их совместной работы стала аграрная реформа в Царстве Польском, введенная четырьмя указами 19 февраля 1864 г.: «Об устройстве крестьян», «Об устройстве сельских гмин», «О ликвидационной комиссии» и «О порядке введения в действие новых крестьянских постановлений». В дальнейшем при сложностях, возникших в администрации Царства Польского между А. И. Кошелевым,

¹ Работа поддержана из средств субсидии, выделенной на реализацию Программы повышения конкурентоспособности БФУ им. И. Канта. Андрей Тесля — к. филос. н., с. н. с. ИГНБФУ им. И. Канта, научный руководитель (директор) Центра исследований русской мысли ИГН БФУ им. И. Канта. mestr81@gmail.com

В. А. Черкасским и Н. А. Милютиним, Самарин целиком принял сторону последних².

Вспоминая в последнем письме к сестре, гр. М. Ф. Соллогуб, о временах работ Редакционных комиссий, Самарин писал:

«Признаюсь: меня теперь самого удивляет та смелость, почти дерзость, с которою мы (человек 6–8) взялись за него, при тогдашних обстоятельствах.

Мы наперед и очень хорошо знали, что вся нравственная ответственность за решение вопроса падет именно на нас и только на нас — это, положим, еще ничего. Но мы также знали, что в годовой или много двухгодовой срок от нас потребуется готовый проект по такой задаче, над которою Германия без усталости трудилась полвека с лишком; что в Питере мы не найдем ровно ничего, никакой подготовки, ни установившихся убеждений, ни твердой программы, ни даже материалов, хотя бы например заблаговременно собранных и проверенных статистических сведений. Между прочим, в виду несомненной и фатальной реакции сверху, которой неизбежность также ни для кого не была сомнительна, необходимо было, чтоб сделать прочно что-нибудь, на первых же порах сделать непременно все, не рассчитывая на последовательно в будущем, не растягивая операцию на долгий срок, какого она потребовала бы при нормальных условиях (как было например в Пруссии). Помню, что покойный Милютин ни на одну минут не терял из виду этой реакции; он не то что предусматривал ее, а видел перед глазами, и в 1860 году рассказывал нам как и в какой форме, с какой стороны она явится, точно бы он летом рассуждал о неизбежной осени. — Этой смелости, которая меня теперь удивляет при оглядке на прошлое, никто из нас в то время однако даже не признавал. Что значит молодость и чего она не сможет! — Я разумею молодость не Милютина, не Черкасского и др., а молодость времени, восход нового Царствования, эту благословенную пору, когда мигом забывается все прошлое, кроме старых упований, тысячу раз обманутых и осмеянных, и все таки периодически воскресающих с прежнею самоуверенностью, как воспетая Тютчевым всеобновляющаяся весна»³.

² См.: Нольде Б. Э. Юрий Самарин и его время. М., 2003. С. 126–148, 160–188.

³ Письмо от 20 февраля / 3 марта 1876 г., Берлин // ОР РГБ. Ф. 265. П. 37. Ед. хр. 12. Л. 460–464.

После того, как в декабре 1866 г. Милютин перенес тяжелый инсульт, от которого так и не смог оправиться, Самарин неоднократно навещал его во время своих заграничных поездок, поддерживая контакты с ним самим и его семейством также и через Черкасских, в первую очередь через княгиню Екатерину Алексеевну.

Скончался Н. А. Милютин в Москве 26 января 1872 г. Письмо Самарина из его сызранского имения к сыну Николаю Алексеевичу, Юрию Николаевичу, примечательно в первую очередь как выражение его нравственных представлений, ярко высвечивая свойственную ему этику долга⁴.

Печатаемое ниже письмо было переслано Самариним Ю. Н. Милютину через Д. Ф. Самарина. В письме к последнему от 17 октября 1872 г. Самарин просил брата: «Перешли прилагаемую записку Ю. Милютину. Я не знаю адреса Катковского лицея»⁵. А в письме к свояченице, жене Петра Федоровича Самарина, Юрий Федорович 2 ноября 1872 г. благодарил: «Спасибо тебе, милая Лина, за известия о семье Милютиных. Очень рад, что Марья Аггеевна поправилась и что у них все хорошо устроилось, особенно, что Юрий попал в настоящую школу — я писал к нему на днях»⁶.

Юрий Николаевич Милютин (1856–1912) в дальнейшем играл довольно заметную роль в отечественной общественно-политической жизни. Участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 гг., произведен в офицеры, в 1879 г. вышел в отставку в чине поручика. В 1882–1883 гг. служил в Министерстве юстиции, Сенате. В 1885–1890 гг. — чиновник особых поручений при заведующем управлением по постройке Закаспийской военной железной дороги. В 1892–1894 гг. — редактор газеты «Кавказ» — печатного органа при главнокомандующем гражданской частью на Кавказе. В 1905–1907 вместе гр. И. И. Толстым (министром народного просвещения в кабинете С. Ю. Витте 1905–1906 гг.), банкирами братьями А. Г. и Д. Г. Гинцбургами, редактором «Санкт-Петербургских Ведомостей» кн. Э. Э. Ухтомским и др. входил во внепартийный «Кружок равноправия и братства». В 1906 — редактор-издатель журнала «Свободная речь» и газеты «Согласие».

⁴ См.: Тесля А. А. Юрий Федорович Самарин и его переписка с баронессой Эдитой Федоровной Раден // «Я любил Вас любовью брата...» Переписка Ю. Ф. Самарина и баронессы Э. Ф. Раден (1861–1876). СПб., 2015. С. 3–30.

⁵ ОРРГБ. Ф. 265. К. 37. Ед. хр. 8. Л. 162.

⁶ ОРРГБ. Ф. 265. К. 36. Ед. хр. 4. Л. 671.

Один из основателей «Союза 17 октября», член Петербургского ЦК с момента его образования, секретарь ЦК (1906), с 1907 товарищ председателя ЦК «Союза 17 октября». В 1907–1912 гг. — гласный Петербургской городской думы. Архив Ю. Н. Милютина хранится в РГИА, в составе ф. 869 (Милютины).

Текст письма печатается по писарской копии, хранящейся в фонде Самариных Отдела рукописей Российской государственной библиотеки: Ф. 265. К. 36. Ед. хр. 4. Л. 475–478.

ПИСЬМО Ю. Ф. САМАРИНА Ю. Н. МИЛЮТИНУ

С<ело> Васильевское. 17 Ноября 1872.

Любезный друг Юрий Николаевич (пора уж перестать звать тебя Юриком), на днях только узнал я, что ты поступил в 6^й класс лицея⁷ и что тобою там все довольны и ты сам доволен. Радуюсь тому искренно и поздравляю тебя от души с первым шагом в новом периоде твоей жизни. Для личного твоего образования, умственного и нравственного, этот период важнее предыдущего и всех последующих. В том возрасте, в котором ты теперь находишься, всякое знание дается не в пример легче чем в детстве и чем в зрелых летах и залегает глубже, остается на всю жизнь. Это подтвердит тебе всякий.

Но еще важнее самого знания приобретение способности узнавать — тоже дело отрочества или первой молодости. Для этого нужно приучить самого себя никогда не довольствоваться легким и поверхностным усвоением себе преподаваемых предметов (хотя бы даже большего и не требовалось для получения хорошей аттестации), а всегда относиться к самому себе крайне взыскательно и строго, напрягая на каждое дело всю сумму данных нам умственных сил. К сожалению, общий обычай у нас не таков; и оттого так часто попадают у нас люди очень даровитые по природе, но которым никогда не удавалось овладеть всею полнотою своих способностей и употребить их в дело.

Подобно тому, как мы можем видеть внешний образ свой только в зеркале, так точно мы не иначе знакомимся с нашею нрав-

⁷ Московский Императорский лицей в память Цесаревича Николая (Катковский лицей).

ственною физиономиею и с нашим характером, как всматриваясь в отражение нашей личности. Семья не дает нам верного отражения — она к нам слишком близка. Первое, верное понятие о себе мы получаем в том представлении о нашей личности, которое складывается в окружающей нас общественной среде. Оно часто далеко расходится с тем понятием о себе, которое мы вынесли из дому, но в этом-то именно и заключается его воспитательное значение. Ты теперь в первый раз и очень недавно встретился лицом к лицу с обществом чужих и равных; но я уверен, что ты уже теперь испытал на себе своего рода прозрение, то есть яснее и лучше стал видеть самого себя.

Много надежд покоится на твоей молодой голове. Ты единственный мужчина в своей семье — будущая опора матери и сестер⁸. Чем раньше и серьезнее начнешь ты вдумываться в жизненную задачу, выпавшую на твою долю, тем легче и успешнее исполнишь ты ее впоследствии. Дружески тебя обнимаю. Поцелуй от меня обе ручки у Марьи Агеевны⁹,

твой

Ю. Самарин.

P. S. Я отыскал у себя 8 писем Николая Алексеевича и привезу их с собою.

⁸ Юрий Николаевич был не только единственным сыном Н. А. Милютина, но и старшим ребенком в семье. Помимо него у Милютиных было три дочери: Прасковья (Полина, 1857–1929), Мария (1858 — не ранее 1897) и Елена (1864–1941).

⁹ Мария Агеевна Милютина (урож. Абаза, 1834–1903), жена Н. А. Милютина, мать Ю. Н. Милютина, младшая сестра Александра Агеевича Абазы (1821–1895), в рассматриваемое время государственного контролера (1871–1874), в дальнейшем — министра финансов (1880–1881) Российской империи. В 1873 году вступила во второй брак, выйдя замуж за Гарри Стиля (Hurry Steal), скончалась в 1903 году в Англии. От второго брака — дочь, Marie Dorothea Steal (в замужестве Jennings-Bramly, 1877–1949).

ОТ ПОЛОНИИ К РУССКОМУ МИРУ:

духовная эволюция архимандрита Владимира Терлецкого

Важной исторической и социокультурной особенностью Западной Руси, земли которой вошли в состав Литвы и Польши в XIII–XIV веках, была стремительная полонизация высших сословий, ставшая массовой после заключения Люблинской унии в 1569 году. В своем знаменитом сочинении «Фринос», написанном в 1610 г., известный западнорусский мыслитель, церковный и общественный деятель Мелетий Смотрицкий, оплакивая «погибель в латинстве и полонизме лучших родов западнорусских»¹, предсказывал, что неминуемо наступит то время, когда изменившие своей вере и народности западнорусские аристократы «будут стыдиться своих действий»². Казавшееся неосуществимым предсказание М. Смотрицкого подтвердилось несколькими столетиями позже в полной невероятных перипетий судьбе Владимира Терлецкого — выходца из полонизированного шляхетского рода на Вольни, активного участника польского восстания 1830–1831 гг. и католического миссионера, энергично продвигавшего церковную унию на Восток.

¹ Цит. по: *Коялович М. И.* Чтения по истории западной России. Минск, 2006. С. 199.

² Там же. С. 200.

Эмигрировав в 1836 г. во Францию, В. Терлецкий вошел в ближайшее окружение лидера польской политической эмиграции князя А. Чарторыйского, став одним из наиболее активных членов польского ордена Змартвыхвстанцев. Цель ордена, в основании которого принял участие поэт А. Мицкевич и ряд других знаковых фигур польской культуры — представителей окончательно сформировавшегося к тому времени польского мессианизма, состояла в том, чтобы, соединив идею возрождения Польши с христианством, «возродиться в Христовой вере» под лозунгом «Бог, Свобода, Отечество». При этом Речи Посполитой, которая, по мнению польских интеллектуалов, должна была непременно возродиться в своих изначальных границах, самонадеянно отводилась особая роль истинного оплота христианства и европейской свободы.

Политическая борьба за возрождение Польши сочеталась у В. Терлецкого с постоянными духовными исканиями и напряженной церковной деятельностью. Будучи рукоположенным в священники в Риме в 1842 г., Терлецкий с разрешения папы римского вскоре перешел в восточный обряд и немедленно приступил к реализации амбициозного церковного проекта по распространению унии на православном Востоке. Пользуясь первоначально мощным покровительством Рима, в 1850–1855 гг. Терлецкий стал священником первой католической церкви восточного обряда в Париже и вскоре при поддержке французских католических иерархов и влиятельных политиков создал Восточное общество, призванное реализовать план расширения унии на практике. Широкую финансовую и организационную поддержку Восточному обществу вначале оказывала как католическая церковь, так и видные французские политики.

Свою общественно-политическую позицию в то время Терлецкий в своих воспоминаниях откровенно определял как «враждебную православию и политической идее русского народа»³. Впрочем, несмотря на восприятие самого себя составной частью польского политического народа и свой пламенный польский патриотизм, Терлецкий уже в то время обнаруживал и демонстрировал явные рудименты русского самосознания. В написанной в 1849 г. брошюре на польском языке «Слово русина к братьям племени

³ Записки архимандрита Владимира Терлецкого, бывшего греко-униатского миссионера 1808–1858 // Русская Старина. 1891. Том 72. С. 360.

славянского» Терлецкий эмоционально упрекал польскую элиту и общественность в «пренебрежении к греко-униатскому обряду» и в «равнодушии к остальным славянам»⁴. Высказанная здесь критика по мере более глубокого знакомства Терлецкого с нравами польской аристократии и настроениями высших католических иерархов постепенно усиливалась.

Стремясь к максимально быстрой реализации своей широкой миссионерской программы, Терлецкий совершил путешествие на Ближний Восток, после чего по совету Ватикана оказался в Восточной Галиции и на территории тогдашней Угорской Руси, став игуменом местных базилианских монастырей. Однако близкое знакомство с высшими иерархами католической церкви, с их истинным отношением к восточному обряду и к коренному населению Западной Руси, а также с интригами в окружении папы Пия IX стали мощным катализатором радикальной переоценки ценностей. В итоге В. Терлецкий был вынужден признать несостоятельность своих идей о возможности единения церковей путем распространения восточного обряда. По словам прозревшего Терлецкого, «римская курия во все времена стремилась открыто или тайно к привлечению восточных христиан к латинскому обряду, или, по крайней мере, к медленному усвоению ими латинской обрядности посредством различных нововведений, вводимых постепенно и в высшей степени последовательно»⁵.

Разочарование в возможности единения церковей путем распространения унии болезненно переносилось В. Терлецким, который искренне стремился к преодолению раскола. Примечательно, что в ходе своего визита в Саксонию в 1849 г. Терлецкий, специально посетив славянскую Лужицу и познакомившись с жизнью и национальным движением лужицких сербов, положительно отзывался в своих мемуарах о согласии между католиками и протестантами среди лужицких сербов. Впрочем, Терлецкий объяснял этот столь редкий пример межконфессионального согласия тем, что «оба вероисповедания» сплотились в борьбе «с натиском германизации»⁶.

С 1860-х гг. Терлецкий стал активно сотрудничать с издававшейся во Львове галицко-русской газетой «Слово», отстаивав-

⁴ Записки архимандрита Владимира Терлецкого... С. 360.

⁵ Там же. С. 369–370.

⁶ Там же. С. 593.

шей идеи общерусского единства. Одновременно В. Терлецкий становится одним из инициаторов и идеологов «обрядового» движения в униатской церкви Восточной Галиции, направленного на очищение восточного обряда от многочисленных латинских наслоений. По словам известного галицко-русского общественного деятеля и публициста О. А. Мончаловского, обрядовое движение заключалось в очищении «во всей Галичине обряда Русской Церкви от всех латинских нововведений, которые в него примешались из-за нерадения духовенства и давления со стороны латинства»⁷.

В это же время Терлецкий стал вполне разделять взгляды своего современника и земляка — известного галицко-русского просветителя и церковного деятеля И. Наумовича, считавшего, что церковная уния была введена «дестью и насилием чужими людьми не ради истины Христовой и спасения душ, а ради властолюбия римских пап и политических расчетов бывшей польской республики»⁸. В своей апелляции к римскому папе Льву XIII в 1883 г. И. Наумович, протестуя против своего отлучения от церкви, откровенно характеризовал унию как средство «к преследованию чисто политических целей, в частности, к искоренению русского народа»⁹, указывая в качестве доказательства на преследование церковнославянского языка, русских униатов, латинизацию богослужения и искажение обрядов¹⁰.

Подобная деятельность Терлецкого вызывала растущую подозрительность австро-венгерских властей, не замедливших предъявить ему дежурное обвинение в «панславизме». Логическим следствием духовной эволюции В. Терлецкого стал его переезд в Россию в 1872 г., где он, перейдя в православие, получил звание архимандрита и стал одним из самых авторитетных и убежденных защитников идеи цивилизационного единства галицких и угорских русинов, а также всей исторической Западной Руси с Россией.

⁷ Мончаловский О. А. Жизнь и деятельность Ивана Наумовича. Львов, 1899. С. 20.

⁸ Протоиерей И. Наумович. Пятидесятилетие (1839–1889) воссоединения с православной церковью западно-русских униатов. Исторический очерк. СПб., 1889. С. 1.

⁹ Наумович И. Г. Апелляция к папе Льву XIII русского униатского священника местечка Скалат (Львовской митрополии в Галиции) Иоанна Наумовича против великого отлучения его от церкви по обвинению в схизме. Перевод с латинского языка. СПб., 1883. С. 54.

¹⁰ Шевченко К. В. Славянская Атлантида. Карпатская Русь и русины в XIX — первой половине XX века. М., 2011. С. 60.

Колоссальное влияние на подобную эволюцию мировоззрения Терлецкого оказало постоянно демонстрируемое польской аристократией и католическими кругами высокомерно-пренебрежительное, нередко откровенно уничижительное отношение к восточному обряду, униатской церкви и униатам в целом, которые воспринимались ими как некая вынужденная, искусственная и временная мера на пути к полной латинизации и полонизации русинов. Так, существенным катализатором ментальной эволюции и духовного прозрения Терлецкого стали его постоянные дискуссии с одним из лидеров польского восстания 1830–1831 гг. генералом Скржинецким. «Ревностный папист, рьяный противник православия, враг всякой веротерпимости, — критически вспоминал о польском генерале Терлецкий, — Скржинецкий видел спасение человечества только в латинстве, униатство же он допускал только как временно терпимое зло»¹¹. Подобные настроения были широко распространены среди польской аристократии в то время.

В итоге давнее предсказание Мелетия Смотрицкого полностью сбылось — один из самых талантливых представителей полонизированного западнорусского шляхетского рода на Волыни Владимир Терлецкий, перечеркнув ренегатство своих далеких предков, вернулся к своим православным русским корням.

Предсказуемо большое место в воспоминаниях Терлецкого уделяется его регулярным визитам в Ватикан и подробному описанию частых аудиенций у папы римского Пия IX, первоначально поддерживавшего амбициозные миссионерские проекты автора мемуаров. Терлецкий погружает читателя в атмосферу постоянных интриг вокруг папского престола и в детали своих не всегда гармоничных отношений с высшими иерархами католической церкви, что стало одной из важных причин радикальной переоценки им ценностей и возвращения в лоно Православной церкви. Так, одним из заслуживающих внимания эпизодов является спор Терлецкого с монсеньором секретарем пропаганды Ватикана по поводу титулов восточных патриархов — высокопоставленный римский иерарх выразил неудовольствие тем, что Терлецкий в одном из подготовленных им документов «присвоил восточным патриархам титул святейшества», принадлежащий, по мнению римского иерарха, исключительно папам римским. Попытки Терлецкого

¹¹ Записки архимандрита Владимира Терлецкого. С. 354.

оправдаться ссылками на традиции Вселенских соборов были решительно отвергнуты секретарем папской пропаганды, став очередной причиной для разочарования в католической церкви¹².

Духовные искания Терлецкого, детально отраженные в его записках, в итоге привели его к тому пониманию «исторической правды западной России», которая, по выражению известного белорусского историка М. И. Кояловича, заключается в том, что «это — страна русская в самых корнях своих»¹³. Уже после своего переезда в Россию Терлецкий внес колоссальный вклад в распространение знаний о ситуации в самых неизвестных уголках Западной Руси среди русского образованного общества, практически незнакомого с положением угорских и галицких русинов в то время.

Написанная и изданная в 1874 г. Терлецким работа о положении Угорской Руси и угорских русинов в Венгрии стала одним из первых серьезных трудов, знакомивших русскую общественность с условиями жизни и национальным движением угорских русинов, считавших себя в то время частью единого русского народа от Карпат до Камчатки. Выступая в роли адвоката русинов и призывая русскую интеллигенцию обратить внимание на эту «малую, но так храбро отстаивающую свою народность ветвь великого русского народа», Терлецкий констатирует, что угорские русины «вполне заслуживают сочувствия и поддержки всего русского народа, которому стыдно было бы смотреть равнодушно на эту борьбу одноплеменников своих с враждебным ему элементом мадьярским»¹⁴.

Колоссальное значение имеет и детально описанный Терлецким в этой работе механизм денационализации элиты Западной Руси путем мадьяризации и колонизации и превращения ее в последовательных и беспощадных душителей коренного православного населения. Принципиально важной составной частью этого механизма денационализации была деятельность католической церкви, результатом которой, по удачному выражению В. Терлецкого, было то, что «высшая знать русская расплылась вся в мадьярстве и латинстве»¹⁵. Мысли Терлецкого, высказанные им во вто-

¹² Там же. С. 379.

¹³ Коялович М. И. Чтения по истории западной России. С. 314.

¹⁴ Иеромонах Владимир Терлецкий. Угорская Русь и возрождение сознания народности между русскими в Венгрии. Киев, 1874. С. 52.

¹⁵ Там же. С. 8.

рой половине XIX в., имели весьма актуальное звучание в особенности после подавления польского восстания 1863–1864 гг. в условиях острой необходимости определения социокультурного вектора русской политики в Северо-Западном крае Российской империи.

По признанию известного русского ученого-слависта А. Н. Пыпина, убежденного либерала и полонофила, вплоть до второй половины XIX в. «русское общество ... было почти чуждо западно-русскому вопросу», будучи занято исключительно «заботами своего внутреннего развития»¹⁶. Ситуация практически не изменилась и спустя несколько десятилетий — так, в феврале 1926 г. известный галицко-русский общественный деятель и публицист В. Р. Ваврик с горечью отмечал, что «русская интеллигенция не знает и не понимает Галицкой Руси...»¹⁷. В известной степени актуальность данной констатации сохраняется и в начале XXI века, что делает творческое наследие В. Терлецкого по-прежнему востребованным и заслуживающим внимания.

¹⁶ Пыпин А. Н. История русской этнографии. Минск, 2005. С. 97.

¹⁷ Русский голос. Львов, 12 февраля 1926. № 143.

Д. С. Брыков

ГИБЕЛЬ «ЛУЗИТАНИИ» (1915): ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОВОКАЦИЯ?

К моменту последнего отплытия английского лайнера «Лузитания» из Нью-Йорка прошло три месяца с начала февраля 1915 года, когда германское правительство объявило воды, окружающие Великобританию и Ирландию, зоной военных действий, где любое британское торговое судно могло быть уничтожено. С этого времени, несмотря на то что подводные лодки были тогда еще относительно новым оружием, успехи в войне с британской торговлей были очевидны. Это была пока еще «ограниченная» подводная война, так как в германской декларации оговаривалось, что нейтральные суда не будут подвергаться атакам — за исключением тех случаев, когда невозможно будет установить принадлежность этих судов нейтральным государствам.

28 марта 1915 года при потоплении английского парохода «Фалаба» германской субмариной U-28 погиб американский гражданин Леон Трэшер; хотя это происшествие и не привело к дипломатическому конфликту, оно являлось определенным предвестием постепенного обострения германо-американских отношений.

Последующие инциденты — воздушная атака на американский пароход «Кашинг» 28 апреля и торпедирование американского танкера «Галфлайт» 1 мая (при этом погибли два американских моряка и капитан судна) — еще более взбудоражили обществен-

ное мнение Соединенных Штатов, которое становилось все более враждебным по отношению к немцам.¹

Инцидент с «Галфлайт» был особенно тревожным, так как произошел в день отплытия из Нью-Йорка «Лузитании», с двумя сотнями американских пассажиров на борту.

5 мая полковник Эдвард Хауз, находившийся в Лондоне в роли неофициального посланника президента Соединенных Штатов Вудро Вильсона, получил от него телеграмму с просьбой дать совет в связи с нападением на «Галфлайт». Хауз ответил следующей телеграммой:

«Я считаю, что в настоящем случае достаточно будет резкой ноты с указанием, что вы намерены потребовать полной компенсации. Я опасаясь, что в любой момент может произойти более значительное нападение, так как они совершенно не считаются с последствиями».

Утром 7 мая, за несколько часов до гибели «Лузитании», Хауз встретился с британским министром иностранных дел Эдвардом Греем. Они поехали в Кью, в Королевский ботанический сад: «*Мы говорили о возможности потопления океанского парохода, — записывает Хауз, — и я сказал ему, что если это произойдет, то по всей Америке пронесется волна возмущения, которая сама по себе, вероятно, втянет нас в войну.*»

Спустя еще пару часов эта же тема вновь была поднята во время визита Хауза в Букингемский дворец, к королю Георгу V:

«Странно сказать, — записывает в этот вечер Хауз, — мы заговорили о том, что немцы могут потопить какой-нибудь океанский пароход... Король заметил: «А вдруг они потопят «Лузитанию» с американскими пассажирами на борту...».²

¹ Подробнее о гибели «Фалабы», атаках на «Галфлайт» и «Кашинг», а также о методах и эволюции германской подводной кампании против британского судоходства в начале Первой мировой войны см.: Брыков Д. С. Германская подводная война против британской торговли в 1914–1915 годах // Гангут. 2017. № 99.

² Хоулинг А., Хоулинг М. Последний рейс «Лузитании» // Катастрофы на море: сборник. СПб., 1995. С. 355–356; Архив полковника Хауза. Избранное. В 2 т. Т. 1. М., 2004. С. 214–215; Larson E. Dead wake. The last crossing of the Lusitania. Doubleday, 2015. P. 150.

Отплытие «Лузитании» и само путешествие были пронизаны атмосферой тревоги и неизвестности. Некоторые из пассажиров накануне рейса получили анонимные предупреждения с рекомендацией не пересекать на лайнере океан; в день отплытия немецкое посольство разместило в нью-йоркских газетах, рядом с рекламной рекой «Кунард лайн», предупреждение, что пассажиры, отправляющиеся в плавание на британских судах, делают это на свой страх и риск; наконец, 6 и 7 мая, уже находясь вблизи европейских вод, «Лузитания» получила несколько сообщений о подводной активности у южного побережья Ирландии.

Были и другие, более «скрытые», обстоятельства, которые затем послужили почвой для многочисленных конспирологических версий и теорий. В Комнате 40, отделении военно-морской разведки британского Адмиралтейства, знали о том, что по меньшей мере одна подводная лодка действовала и, более того, три судна были ею потоплены в том районе, через который вскоре должна была пройти «Лузитания». Тем не менее ее обычный трансатлантический маршрут не был изменен, а о гибели этих судов капитану лайнера не сообщили. Наконец, «Лузитании» не был предоставлен эскорт из военных кораблей на последнем этапе пути по проливу Святого Георга.

В 1972 г. вышла книга английского журналиста Колина Симпсона,³ в которой он вынес обвинительный приговор британской и американской политике того времени. Он полагал, во-первых, что «Лузитания» перевозила огромный контрабандный груз взрывчатых веществ, который и явился причиной ее быстрой гибели. Однако еще более сенсационным было утверждение Симпсона, что британское Адмиралтейство (в частности — Первый лорд Адмиралтейства Уинстон Черчилль) намеренно подставило «Лузитанию» под германскую торпеду с целью вовлечь Соединенные Штаты в войну.⁴

³ *Simpson, Colin. The Lusitania. London: Book Club Associates, 1972.* Фрагменты его книги, получившей широкую огласку, были также напечатаны журналом «Life»: books.google.ru/books?id=yFYEAAAAMBAJ&pg=PA68&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false.

⁴ Впрочем, К. Симпсон не был первым, кто выдвинул эту теорию. Еще в мае — июне 1915 года, сразу после катастрофы, некоторые германфильские издания в США, пытаясь оправдать действия немецких подводников выдвигали такую версию. Утверждалось также, что «Лузитания» на самом деле являлась британским вспомогательным крейсером и несла на борту оружие из орудий среднего калибра. Все эти утверждения практически без изменений были повторе-

Симпсон не был одинок в своем вердикте. Военный историк Патрик Бизли, который во время Второй мировой войны служил в британской военно-морской разведке, в своей книге о Комнате 40 в основном присоединился к выводам Симпсона и «с неохотой» был вынужден констатировать, что имел место заговор, целью которого было навлечь на «Лузитанию» опасность в надежде, что даже неудачная атака на лайнер втянет в войну Соединенные Штаты.⁵

Несмотря на все противоречия этой версии, она уже несколько десятилетий весьма популярна и до сих пор часто появляется во многих печатных и интернет-изданиях.

Два главных аргумента, которые приводят К. Симпсон и П. Бизли (хотя и с отличающимися акцентами) для подтверждения своей теории о политическом заговоре, — это отсутствие эскорта «Лузитании», который якобы изначально планировался, и «путаница» с радиосообщениями Адмиралтейства о подводной угрозе.

ЭСКОРТ ДЛЯ «ЛУЗИТАНИИ» И ЗАГАДКА «ДЖУНО»

9 мая, спустя два дня после катастрофы, консул США в Куинстауне Фрост, в сопровождении двух американских военных атташе, нанес визит командующему куинстаунской военно-морской базой контр-адмиралу Чарльзу Коуку.

Один из атташе, капитан У. А. Касл, записал собственные воспоминания о встрече, отметив, что одна тема в разговоре совершенно не упоминалась:

«Меня поразило то, что адмирал, казалось, желавший оправдать Адмиралтейство и принятые им меры защиты, ничего не сказал о присутствии каких-либо эсминцев или других военных кораблей». Касл добавил, что во время своей поездки на поезде обратно в Лондон он обсуждал эту тему с попутчиком, лейтенантом Ко-

ны К. Симпсоном спустя многие десятилетия. См.: Documents on the War of the Nations. Vol. II. The Lusitania case / Collected and published by C. L. Droste. Richmond, VA: The Dietz Printing Company, 1915; Брыков Д. С. Орудия «Lusitania»: миф и реальность // Гангут. 2016. № 95. С. 133–151.

⁵ *Beesly Patrick. Room 40: British Naval Intelligence 1914–18. New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1982.*

ролевского флота, «который говорил вполне откровенно, хотя, полагаю, конфиденциально. Он сказал, что ни он, ни его приятели офицеры не понимали, почему такое множество торпедных судов старого образца, которые с легкостью делают 25 узлов и которые пришлись бы в самый раз для защиты подходящего к берегам парохода, оставляют на различных причалах, вместо того чтобы использовать их для этой цели. Еще он сказал, что стоило поместить одно из них с правого борта, одно — с левого, еще одно — впереди «Лузитании», и ее не торпедировали бы».⁶

1 мая, в день отплытия «Лузитании» из Нью-Йорка, британское Адмиралтейство уже знало, что несколько германских подводных лодок направляются в сторону британских островов. Приказ командира 3-й подводной полуфлотилии Бауэра выйти в море субмаринам U-20, U-27 и U-30, по всей видимости, был перехвачен и расшифрован Комнатой 40. U-20 под командованием капитан-лейтенанта Вальтера Швигера вышла из Эмдена 30 апреля, и в тот же день ее тестовый обмен радиосообщениями с германскими станциями также был перехвачен англичанами.⁷

В Куинстауне располагался прибрежный патруль, состоявший из довольно пестрого набора устаревших малых кораблей (в том числе вооруженных тральщиков). Единственным относительно крупным военным кораблем в нем был старый крейсер «Джуно» под флагом контр-адмирала Горацио Худа. Помимо «Джуно»⁸ это соединение состояло из 40 устаревших кораблей, включая три торпедных катера.⁹

⁶ *Larson E. Dead wake.* P. 319.

⁷ По информации К. Симпсона, 1 мая Адмиралтейство проинформировало военный штаб и береговые станции о том, что три субмарины были на пути в Ирландское море, а к 4 мая об этом был предупрежден штаб флота в Куинстауне. По версии П. Бизли, только Гранд-флит получил эту информацию, а основные береговые станции в Ливерпуле, Куинстауне и Милфорд-Хэвене (на побережье Уэльса) ее не получали. *Simpson C. The Lusitania.* P. 115, 119; *Keith Allen. Lusitania Controversy:* www.gwpda.org/naval/lusika00.htm.

⁸ Крейсер принадлежал к классу «Эклипс» длиной чуть более 100 метров, водоизмещением 5 400 тонн. Он был спущен на воду в 1895 и вступил в строй в 1897 году. Его вооружение состояло из 11 шестидюймовых орудий, девяти 12-фунтовых пушек, семи 3-фунтовых пушек, и трех 18-дюймовых торпедных аппаратов.

⁹ Этот флот иронически именовали флотом «Джилберта и Салливана», подразумевая известные комические оперы, изобилующие невероятными ситуациями, в которых все происходит шиворот-навыворот.

По версии Колина Симпсона, именно «Джуно» изначально предназначался для эскорта «Лузитании», о чем Тернер якобы был проинформирован перед отплытием из Нью-Йорка.¹⁰

Однако, утверждает Симпсон, 5 мая, когда «Лузитания» уже приближалась к берегам Британии, состоялось совещание высших чинов Адмиралтейства, в котором участвовали: Уинстон Черчилль, Первый лорд Адмиралтейства; адмирал Джеки Фишер, Первый морской лорд; вице-адмирал Генри Оливер, начальник военного штаба; капитан Реджинальд Холл, глава военно-морской разведки и некий лейтенант Джозеф Кенворти, сотрудник Холла.

Именно на этом совещании, как пытается доказать Симпсон, было принято решение отозвать «Джуно» и вернуть его в Куинстаун. Тем самым «Лузитания» была намеренно оставлена без эскорта и с каждым часом приближалась к опасному району в полном одиночестве.

В качестве доказательства Симпсон приводит «отчет» лейтенанта Кенворти, который якобы был сильно потрясен результатом совещания, и спустя 12 лет в своей книге написал, что именно на нем было решено подставить «Лузитанию» под германскую торпеду.

Помимо смутных обвинений Кенворти, Колин Симпсон строит свою версию исключительно на предполагаемой миссии «Джуно» и внезапном его отзыве. Однако он не приводит каких-либо документальных свидетельств того, что «Джуно» в действительности поручалось встретить «Лузитанию».¹¹

По своим техническим данным «Джуно» едва ли подходил для такой роли.¹² Его расчетная максимальная скорость составляла 18 узлов; записи его журнала за 1915 год свидетельствуют о том, что к этому времени он не развивал более 16 узлов. Это говорит о том, что если бы «Джуно» был выслан навстречу «Лузитании» в качестве эскорта, то лайнер вынужден был бы идти с еще меньшей скоростью, что могло сделать его более легкой мишенью.

¹⁰ Simpson C. The Lusitania. P. 113.

¹¹ Simpson C. The Lusitania. P. 125–129.

¹² Даже Патрик Бизли, который в целом поддерживает конспирологическую теорию Симпсона, утверждает, что «Джуно» не был эскортным кораблем и, более того, представлял отличную мишень для подводной лодки. Бизли далее пишет, что возвращение «Джуно» в порт 5 мая было обычной ротацией патрульных кораблей. Его сменил «Партридж», который видели с «Лузитанией» ранним утром 7 мая и который был так же мало приспособлен для эскортирования, как и «Джуно». K. Allen. Lusitania Controversy.

Адмиралтейство в тот период практически не использовало корабли, входившие в ирландский береговой патруль, для эскортирования торговых судов. Из журнала «Джуно» следует, что за период с февраля 1915 года он взаимодействовал с несколькими нейтральными торговыми судами, в основном с целью их проверки на наличие контрабанды.¹³

Кроме того, одно из утверждений К. Симпсона противоречит всей его версии. Сообщив, что в то время как Тернер не был извещен о решении отозвать «Джуно», Симпсон уверяет, что адмирал Коук в Куинстауне знал о нем и, более того, ему было приказано защитить «Лузитанию» всеми имевшимися у него способами. В таком случае не совсем ясно, как намерение Черчилля/Фишера «пожертвовать» «Лузитанией» увязывалось с директивой Коуку защитить ее.

Сам Уинстон Черчилль, по версии Симпсона присутствовавший на совещании, с 5 по 10 мая находился во Франции. 7 мая, в день катастрофы, он был в штабе сэра Джона Френча — главнокомандующего английскими экспедиционными силами на континенте — и был поглощен разворачивающимися событиями на средиземноморском театре военных действий. Едва ли он мог там находиться, если бы был во главе такой крупномасштабной комбинации, которая, как предполагает Симпсон, могла кардинально изменить весь ход войны.

Таким образом, отчет о совещании 5 мая и приводимые «воспоминания» Джозефа Кенворти об участии в нем, с огромной степенью вероятности, были сфабрикованы Симпсоном для подкрепления своей версии.¹⁴

Кроме того, присутствие военного эскорта лишило бы «Лузитанию» формальной защиты международных законов крейсерской войны, которых многие командиры субмарин по-прежнему придерживались. В случае следования под конвоем «Лузитания» могла быть безоговорочно атакована без предупреждения.

¹³ *Layton J. Kent. Conspiracies at sea. Titanic and Lusitania: Amberley, 2016. P. 120–121.*

¹⁴ В целом версия Кенворти в изложении ее Симпсоном вызывает ряд серьезных вопросов и сомнений. Прежде всего, речь идет о существенных расхождениях между симпсоновской версией биографии Кенворти в период Первой мировой войны и его автобиографией, опубликованной в 1933 г. Подробнее см.: *K. Allen. Lusitania Controversy.*

В 8 утра 7 мая «Джуно», согласно записям в журнале, находилась в 60 милях к югу от Куинстауна. Около 07.45 он получил радиogramму с предупреждением об активности германских субмарин и, увеличив скорость, направился в сторону Куинстауна. Двигаясь на север, он постоянно применял зигзагообразный курс. К полудню он прошел около 29 миль и двигался со скоростью 16 узлов.

В журнале U-20, которая в это время уже взяла курс на базу, была сделана следующая запись:

«12.50 пополудни. Судно с очень мощными машинами прошло прямо над лодкой. Когда лодка подвсплыла на перископную глубину 11 м, было установлено, что судно, прошедшее над лодкой 10 минут назад, — английский малый крейсер старого типа (класса «Пелорус»?) с двумя дымовыми трубами. Следую за крейсером, рассчитывая атаковать его, если он изменит курс. Крейсер идет на большой скорости зигзагообразным курсом, постепенно исчезая в направлении Куинстауна».

Несомненно, это был именно «Джуно». Его экипаж так и не узнал, что их крейсер был в поле видимости перископа Швигера. Относительно большая скорость и следование зигзагом защитили его от нападения. Вскоре он прибыл в гавань Куинстауна.¹⁵

Как следует из записи Швигера, он рассматривал вариант атаки «Джуно». Следование же крейсера рядом с «Лузитанией» едва ли могло остановить его от попытки торпедировать лайнер, который к тому же шел бы с меньшей скоростью и был бы, имея эскорт, вполне легитимной целью.¹⁶

В своей провокационной книге К. Симпсон затрагивает еще один сюжет, связанный с участием «Джуно». По его версии, получив сигнал бедствия с «Лузитанией», «Джуно» вышел из Куинстауна и уже был виден из шлюпок затонувшего лайнера, когда Адмиралтейство внезапно отозвало его.¹⁷

Записи в журнале свидетельствуют о том, что в 15.00 «Джуно» действительно снялся с якоря. В 15.40 он находился на выходе из гавани у Роше-Пойнт, но немедленно после этого развернулся

¹⁵ Layton J. K. *Conspiracies at sea*. P. 122.

¹⁶ Впрочем, наличие эскорта в виде «Джуно» могло бы быть примером для Тернера следования зигзагообразным курсом в опасных водах.

¹⁷ Simpson C. *The Lusitania*. P. 168–169.

и проследовал обратно, вновь встав на якорь в 16.35. Таким образом, «Джуно» фактически не покидал гавань Куинстауна. «Лузитания» затонула примерно в 29 милях от Роше-Пойнт, следовательно, с ее шлюпок никак не могли видеть «Джуно», как утверждает Симпсон.¹⁸

Сам же выход и возвращение «Джуно» могут быть объяснены страхом Адмиралтейства подставить крейсер с экипажем в 450 человек под торпеду субмарины во время спасательной операции: память о потоплении «Абукир», «Хог» и «Кресси» была еще свежа.¹⁹ Командиры подводной лодки могли испытывать колебания, атакуя пассажирские суда, но военные корабли всегда были легитимными мишенями.

Вероятно, что сразу по получении сигнала бедствия с «Лузитании» командование флотом в Куинстауне дало приказ «Джуно» выйти на помощь; однако, когда подтвердилось известие о гибели лайнера, было решено, что рисковать судьбой «Джуно» и его экипажа нет никакой необходимости, тем более что более мелкие суда уже находились в пути к месту катастрофы, а крейсер все равно не смог бы достичь нужной точки достаточно быстро.

Патрик Бизли, отвергая концепцию К. Симпсона с «миссией» «Джуно», тем не менее обвиняет Адмиралтейство в том, что для эскорта «Лузитании» не были использованы четыре эсминца, находившиеся в Милфорд-Хэвен у входа в Бристольский залив²⁰ — «Легион», «Люцифер», «Линнет» и «Лэйврок». Он видит в этом свидетельство намерения предоставить «Лузитанию» ее судьбе, однако не учитывает ряда существенных обстоятельств, в силу которых использование этих кораблей для эскорта лайнера было едва ли осуществимым: во-первых, они должны были встретить 8 мая дредноут «Колоссус» и сопроводить его в Девонпорт; во-вторых, Королевский флот испытывал острый недостаток эскортных кораблей для конвоирования войсковых транспортов, чем Му Бизли сам приводит немало свидетельств.²¹

8 мая на следствии в Кинсейле, капитан Тернер сказал, что не ожидал получить эскорт. В тот момент на Тернера еще

¹⁸ Layton J. K. *Conspiracies at sea*. P. 123.

¹⁹ 22 сентября в Северном море U-9 под командованием капитан-лейтенанта О. Веддигена менее чем за два часа потопила подряд три английских крейсера. При этом погибли 1459 моряков.

²⁰ Примерно в 100 милях от Куинстауна.

²¹ См.: Allen K. *Lusitania Controversy*.

не оказывалось никакого давления со стороны британского правительства, поэтому его ответ вполне можно считать искренним.²²

РАДИОСООБЩЕНИЯ

Британское Адмиралтейство постоянно давало капитанам торговых судов рекомендации по методам защиты своих судов от подводных лодок — в виде печатных инструкций и по телеграфу, как это было и в последнем рейсе «Лузитании». Строгое следование этим инструкциям могло существенно снизить шансы успешной атаки субмарины.

Во время уже упоминавшегося визита консула США Фроста к контр-адмиралу Коуку последний открыто критиковал Тернера за то, что тот шел слишком близко к берегу и к тому же на сниженной скорости. Он прочел вслух предупреждения, посланные «Лузитании» в пятницу, 7 мая. Фроста удивило, как мало подробностей содержалось в этих депешах:

«Лишь сухие факты, — отмечал он впоследствии. — Никаких указаний, никаких объяснений. Верно, что Тернеру следовало держаться подальше от берега; однако, на мой взгляд, Адмиралтейство отнюдь не выполнило своего долга в отношении него».²³

Потопление шхуны «Эрл оф Латом» 5 мая подтвердило, что по меньшей мере одна субмарина действовала около южного побережья Ирландии.

Вечером 6 мая «Лузитания» получила два радиотелеграфных сообщения, которые были адресованы всем прибывающим британским судам и не были закодированы:

²² «В виду предупреждений, полученных вами, о том, что судно могло быть торпедировано до достижения места прибытия, делали ли вы какой-либо запрос об эскорте в Адмиралтейство? — Нет, мы предоставили это полностью на их усмотрение. — Есть ли у вас информация, делался ли подобный запрос вашей компанией? — Я ничего не знаю об этом. Я просто получил приказ выйти в море, и вышел, и поступил бы так снова». Компания «Кунард лайн» в 1917 году на слушаниях по ограничению ответственности подтвердила, что эскорт не организовывался (*Layton K. J. Conspiracies at sea*. P. 120).

²³ *Larson E. Dead wake*. P. 319.

19.52: «Подводные лодки проявляют активность у южного побережья Ирландии».

20.05: «Берите ливерпульского лоцмана на баре р. Мерси и остерегайтесь мысов. Проходите гавани на полном ходу. Подводные лодки у скал Фастнет».²⁴

Это сообщение дублировало и отчасти расширяло те инструкции по защите лайнера, которые Тернер получал ранее, и было повторено шесть раз.

Ранее в тот же день, 6 мая, U-20 потопила вблизи плавучего маяка «Конинбег» два парохода компании «Хэrrисон лайн» «Кандидат» и «Центурион». Утром 7 мая Альфред Бут, председатель «Кунард лайн», узнал из газет о гибели этих двух судов. Он знал, что «Лузитания» должна была вскоре оказаться в этих же водах. Обеспокоенный ее судьбой, тем же утром он нанес визит контр-адмиралу Стайлману в Ливерпуле.²⁵

По версии К. Симпсона, Альфред Бут требовал, чтобы «Лузитания» была предупреждена об опасности, и покинул Стайлмана в твердом убеждении, что лайнер будет направлен в Куинстаун (видимо, для того, чтобы укрыться там от подводных лодок). Как пишет К. Симпсон, адмирал Коук в Куинстауне предпринял такую попытку, которую затем Адмиралтейство якобы пыталось скрыть (путем изъятия ряда радиосообщений)²⁶, так как иначе их «дьявольский» план по наведению «Лузитании» на немецкую субмарину мог быть раскрыт.²⁷

В целом вся «куинстаунская» версия К. Симпсона крайне противоречива и запутанна. Кроме того, ей противоречит тот факт, что если бы «Лузитания» с 12.15, как пишет К. Симпсон, шла в направлении Куинстауна, то к 14.10 (в это время произошла атака) она практически бы его достигла. Между тем «Лузитания»

²⁴ Хоулинг А., Хоулинг М. Указ. соч. С. 242–243; Larson E. Dead wake. P. 206.

²⁵ Bailey Thomas A., Ryan Paul B. The Lusitania Disaster. An Episode in Modern Warfare and Diplomacy. London: The Free Press, 1975. P. 136.

²⁶ Патрик Бизли, утверждая, что некоторые радиосообщения между «Лузитанией» и Адмиралтейством пропали, предполагает, что в них содержался запрос Тернера на следование Северным каналом (между Северной Ирландией и Шотландией) вместо пролива Святого Георга и отказ Адмиралтейства. Однако убедительных доказательств этого П. Бизли не приводит (Allen K. Lusitania Controversy).

²⁷ Simpson C. The Lusitania. P. 145–146.

в момент торпедирования была примерно в 30 милях от Куинстауна и шла курсом 87°, то есть почти прямо на восток.²⁸

Т. Бэйли и П. Райн предлагают гораздо более правдоподобную и убедительную версию цели визита А. Бута к Стайлману: он просил его, чтобы «Лузитания» была специально оповещена о гибели двух судов в том районе, где она должна была совсем скоро оказаться. Однако сообщение о потоплении «Кандидата» и «Центуриона» так и не было получено «Лузитанией».²⁹ Сложно определить, могло ли специальное упоминание в радиосообщениях о потоплении 6 мая к югу от маяка Конинбег двух судов компании «Хэриксон лайн» настолько впечатлить Тернера, что оно каким-то образом изменило бы ход его решений. Тернер и без этого вполне признавал опасность, которой он мог подвергнуться в том районе.

В 11.02 7 мая на «Лузитании» был получен кодовый запрос («Questor»). Ответ («Westrona») означал, что радиостанция лайнера использовала одно из изданий (первое) кодовой книги торгового флота.³⁰ Спустя 50 минут, в 11.52, последовало предупреждение о подводной угрозе, адресованное непосредственно «Лузитании»: «В южной части Ирландского пролива действуют подводные лодки. Последний раз замечены в 20 милях к югу от плавучего маяка Конинбег».³¹ При передаче с ирландской радиотелеграфной станции в Валенсии добавление, уточняющее, что это предупреждение адресовано именно «Лузитании» («Дайте “Лузитании” знать об этом»), было опущено.³² Насколько это добавление могло повлиять на осознание Тернером и другими офицерами лайнера серьезности подводной угрозы — вопрос открытый.

К. Симпсон, приводя это радиосообщение, пытается согласовать его со своей теорией, утверждая, что к моменту получения его «Лузитанией» указанные в нем данные о местонахождении подводной лодки уже сильно устарели и не учитывали четырех новых известий о субмаринах, полученных 7 мая. Однако никаких документальных подтверждений своей версии он не приводит.³³

²⁸ Bailey T. A., Ryan P. B. The Lusitania Disaster. P. 139; Layton K. J. Conspiracies at sea. P. 116.

²⁹ Bailey T. A., Ryan P. B. The Lusitania Disaster. P. 136.

³⁰ По версии К. Симпсона, этот кодовый радиообмен имел совершенно другой смысл — именно тогда лайнеру было приказано направиться в Куинстаун.

³¹ Хоулинг А., Хоулинг М. Указ. соч. С. 248; Larson E. Dead wake. P. 220–221.

³² Layton K. J. Conspiracies at sea. P. 114–115.

³³ Simpson C. The Lusitania. P. 144.

П. Бизли же полагает, что Тернер не был специально извещен о подводной угрозе, основываясь на том, что радиосообщения не были адресованы конкретно «Лузитании». Он игнорирует тот факт, что они были ею получены, и не обращает внимания на то, что сообщение, полученное в 11.52, изначально содержало уточнение с адресацией его именно «Лузитании».³⁴

Наконец, последнее радиосообщение было получено «Лузитанией» в 13.00:

«Подводная лодка в 5 милях к югу от мыса Кейп-Клир. При обнаружении в 10.00 утра следовала курсом на запад».³⁵

Кейп Клир уже остался за кормой «Лузитании» на западе ко времени получения радиосообщения об обнаружении в том районе субмарины — тот квадрат она прошла еще около полудня. Кроме того, в сообщении говорилось, что подводная лодка направлялась на запад, что еще более отдаляло ее от лайнера. Возможно, Тернер решил, что он благополучно преодолел один из опасных рубежей — следующий ожидал его уже в районе плавучего маяка «Конинбег» или еще дальше, на подходе к Ливерпулю.³⁶

Таким образом, четыре отдельных радиосообщения были получены Тернером за последние 18 часов перед катастрофой. Очевидно, что Адмиралтейство по крайней мере пыталось предостеречь идущие в метрополию суда, а адмирал Коук старался проинформировать «Лузитанию» о подводных лодках, хотя вопрос, насколько полной и эффективной была эта информация, остается

³⁴ Allen K. Lusitania Controversy.

³⁵ Хоулинг А., Хоулинг М. Указ. соч. С. 249; Larson E. Dead wake. P. 225. Очевидно, информация в этом сообщении была ошибочной. Ни одной германской подводной лодки в районе мыса Кейп Клир в 10 утра не было. Скорее всего, сообщение было передано одним из наблюдательных постов, на котором вполне могли принять какой-либо объект (например, мелкое судно) за подводную лодку. Вице-адмирал Чарльз Коук в Куинстауне не мог знать об этом и лишь добросовестно передал полученную информацию дальше. В любом случае, это сообщение едва ли могло успокоить Тернера. Во-первых, в предыдущих сообщениях говорилось о нескольких субмаринах, в этом же последнем — только об одной; во-вторых, даже если подводная лодка и была в 10 утра в районе Кейп Клир и следовала на запад, она к 13 часам вполне могла вернуться в район, где теперь находилась «Лузитания» (Layton K. J. Conspiracies at sea. P. 118.).

³⁶ Layton K. J. Conspiracies at sea. P. 118.

дискуссионным. Так или иначе, ответственность за то, как распорядиться этими сведениями, ложилась целиком на плечи капитана Тернера и офицеров «Лузитании».

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ТЕРНЕРА

Необходимо помнить, что «Лузитания» не состояла на военно-морской службе и во время последнего рейса подчинялась по-прежнему руководству «Кунард лайн», а не Адмиралтейству. Ответственность за лайнер и все его действия (скорость, курс и т. д.) лежала на капитане Тернере и компании «Кунард лайн». Хотя рекомендации (директивы) по защите торговых судов выпускало Адмиралтейство, оно не могло напрямую как-то влиять на их выполнение.

После катастрофы некоторые чины Адмиралтейства и члены британского правительства выразили свое возмущение тем, что капитан Тернер нарушил некоторые из данных ему инструкций. Это возмущение не было игрой «на публику» — британская и американская общественность не могли знать о секретных инструкциях Адмиралтейства.

Еще 8 мая, на следующий день после трагедии, Ричард Уэбб, глава подразделения торговли Адмиралтейства, составил служебную записку на двух страницах, с пометкой «секретно», в которой утверждал, что Тернер проигнорировал указания Адмиралтейства, согласно которым ему следовало идти зигзагом и держаться вдали от выдающихся мысов. Тернер же, писал Уэбб,

«пошел обычным маршрутом торговых судов, со скоростью приблизительно три четверти той, какую способен был выжать из своего судна. Таким образом, он дольше необходимого продержал свое ценное судно в зоне, где оно было наиболее подвержено нападению, тем самым накликав катастрофу».

12 мая Уэбб написал еще один меморандум, составленный в гневном тоне. Он подозревал, что нью-йоркский офис «Кунард лайн» был инфильтрован германскими шпионами или, по крайней мере, доброжелателями; также он допускал возможность того, что с помощью британского кода лайнер получил ложные, вводящие в заблуждения инструкции, а его предполагаемый курс оказался

известен германскому командованию. Наконец, с его точки зрения, невыполнение Тернером некоторых данных ему инструкций «демонстрируют почти непостижимую халатность». Его вердикт заключался в том, что Тернер был «либо совершенно некомпетентен, либо был подкуплен немцами».

Первый морской лорд адмирал Фишер, ознакомившись с меморандумом, отреагировал не менее резко. Он предложил арестовать Тернера сразу по окончании расследования следственной комиссией, независимо от выводов, к которым придет это расследование. В другой записке Фишер написал, что «абсолютно уверен, что капитан Тернер... негодяй и был подкуплен. Ни один моряк, находящийся в здравом уме, не действовал бы таким образом».

Сам Черчилль проявил большую сдержанность, но и он считал, что опытный юрист должен быть нанят для возбуждения дела против Тернера, которого «необходимо преследовать безостановочно».³⁷

По версии К. Симпсона, вся эта секретная переписка Уэбба—Фишера—Черчилля направлена на то, чтобы намеренно «очернить» Тернера и выйти самым сухими из воды.³⁸

Однако меморандум Уэбба с комментариями к нему Фишера и Черчилля, не предназначенный для опубликования,³⁹ свидетельствует о том, что они испытывали, мягко говоря, большое недоверие тем фактом, что Тернер по халатности не выполнил многие из имевшихся у него инструкций.

На расследовании в Кинсейле Дж. Дж. Хорган, юрист и следователь по делам о насильственной смерти, вызвал Тернера в качестве свидетеля и, выслушав его показания, похвалил капитана, который оставался на судне до последнего, за храбрость.⁴⁰

³⁷ Layton K. J. *Conspiracies at sea*. P. 112–113; Larson E. *Dead wake*. P. 317–318; King G., Wilson P. *Lusitania. Triumph, tragedy and the end of the Edwardian age*. New York: St. Martin's Press, 2015. P. 259–260.

³⁸ Simpson C. *The Lusitania*. P. 175–182.

³⁹ Он был опубликован спустя почти столетия после катастрофы. Layton K. J. *Conspiracies at sea*. P. 113.

⁴⁰ Впоследствии в своих воспоминаниях Хорган назвал Тернера «человеком смелым, но неудачливым». Интересно, что спустя полчаса после вынесения этого вердикта из Адмиралтейства поступил приказ с запрещением Тернеру давать показания. Хорган позднее прокомментировал это так: «Впрочем, на сей раз данное достопочтенное заведение опоздало, как опоздало оно и защитить «Лузитанию» от нападения» (King G., Wilson P. *Lusitania*. P. 258; Larson E. *Dead wake*. P. 317–318).

На следствии Торговой Палаты под председательством лорда Мерси, который в 1912 году возглавлял британскую следственную комиссию по расследованию обстоятельств гибели «Титаника», Тернер пытался доказать разумность своих действий в последние часы перед атакой. Из его решений можно заключить, что он поверил, что оказался в своего рода безопасной зоне, где вероятность подводной атаки была минимальна. Поэтому он счел возможным проигнорировать некоторые из инструкций Адмиралтейства.

«Лузитания» следовала со скоростью 18 узлов (вместо максимальных 21) своим обычным маршрутом, приблизительно в 12 милях от Олд-Хед-оф-Кинсейл, в то время как ей предписывалось держаться мористее. Тернер объяснил это необходимостью определения своего точного местоположения перед тем, как вступить в последний и самый опасный этап пути в проливе Святого Георга; хотя, как утверждают Т. Бэйли и П. Раян, с помощью секстанта и быстрых визуальных наблюдений он мог установить свое точное местоположение буквально за пять минут вместо 40.⁴¹

Кроме того, Тернер, судя по всему, рассчитал скорость таким образом, чтобы прибыть к Ливерпулю во время прилива и не тратить время на маневрирование в районе бара Мерси, где его вполне могли поджидать субмарины. Однако он мог добиться того же самого, следуя зигзагообразным курсом на максимальной скорости.

К. Симпсон и П. Бизли утверждают, что, возможно, Тернер никогда не получал инструкций по следованию зигзагом,⁴² хотя на расследовании сам Тернер заявил обратное. Сам он полагал, что директива предписывала следование зигзагом только после обнаружения субмарины;⁴³ в его оправдание можно заметить, что в то время практика применения зигзага была новой для торговых судов.

В своем отчете лорд Мерси вынес приговор, полностью оправдавший Тернера. В нем говорилось, что капитан стремился выполнить свой долг наилучшим образом, и, хотя другие, возможно, действовали бы по-другому и более успешно, он не должен быть обвинен.⁴⁴

⁴¹ *Bailey T. A., Ryan P. B. The Lusitania Disaster. P. 212.*

⁴² *Allen K. Lusitania Controversy.*

⁴³ *Bailey T. A., Ryan P. B. The Lusitania Disaster. P. 208–225.*

⁴⁴ Там же. P. 216.

К. Симпсон и некоторые другие авторы, в том числе П. Бизли, считают Тернера невинным «козлом отпущения». Согласно их версии, Адмиралтейство хотело свалить всю вину на Тернера, и его спасло только то, что лорд Мерси в последнюю минуту узнал о «директиве» Адмиралтейства направить «Лузитанию» в Куинстаун.⁴⁵

Т. Бэйли и П. Раян, напротив, обвиняют Тернера в грубой небрежности и полагают, что расследование Британской Торговой Палаты сделало все возможное, чтобы «обелить» Тернера, «Кунард лайн» и Адмиралтейство, возложив всю вину полностью на Германию.⁴⁶

Так или иначе, очевидно, что при любом способе действий Тернера вероятность его встречи с субмариной и, тем более, ее успешной атаки быстроходного лайнера, была во многом делом случая. Не следует забывать, что в то время подводная война была новым методом, а сами субмарины (не говоря об их небольшом количестве) были весьма несовершенным оружием.⁴⁷

Кроме того, в большинстве случаев командиры субмарин все еще придерживались правил «крейсерской» войны.⁴⁸ Далеко не каждый из них решился бы на атаку пассажирского лайнера, к тому же имевшего на борту значительное количество граждан нейтральной страны, тем самым провоцируя ее на объявление войны.

Что касается оценки действий Адмиралтейства, то здесь необходимо учитывать одно важное обстоятельство. Владея германскими шифровальными книгами и имея возможность перехватывать сообщения между немецкими субмаринами и их базами на побережье Северного моря,⁴⁹ Адмиралтейство, безусловно, могло принимать соответствующие меры по защите торгового судоходства.

В частности, для протекции «Лузитании» в ее последнем рейсе, очевидно, могло быть сделано больше: информация в радиосообщениях Адмиралтейства должна была быть более подробной, директивы Тернеру более конкретными; наконец, маршрут лай-

⁴⁵ Simpson C. The Lusitania. P. 215–232.

⁴⁶ Bailey T. A., Ryan P. B. The Lusitania Disaster. P. 208–225.

⁴⁷ Например, вероятность «брака» при выпуске торпеды составляла 60%.

⁴⁸ Подробнее см.: Брыков Д. С. Германская подводная война против британской торговли в 1914–1915 годах // Гангут. 2017. № 99.

⁴⁹ Помимо перехвата радиосообщений, дислокация субмарин становилась известной после произведенных ими нападений.

нера мог быть существенно изменен (к тому времени можно было следовать через гораздо более безопасный Северный пролив вокруг Северной Ирландии⁵⁰) и т. д.

В то же время британцы были вынуждены использовать имевшуюся у них секретную информацию с большой осторожностью: если бы Адмиралтейство каждый раз отводило бы суда из предполагаемого района действия подводных лодок, немцы могли бы заключить, что их шифры взломаны, и быстро поменяли бы их, в результате чего британская разведка была бы лишена важнейшего преимущества в морской войне.⁵¹

АМЕРИКАНСКИЙ НЕЙТРАЛИТЕТ — ОРУДИЕ ПРОВОКАЦИИ?

В письме главе Совета по торговле Англии Уолтеру Рансману 12 февраля 1915 г. У. Черчилль писал о том, что «*крайне важно привлечь к нашим [т. е. британским. — Д. Б.] берегам судоходство нейтральных держав, особенно в надежде на смуту в отношениях между Соединенными Штатами и Германией*». Отметив, что в результате германской подводной кампании поток судов из Америки резко уменьшился, Черчилль написал: «*Мы со своей стороны хотим, чтобы суда шли — чем больше, тем лучше; если же какие-то из них попадут в беду, тем лучше*».⁵²

Это письмо часто приводится как доказательство существования зловещего замысла Первого лорда Адмиралтейства в отношении торговых судов, в том числе «Лузитаний».

Однако, во-первых, в письме говорилось только и исключительно о нейтральном судоходстве; британские суда (к каковым относилась и «Лузитания») в нем не упоминались.

Во-вторых, письмо было написано спустя неделю после объявления Германией «военной зоны» вокруг британских островов и за неделю до введения ее в действие. Поскольку нейтральные страны были предупреждены Германией о возможных недоразумениях с опознанием их судов, а Британия во многом зависела от поставок нейтралов, то с британской точки зрения было впол-

⁵⁰ См., например: Larson E. Dead wake. P. 149.

⁵¹ Layton K. J. Conspiracies at sea. P. 111.

⁵² Larson E. Dead wake. P. 190.

не логично стремиться не допустить снижения нейтрального судоходства в «военной зоне».

Хотя, как следует из текста письма, Черчилль намеревался убить таким образом двух зайцев, попутно подогревая антигерманские настроения в США из-за неизбежных инцидентов с американскими судами. Поддержание напряженности в германо-американских отношениях, с точки зрения Черчилля, было крайне желательным. В этом смысле введение «военной зоны» было на руку Великобритании, но только до тех пор, пока США и другие нейтральные страны сохраняли свое судоходство в пределах этой зоны, что к тому же было жизненно необходимо для снабжения Британии.

Это совсем не означало, что Черчилль и британское правительство хотело втянуть Америку в войну. Советник государственного департамента Роберт Лансинг 15 февраля 1915 года составил меморандум, в котором доказывал, что начало германо-американской войны принесет больше выгоды Германии, чем странам Антанты и самим США.⁵³

В самом начале войны Британия не располагала достаточными запасами военных товаров для участия в долгосрочном военном конфликте. Американские заводы по производству боеприпасов обеспечивали военные нужды Англии, едва успевая выполнять размещенные заказы для британской армии. Р. Лансинг указывал на то, что если бы США вступили в войну, то эти вооружения были бы перенаправлены на удовлетворение нужд американских войск для подавления внутренних восстаний и стачек. Кроме того, необходимо было бы формировать американские экспедиционные войска для войны на континенте.⁵⁴

⁵³ Хотя американское правительство провозгласило строгий нейтралитет, а на практике президент Вильсон и его кабинет поддерживали английские интересы, общественное мнение в США не было полностью пробританским. Тысячи германских и ирландских иммигрантов (не считая представителей других национальностей, которым не было никакого дела до интересов Англии), не способствовали выражению всеобщей симпатии к Британии. Многие были откровенно враждебно настроены по отношению к Англии.

В случае каких-либо осложнений вполне реален был бы сценарий победы на президентских выборах 1916 года кандидата, менее расположенного благоприятствовать английским интересам. В то же время американские бизнесмены, под влиянием антибританской пропаганды, могли прекратить сотрудничество с британским правительством или британскими компаниями.

⁵⁴ *Layton K. J. Conspiracies at sea.* P. 108–110. Британский посол в Соединенных Штатах, сэр Сэйл Спринг-Райс, писал в Лондон вскоре после гибели «Лузитана»

Если согласиться с логикой К. Симпсона, «Лузитания» должна была повторить участь «Фалабы», только вместо одного погибшего американца ожидалась массовая гибель граждан США, что, по замыслу британских политиков, заставило бы Америку объявить войну Германии.⁵⁵

Даже допустив, что Черчилль был вовлечен в некую комбинацию по подготовке такой провокации, не было никакой гарантии, что США вступят в войну после атаки на «Лузитанию». Американские пассажиры, путешествовавшие на британском лайнере, делали это на собственный страх и риск. Инцидент с «Фалабой», в котором погиб американский пассажир, показал, что США несомненно будут реагировать в случае гибели, пусть и на британском судне, граждан своей страны, но далее слов вряд ли пойдут.⁵⁶

Большое количество жертв среди пассажиров-американцев на «Лузитании» вызвало взрыв возмущения в США и отодвинуло на второй план тот факт, что несколько американских граждан к этому времени уже стали жертвами немецкой подводной войны. Конечно, американцы имели безусловное право путешествовать на невооруженном британском торговом судне. Однако к этому времени было достаточно очевидно, что немцы атаковали как британские, так и нейтральные торговые суда, зачастую не обеспечивая надлежащих мер по обеспечению безопасности пассажиров на борту; можно было предположить, что «Лузитанию» может постичь та же участь.

Несмотря на это, 197 граждан США отправились в рейс — «совершили самоубийство», как написал один прогерманский журналист: некоторые спешили заключить торговые сделки, и им было важно оказаться в Европе как можно быстрее; другие гнались за удовольствиями, невзирая ни на что — «спортивный инстинкт» побуждал их рискнуть.

В любом случае, если они решили пересекать Атлантику — это было их личным делом. С другой стороны, многие обозреватели были склонны согласиться с государственным секретарем У. Д. Брайаном, что едва ли стоило позволять этим безответствен-

нии»: «Так как наша основная цель — сохранить США в качестве базы снабжения, надеюсь, что реакция нашей прессы будет очень сдержанной».

⁵⁵ Утверждалось даже, что «Кунард лайн» специально снизила цены на билеты, чтобы увеличить количество пассажиров и, следовательно, число погибших в случае катастрофы американцев.

⁵⁶ Layton K. J. Conspiracies at sea. P. 111.

ным и эгоистичным личностям устраивать провокацию такого масштаба.⁵⁷

Исследователи Т. Бэйли и П. Райан, подводя черту под «делом о заговоре», утверждают, что У. Черчилль мог задумывать план по потоплению «Лузитании» при существовании четырех предпосылок:⁵⁸

1. Британия должна была остро нуждаться в Америке как союзнике. Однако военное положение Великобритании и стран Антанты в целом весной 1915 года не было настолько критическим, чтобы возникла необходимость в такого рода провокации;

2. Черчилль должен был иметь веские причины считать, что США начнут войну после потопления крупного британского лайнера с американскими пассажирами на борту. В реальности США вступили в войну спустя почти два года после гибели «Лузитании», а их отношения со Антантой и Центральными державами развивались совсем не линейно на протяжении этих двух лет — например, некоторые исследователи полагают, что в конце 1916 года отношения Вашингтона со странами Антанты были худшими за все время с начала войны;⁵⁹

⁵⁷ Многие поддерживали аргументацию Брайана, что США могли избежать неприятностей, просто запретив своим гражданам путешествовать на британских торговых судах (перевозящих военные грузы). Президент Вудро Вильсон, однако, не находил формальных причин для такого запрета. Германия нашла возможность зацепиться за это. В 1913–1914 гг., после революционных событий в Мексике, во время которых погибло множество американцев, правительство США призвало своих граждан покинуть эту страну либо остаться на свой страх и риск. Предосторожность была соблюдена (хотя это означало разорение для многих американских инвесторов), чтобы предотвратить вовлечение США в войну из-за единичных инцидентов. Немцы использовали такую логику: если американское правительство предупредило своих граждан, что они могут находиться в мексиканской военной зоне только под свою ответственность, почему оно не сочло нужным сделать такое же предупреждение относительно немецкой военной зоны? Посол США в Германии Джерард наиболее емко сформулировал этот же довод: «В любом случае, если у американцев есть разумные способы пересечь океан, почему мы должны вступить в большую войну только из-за того, что некий американец хочет пересечь его на судне, где у него будет личная ванная...» (Bailey T. A., Ryan P. B. The Lusitania Disaster. P. 68–70, 86–95).

⁵⁸ Bailey T. A., Ryan P. B. The Lusitania Disaster. P. 190–191.

⁵⁹ См.: Allen K. Lusitania Controversy.

3. Риск такого заговора должен был быть минимален. Он должен был включать целый круг лиц из высших правительственных сфер, что, с огромной степенью вероятности, рано или поздно нашло бы подтверждение в документальных источниках. Сам Уинстон Черчилль имел немало политических противников, которые не упустили бы возможность обвинить его в «массовом убийстве», будь у них хоть малейшая зацепка. Тем не менее никто из них за прошедшие десятилетия не выдвинул обвинений такого рода — ни в частном кругу, ни в опубликованных мемуарах, ни на смертном одре;

4. Наконец, вероятность успешного выполнения этого плана зависела в огромной степени от воли случая: одинокий лайнер, следующий (возможно) зигзагообразным курсом на полном ходу в середине пролива, должен был встретить одну из немногих германских субмарин в Кельтском море и затем затонуть с огромными жертвами. Ясно, что никто не мог рассчитать всю эту комбинацию с достаточной степенью надежности. Более того, источники свидетельствуют, что после катастрофы высшие чины Адмиралтейства довольно жестко обвиняли Тернера за игнорирование некоторых из имевшихся у него инструкций. Гнев, вызванный действиями Тернера, также не говорит о намеренном желании свалить на него всю вину — более того, во многом резкие замечания в его адрес были оправданны, хотя и были, очевидно, чрезмерно эмоциональны.

К этому следует добавить, что британское правительство внесло фундаментальный финансовый вклад в постройку «Лузитании» (как и «Мавритании»), поэтому потеря лайнера означала для него существенные материальные убытки, особенно ввиду начинавшихся в тот период военных действий в зоне Дарданелл, которые могли в ближайшее время потребовать привлечения крупных лайнеров в качестве войсковых транспортов или госпитальных судов — очевидно, что потеря одного из них могла существенно повлиять на ход военных действий.

Если «Лузитания» должна была стать жертвой немецкой атаки, несколько предупреждений (в том числе адресованных непосредственно лайнеру) Адмиралтейства 6–7 мая о подводных лодках и о необходимости сохранять бдительность можно объяснить только крайней несогласованностью действий его руководства.

Наконец, есть еще одно фундаментальное противоречие во всей аргументации К. Симпсона. Оба его «обвинения», по су-

ти, противоречат друг другу: если «Лузитания» с большой степенью вероятности должна была погибнуть, было бы крайне нелогично перевозить на ней «тайный груз» военных материалов и взрывчатых веществ, в которых остро нуждалась воюющая Британия, как утверждает Симпсон.

Таким образом, убедительных аргументов, свидетельствующих о существовании заговора против «Лузитании» Черчилля или кого-либо из высших чинов британского правительства, нет.

Это не означает, разумеется, что ее гибель была простой случайностью. К катастрофе привела длинная цепочка причинно-следственных связей, и каждый из ее главных участников может быть в той или иной степени подвергнут обвинению: Адмиралтейство и компания «Кунард лайн» недооценили степень угрозы и оставили «Лузитанию» на трансатлантической линии, несмотря на быстро возрастающую опасность подводных лодок; капитан Тернер оказался не до конца подготовленным к условиям плавания в военное время и пренебрег многими из мер предосторожности, которые обязан был принять; наконец, капитан-лейтенант Вальтер Швигер без всякого колебания выпустил торпеду по пассажирскому лайнеру, хотя очевидно не мог не знать, что на нем находятся сотни не участвовавших в военных действиях людей, в том числе женщины и дети.⁶⁰

⁶⁰ Подробнее о гибели «Лузитании» и связанных с ней событиях см. монографию автора «Гибель «Лузитании»: взгляд спустя столетие» (СПб., 2019).

Энтони Хейвуд (Anthony J. Heywood)

ИСКРА РЕВОЛЮЦИИ? ДЕЗОРГАНИЗАЦИЯ НА ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГАХ, ГРУЗОВЫЕ ПЕРЕВОЗКИ И ТЫЛ ЦАРСКОЙ РОССИИ, ИЮЛЬ 1914 — МАРТ 1917 г.

В феврале 1916 г. министр путей сообщения А. Ф. Трепов в своем докладе для российского Совета Министров решительно утверждал об отсутствии какого-либо расстройтва в работе железных дорог страны:

«Расстройство транспортной системы, о котором сейчас так много говорят и которому печать посвящает столько времени, в реальности не существует. Можно говорить о неадекватном развитии железнодорожной сети и о нехватке подвижного состава, но только не о расстройстве транспортной системы. Система работает с полным напряжением, еще более интенсивно, чем в мирное время, и если мы тем не менее слышим критику в адрес железных дорог, то главная причина этой критики в том, что по сути от железных дорог требуют намного больше того, что они в состоянии выполнить»¹.

Тем не менее к тому моменту мало кто из россиян прислушался бы к этим аргументам. Сетования общественности на ра-

¹ Доклад Трепова Совету Министров, 15.02.1916: Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 268. Оп. 5. Д. 318. Л. 198 об. — 199.

боту железных дорог в военное время достигли значительного уровня уже зимой 1914–1915 гг. и лишь усилились после масштабной, поспешной и мучительной эвакуации западных губерний империи летом 1915 г. Согласно назначенному царским правительством Особому совещанию по продовольствию, нехватка мяса, сахара и муки, наблюдавшаяся в столице осенью 1915 г., имела своей непосредственной причиной расстройство железнодорожных перевозок, а к началу 1916 г. острая нехватка топлива и сырья — тоже обычно объяснявшаяся сбоями на железных дорогах — угрожала парализовать работу даже тех заводов, которые выполняли важнейшие оборонные заказы. Ответственность за это расстройство в большинстве случаев возлагалось в первую очередь на организационные проблемы, а также на коррупцию, по слухам, широко распространенную среди железнодорожных служащих. Трепов, в конце февраля 1916 г. вызванный в Государственную Думу, сумел убедить депутатов отложить дебаты о «замешательстве» на транспорте². Тем не менее впоследствии ситуация явно не улучшилась. Более того, поскольку хроническая нехватка продовольствия и вызванный ею рост цен на продукты питания стали одной из причин революционного взрыва в феврале 1917 г. в Петрограде, историки полагают, что транспортные затруднения и в первую очередь проблемы с железнодорожными перевозками в конечном счете сыграли непосредственную роль при крушении царизма. Идет ли речь об суждениях таких специалистов, как Стивенсон (Stevenson, 1999. Рр. 193–94), или о сочинениях сменявших друг друга поколений студентов, идея о том, что неадекватная железнодорожная система в годы Первой мировой войны стала жертвой хаоса и краха, стала практически общим местом; голоса таких несогласных, как Уэствуд с соавторами (Westwood *et al.* 1990. Р. 178), остаются редкостью.

При всем сказанном большинству наблюдателей-современников было чрезвычайно трудно понять, что реально происходило на железных дорогах в военное время, поскольку по очевидным причинам военной секретности Министерство путей сообщения (МПС) не публиковало всеобъемлющих статистических данных

² Заявление № 196, 26.02.1916; Стенографический отчет. Государственная Дума, четвертый созыв, сессия IV, заседание 28, 29.02.1916. РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1041. Л. 1–2, 10 об.

о работе железных дорог. Данные по перевозкам, все же предававшиеся огласке, подобные тем, что приводились в официальном статистическом журнале МПС «Пути сообщения России», мало что могут сказать о качестве функционирования железных дорог. Поэтому обвинения в хаосе на железных дорогах обычно основывались исключительно на фактах дефицита в тылу, на жалобах пассажиров и потенциальных пассажиров и на сравнениях с довоенной ситуацией.

То же отсутствие надежных данных по перевозкам мешает и историкам должным образом осветить этот вопрос. Например, такие советские военные аналитики, как Морин и Васильев (Васильев, Морин 1928; Морин 1930; Васильев 1939) и Суранов (Суранов 1930), в межвоенные годы занимались этой темой, но, несмотря на доступ по крайней мере к части дел МПС, в их распоряжении не было достаточно всеобъемлющих данных. Более того, из данных, опубликованных в СССР, складывалась неоднозначная картина. Самое подробное советское издание экономической статистики военного времени показывает заметное падение эффективности железных дорог в 1916 г. по сравнению с 1915 г. (Центральное статистическое управление 1922. С. 139): в частности, объем перевезенных грузов в весовом выражении, в 1915 г. превышавший 12 млрд пудов, в 1916 г. составлял чуть менее 11 млрд пудов, в то время как число пассажирских билетов сократилось с 254 млн с лишним в 1915 г. до чуть менее 223 млн в 1916 г. Тем не менее, например, из итоговых цифр, опубликованных исследователем А. Л. Сидоровым (Сидоров 1948. С. 34), следует, что в 1915 г. объем перевезенных грузов по весу превысил довоенный пик, достигнутый в 1913 г., и что в 1916 г. железные дороги проделали еще более значительную работу, причем эту тенденцию затруднительно согласовать с его же заявлением о том, что крах перевозок начался уже в 1916 г.

Для того, чтобы дать полный ответ на все эти вопросы, естественно, требуется всеобъемлющий анализ самых разных тем, включая влияние новых запросов, предъявлявшихся к железным дорогам, и изменения транспортных потоков, снижение уровня обслуживания железнодорожной техники, меры по совершенствованию инфраструктуры, такие как прокладка вторых путей, строительство новых железных дорог и инвестиции в приобретение новых локомотивов и подвижного состава — что представляет собой задачу, далеко выходящую за рамки короткой статьи.

Здесь нельзя и надеяться дать ответ на принципиальный общий вопрос о том, в какой степени проблемы с железными дорогами служили причиной российского военного и политического краха в начале 1917 г.³, но необходимый первый шаг, несомненно, состоит в том, чтобы установить факты и в общих чертах выяснить, что именно происходило с железнодорожными перевозками в промежутке между началом войны в 1914 г. и Февральской революцией: сокращались ли или возрастали объемы перевозок и насколько большими были изменения в абсолютном и в относительном смысле? Если нам удастся ответить на эти вопросы, мы сможем лучше понять соответствующую ситуацию. Выявленное заметное сокращение железнодорожных перевозок в 1916 г. по сравнению с 1915 г., скорее всего, подтвердит значение железнодорожных проблем как одного из факторов, объясняющих трудности военной экономики и Февральскую революцию, в то время как существенный рост перевозок в 1916 г. оправдывает слова Трепова, так как такой рост просто несовместим с общей дезорганизацией, и главные причины каких-либо недостатков в работе железных дорог придется искать где-то в другом месте. В целом же мы будем иметь более надежную основу для столь необходимого тщательного анализа испытаний, выпавших на долю железных дорог во время войны.

Таким образом, цель настоящей статьи в том, чтобы сделать первый важный шаг, который так долго не давался историкам. Конкретно мы обратимся к различным источникам того времени — в первую очередь ежегодным отчетам об объемах перевозок, финансовым и прочим отчетам — с тем, чтобы составить надежную статистическую таблицу годовых грузовых перевозок за период с января 1913 г. по декабрь 1916 г. включительно, которая бы могла дать четкий ответ на вопрос, действительно ли дезорганизация в работе железных дорог была во время войны серьезной проблемой⁴. В центре дискуссии будет находиться самый принципиальный вопрос о том, сколько грузов было перевезено по тем линиям публичной железнодорожной сети, по ко-

³ Этот принципиальный вопрос представляет собой главную тему нынешнего крупного проекта автора данной статьи, а именно книги об истории российских железных дорог в Первую мировую войну.

⁴ К сожалению, поскольку нашим главным источником являются ежегодные отчеты, нам придется остановиться на декабре 1916 г., а не на феврале или марте 1917 г.

торым осуществлялись регулярные перевозки в 1913–1916 гг.⁵ В первую очередь речь идет об общем объеме того, что может быть названо «полезной работой» таких железных дорог применительно к грузам — не просто о весе перевезенных грузов, но и о дистанции, на которую эти грузы были перевезены, измеряемой в пудо-верстах⁶. В конце концов, для всех, кого это касается, нет никакой пользы в том, если, например, груз был погружен в товарный вагон, но тот так никуда и не уехал.

Каким образом подходить к этому вопросу? Несмотря на обширные поиски в архивах МПС, общая статистика об итогах работы железнодорожной сети в пудо-верстах за 1913–1916 гг., будь то единый сводный документ или серия документов с данными за каждый год, так и не была обнаружена⁷. Однако этот поиск принес много сведений, которые позволяют учесть практически все перевозки до конца 1915 г. и дать полезную *оценку* итогов 1916 г. в ожидании того времени, когда, как будем надеяться, будут обнаружены более полные данные. В настоящей статье приводятся выявленные нами сведения разных типов, объясняется, почему и каким образом были собраны эти цифры, и подробно разбирается вопрос о том, какие железные дороги необходимо включить в данный обзор или оставить за его рамками. Далее объясняется, каким образом на основе доступных данных мож-

⁵ Под «публичными железными дорогами» здесь понимаются так называемые железные дороги общего пользования, осуществляющие публичные пассажирские и грузовые перевозки и по закону обычно обязанные принимать для перевозок любые грузы, в отличие от коротких местных линий и железных дорог, работающих, например, на конкретные промышленные предприятия. МПС проводило различие между железными дорогами «общего значения» и «местного значения»; нас будут интересовать первые. Кроме того, не рассматриваются линии, еще строившиеся, но осуществлявшие перевозки на ограниченной «временной» основе. Вопрос о том, какие именно линии следует учитывать в наших расчетах, подробно рассматривается ниже.

⁶ В переводе на метрическую систему мер 1 пуд и 1 верста составляют соответственно 16,3 кг и 1,06 км. Метрическим эквивалентом пудо-версты является тонно-километр.

⁷ Архивы МПС находятся в РГИА в составе более дюжины отдельных собраний (фондов). Поиск велся главным образом среди документов Части движения, входившей в Эксплуатационный отдел Управления железных дорог МПС (Ф. 273. Оп. 10). Поиски проводились и в некоторых других фондах: Технического отдела Управления железных дорог МПС (Ф. 273. Оп. 6), канцелярии МПС (Ф. 229), Департамента железнодорожных дел в Министерстве финансов (Ф. 268. Особ. оп. 5) и собрании документов многочисленных отдельных железных дорог (Ф. 350).

но получить результаты для всей сети, и приводятся такие цифры за 1913–1916 гг. включительно наряду с необходимыми конкретными оговорками и кратким комментарием. Вряд ли следует говорить, что последующая аргументация носит сильно условный характер в силу неизвестной точности первичных данных: война не способствует тщательному ведению железнодорожной бухгалтерии, особенно на дорогах поблизости от фронта. Более того, само МПС осознавало снижение качества получаемых им статистических данных и пыталось что-то делать с этим⁸. Однако если мы будем относиться к этим цифрам как к оценкам, а не как к абсолютным величинам, мы наверняка сможем выявить основные тенденции и взаимосвязи.

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАЯ СТАТИСТКА В ВОЕННОЕ ВРЕМЯ: ЗАДАЧИ, ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

Источником для рассматриваемой нами статистики по перевозкам служит обширная повседневная бухгалтерия, которая велась на многочисленных железных дорогах, составлявших публичную железнодорожную сеть Российской империи⁹. В число

⁸ См., например, оговорку в: РГИА. Ф. 273. Оп. 10. Д. 3523. Л. 2 об., составленную примерно в середине 1916 г. в Части движения Эксплуатационного отдела в качестве вступительного предупреждения к отчету, в котором сравнивались работа и использование подвижного состава в 1913 и 1915 гг.: «В свете замеченного ухудшения точности статистических данных, а также устаревания существующих форм отчетности и их несоответствия условиям времени, которое мы переживаем, следует рассматривать цифры и показатели, приведенные в настоящем докладе, как приблизительные, дающие лишь общую картину изменений в работе железнодорожной сети и использовании подвижного состава. Так, например, следует отметить, что в ходе переписи вагонов, проведенной 1 ноября 1915 г., выяснилось, что зафиксированное количество вагонов на железных дорогах, принятое как основа для вычисления показателей, на многих линиях резко отличается от их реального количества на этих линиях, и соответственно, средние расстояния, пройденные по вспомогательным линиям, проведенное на них время и т. п. отличаются от реальных».

⁹ В отношении названий отдельных железных дорог следует упомянуть, что некоторые из них имели форму единственного числа — например, Пермская железная дорога, — в то время как другие было принято называть во множественном числе: например, Закавказские железные дороги. Название Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги приводилось в форме как единственного, так и множественного числа. Эксплуатировавшаяся Россией Китайско-Восточная железная дорога не входила в состав соб-

важнейших данных, собиравшихся на железных дорогах, входили ежедневные отчеты всех станций по таким вопросам, как число загруженных и разгруженных товарных вагонов, и доклады бригад товарных поездов о весе их поездов, их маршрутах и размерах в смысле числа вагонов и вагонных осей. Эта информация обобщалась в управлениях железных дорог и передавалась в МПС в виде ежедневных, полумесячных, ежемесячных, ежегодных и прочих отчетов. Ежедневные отчеты ввиду их срочности пересылались по телеграфу, а иногда также и в письменном виде, в то время как другие отчеты обычно подавались в письменном виде через несколько недель после окончания данного периода. В том, что касается грузовых перевозок, главными ежедневными показателями для каждой железной дороги являлось число загруженных вагонов, число вагонов, переданных данной железной дороге с соседних, а также число вагонов, переданных с данной железной дороги на соседние; все эти три вида статистики совместно описывали «работу» железной дороги. В ежемесячных отчетах приводились средние ежедневные показатели этой «работы» за данный месяц наряду, например, с данными об общем пробеге локомотивов и вагонов и о выраженных в пудо-верстах объемах перевозок коммерческих грузов, внутренних железнодорожных грузов (таких, как уголь для локомотивов) и нефтепродуктов, перевозившихся в цистернах (последние иногда шли отдельной графой). Ежемесячные отчеты по форме № 3 касались количества загруженных товаров, в то время как данные о проделанной работе, включая статистику перевозок в пудо-верстах, содержались в ежемесячных отчетах по форме № 4. Эти формы, обычно имеющие объем в четыре страницы и, вероятно, подававшиеся в двух экземплярах, имеют разный вид, но по правилам все они должны были содержать одни и те же сведения, а подавать их следовало через два месяца после окончания данного месяца. Точно так же обстояло дело и с ежегодными отчетами по аналогичной форме.

Тем не менее все эти данные считались предварительными, и каждая железная дорога впоследствии прилагала много усилий к тому, чтобы проверить и исправить все свои многочисленные

ственно российской железнодорожной сети. Названия некоторых железных дорог могли писаться по-разному: например, Самара-Златоустская или Златоустовская.

статистические отчеты с целью получения окончательных годовых цифр. Эти пересмотренные данные обобщались в двух объемистых томах по каждой железной дороге, напечатанных типографским способом. Одним из них был годовой отчет по эксплуатации, который в окончательном напечатанном виде мог иметь объем до 900 страниц, в то время как второй представлял собой смету предполагаемых доходов и расходов по эксплуатации в следующем календарном году. Существенно, что, как и в случае ежегодных отчетов, два этих документа должны были соответствовать определенному формату. Для нас очень полезным обстоятельством является то, что составители этих документов были обязаны включать в них сведения по ключевым показателям — в том числе и объемы перевозок в пудо-верстах — не менее чем за три предыдущих года.

В МПС, где основным получателем этих отчетов была Часть движения Эксплуатационного отдела в Управлении железных дорог (УЖД), эти сведения использовались во многих целях, и составление ежедневных, ежемесячных и ежегодных статистических таблиц по перевозкам в масштабах всей железнодорожной сети было лишь одной из них. Важно учитывать, что в мирное время статистика по перевозкам собиралась по двум главным взаимосвязанным причинам, обе из которых в конечном счете были связаны с финансами. Одна из них заключалась в надзоре за эффективностью эксплуатации и в получении основы для окончательных бюджетных и инвестиционных планов на следующий год, в то время как вторая сводилась к отслеживанию доходов и расходов с целью обеспечить общую прибыльность и проводить продуманную тарифную политику; первой группой вопросов занималось МПС, в то время как вторая группа вопросов находилась в ведении Департамента железнодорожных дел в Министерстве финансов. В силу такого разделения обязанностей Часть движения МПС обычно посылала копии ежемесячных и ежегодных отчетов в Министерство финансов, а то, судя по всему, спустя несколько месяцев возвращало эти отчеты в МПС. В мирное время каждое министерство обобщало данные по всей сети и ежегодно издавало собственные статистические книги, что неизбежно происходило со значительным запозданием. Как это ни покажется удивительным с учетом военных условий и в первую очередь нехватки рабочей силы, этот процесс продолжался без перерывов и в неизменном виде по край-

ней мере до середины 1917 г. Однако с точки зрения интересующих нас вопросов проблемой является запоздание: в 1916–1917 гг. МПС издавало итоги работы за 1913 г., в то время как Министерство финансов только приступало к изданию отчетности за 1915 г. Большая часть данных за военные годы не была опубликована в рамках этих серий просто из-за нехватки времени и революционных потрясений.

Теоретически мы могли бы вывести ежегодные цифры перевозок в пудо-верстах для всей железнодорожной сети за 1913–1916 гг., просто взяв необходимые данные из окончательных отчетов всех железных дорог за 1916 г., но это невозможно, потому что составлению отчетов за 1916 г. помешали революционные события, из-за чего такие отчеты имеются примерно только по трети всех дорог, и те же самые проблемы привели к тому, что сметы на 1918 г. были составлены лишь для нескольких дорог. К счастью, в том, что касается публичных дорог «общего значения» в 1913–1915 гг., в нашем распоряжении имеется напечатанная типографским способом брошюра с предварительными данными, изданная МПС в 1916 г., судя по всему, для внутреннего использования, а также почти все окончательные отчеты за 1915 г. (или сметные предложения на 1917 г., в которых приводятся окончательные итоги 1915 г.)¹⁰. Эти цифры не вполне совместимы, так как предварительные данные не включают объемов внутренних служебных грузов, перевозившихся рабочими поездами, в то время как в окончательные отчеты такие данные обычно входят (лишь в немногих случаях приводится только число загруженных вагонов в составе рабочих поездов вместо требуемых данных о пудо-верстах, либо соответствующие цифры просто отсутствуют). Тем не менее, судя по другим данным из тех же источников, различия обычно невелики; главным исключением являются линии, на которых отчасти еще велось строительство. Более серьезным — хотя опять же ни в коем слу-

¹⁰ Предварительные данные за 1913–1915 гг. см. в: Предварительные главнейшие сведения о результатах эксплуатации Российских железных дорог общего значения за 1915 год по сравнению со сметными на тот же год предположениями и отчетными за 1913 и 1914 гг. данными. Пг., 1916. Такие отчеты издавались ежегодно, но более поздних изданий не было найдено: почти наверняка аналогичный отчет в 1917 г. не был издан. Номенклатура окончательных отчетов в принципе была стандартизована. См. типичный пример: Отчет по эксплуатации Северо-Западных железных дорог за 1915 год. Пг., 1916.

чае не фатальным — является то, что в этих источниках имеются некоторые пробелы. Из предварительного отчета были сознательно исключены итоги для двух второстепенных дорог на крайнем западе страны — Гербы-Келецкой и Лодзинской фабричной, которые уже в самом начале войны оказались на оккупированной территории; у нас есть окончательный отчет по двум этим дорогам за 1913 г., но нет абсолютно никаких данных за 1914 г. В окончательных отчетах за 1915 г. опущены три крупные железные дороги на западе — Варшавско-Венская, Привислинские и Риго-Орловская — но данные по пудо-верстам для этих дорог за 1915 г. доступны в других источниках, таких как форма № 4, а окончательные данные по этим дорогам за 1913 и 1914 гг. имеются в их отчетах за 1914 г., а также в брошюре с предварительными результатами. Наконец, у нас отсутствуют какие-либо данные по перевозкам для двух частных дорог, пополнивших железнодорожную сеть в июле и декабре 1915 г.: Кахетинской и Бессарабских. Впрочем, обе являлись мелкими компаниями, которые не могли осуществлять сколько-нибудь значительных перевозок. Таким образом, в целом представляется разумным утверждать, что с помощью итоговых отчетов мы можем получить почти точные цифры грузовых перевозок в пудо-верстах для всей сети за 1913–1915 гг. и что мы приблизительно представляем себе, насколько эти окончательные результаты отличаются от предварительных.

Что касается важнейшего 1916 г., то с точки зрения общей совместимости информации за год самым разумным представляется использовать предварительные годовые данные, представленные по форме № 4. В идеале мы могли бы просто взять эти цифры для всех железных дорог и путем их сложения получить общий итог для сети в целом, но, судя по всему, до нас дошли лишь отчеты примерно от 70% дорог, по которым производились регулярные перевозки на конец 1916 г., и у нас не имеется ежемесячных отчетов, необходимых, чтобы заполнить пробел, потому что эти документы были сильно прорежены и в архивах сохранилась лишь небольшая выборка, оставленная в качестве примеров. Таким образом, ключевой вопрос состоит в том, имеется ли возможность дать полезную оценку для всей сети, используя предварительные данные, содержащиеся в этих формах, в сочетании с данными из имеющихся окончательных отчетов за 1916 г. или сметных предложений на 1918 г.

С точки зрения учета всех дорог, которые нам нужны, ответ зависит от того, какие именно дороги следует включить в наш обзор — а этот вопрос в реальности весьма непрост. Г. М. Афолина (Афолина 1996. С. 89–92) перечисляет 67 железных дорог, осуществлявших регулярные перевозки на 1 января 1916 г., и 73 железные дороги, работавшие на 1 июля 1917 г.: за этот промежуток было открыто несколько новых линий. Однако в эти списки включены и железные дороги, полностью находившиеся на территории, оккупированной врагом после середины 1915 г., — такие, как Гербы-Келецкая, Варшавско-Венская и Привислинские, до их потери вносящие вклад в работу железных дорог страны, а затем переставшие это делать. И наоборот, регулярное движение на некоторых новейших дорогах, таких как хорошо известная Мурманская, началось лишь после 1 января 1917 г. Более того, в эти списки входит более десятка дорог, которые МПС по той или иной причине обычно не включало в свои списки дорог «общего значения». В эту категорию попадают железные дороги Великого княжества Финляндского, Уссурийская железная дорога на Дальнем Востоке, на долгосрочной временной основе находившаяся в подчинении у Китайско-Восточной железной дороги, и различные мелкие так называемые подъездные пути. Поэтому представляется более уместным учитывать только те дороги, которые МПС по состоянию на 31 декабря 1916 г. включало в число дорог «общего значения», за исключением тех дорог из этой категории, которые к тому моменту были оккупированы врагом, и всех дорог, регулярные перевозки по которым начались после 31 декабря 1916 г. Наилучшей опубликованной основой для этого шага может служить список за декабрь 1916 г., содержащийся в издании «Пути сообщения России» (Отдел статистики МПС. 1917. С. 104–107) и дающий нам 49 публичных железных дорог, по которым нам требуются данные за весь период 1913–1916 гг. или за какую-либо его часть (или 50 дорог, если, как было принято в то время, считать в качестве отдельных железных дорог Петроградское и Московское отделения Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги)¹¹. Эти железные дороги пе-

¹¹ См.: Пути сообщения России. № 2–3. 1917. С. 104–107. В этом списке, вероятно, вследствие типографской и корректурной ошибки, отсутствует Подольская железная дорога.

речислены в таблице III вместе с данными об их протяженности в 1913 и 1916 гг. и краткими сведениями о том, какие соответствующие документы по каждой из дорог сохранились в Российском государственном историческом архиве и в Российской национальной библиотеке в С.-Петербурге. Сначала в алфавитном порядке в соответствии с источником перечисляются государственные железные дороги Европейской России, затем государственные железные дороги Азиатской России и, наконец, частные европейские и азиатские дороги¹².

Из этой таблицы видно, что при объединении имеющихся у нас окончательных отчетов с предварительными результатами по форме № 4 мы получим практически полные статистические данные за 1916 г. Мы не имеем данных по перевозкам только на четырех второстепенных железных дорогах — Троицкой, Бессарабских (по которым нет данных и за 10–31 декабря 1915 г.), Бухарской (открыта 16 июля 1916 г.) и Ачинск-Минусинской (открыта 1 января 1916 г.) — но для трех из этих дорог (кроме Бухарской) можно сделать грубые оценки, используя другие источники информации. Иными словами, если мы смиримся со смешением предварительных и окончательных данных за этот год, то останутся только проблемы, связанные с четырьмя второстепенными дорогами, причем в случае трех из них у нас имеются другие данные, которые могут послужить основой для грубой оценки итогов их работы. Более того, четвертая дорога, Бухарская, находилась в эксплуатации менее полугода. С учетом всех обстоятельств эти пробелы, скорее всего, носят маргинальный характер с точки зрения оценки работы железнодорожной сети в целом — к этому моменту мы еще вернемся ниже.

¹² Поиск отчетов по данным дорогам проводился в фондах МПС в РГИА, библиотеке РГИА и Российской национальной библиотеке (РНБ) в С.-Петербурге. Некоторые отчеты находятся также в ряде других библиотек, таких как Российская государственная библиотека в Москве. Из нашего обзора исключены следующие дороги, на которых в 1916 г. производились регулярные перевозки: Варшавские подъездные пути; Вольмарский подъездной путь; Галицийские; Ириновская; Ковель-Владимир-Волынская; Кувшиновский подъездной путь; Либаво-Газенпотский подъездной путь; Лифляндские подъездные пути; Лодзинско-Згержский и Пабяницкий подъездные электрические пути; Мальцевские; Марковский подъездной путь; Московское Общество подъездных путей в России; Первое Общество подъездных путей; Петроковско-Сулеевский подъездной путь; Приморская Петроградско-Сестрорецкая; Семиреченская; Стародубский подъездной путь; и Дороги Великого Княжества Финляндского.

При всем вышесказанном, прежде чем переходить к вычислению итоговых цифр за 1913–1916 гг., необходимо рассмотреть еще одну проблему, связанную с источниками, или, точнее, две взаимосвязанные проблемы. В окончательных отчетах и сметных предложениях представлены разные данные о перевозках в пудо-верстах, что, очевидно, связано с требованием МПС подавать эти сведения в двух разных вариантах для двух разных целей. Говоря конкретно, в подробных вычислениях доходов и расходов, итоги которых приводятся в разделах V, VI и VII главных отчетов, используются данные по перевозкам, которые несколько ниже, чем цифры, которые приводятся в резюме общих результатов в разделе IX¹³. В идеале следовало бы параллельно использовать обе группы цифр, но это невозможно: некоторые отчеты и сметные предложения являются неполными, и в них фигурирует лишь одна группа цифр — более низкие величины, используемые при вычислении доходов и расходов. Поэтому нам нужно иметь в виду это различие при использовании этих документов наряду с необработанными предварительными данными из архивов и в целях максимальной совместимости использовать более низкие цифры из печатных источников. Сущность имеющихся окончательных данных показывается в таблице III, где под «Итогом 1» имеются в виду цифры, используемые в разделах V, VI и VII главных отчетов (и их эквиваленты в сметных предложениях), в то время как под «Итогом 2» имеются в виду общие итоги, приведенные в разделе IX отчетов (и их эквиваленты в сметных предложениях).

ИТОГИ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Исходя из всех этих соображений, мы составили таблицу 1, в которой сводятся воедино имеющиеся на данный момент в нашем распоряжении данные по перевозкам в пудо-верстах за 1913–1916 гг. для сети публичных железных дорог в целом и для ее двух составных частей — государственного сектора и частного сектора. Предварительные итоговые цифры в столбце 3 были взяты не-

¹³ Римские цифры здесь соответствуют стандартной нумерации разделов в главных отчетах. В сметных оценках используются те же две формы статистики, но нумерация разделов там другая.

посредственно из источников, в то время как цифры в столбце 4 были вычислены в соответствии с изложенными выше рассуждениями. Говоря конкретно, итоговые величины за 1913–1915 гг. в столбце 4 были получены путем суммирования данных из доступных нам окончательных отчетов за 1915 или 1916 гг., в то время как для получения цифр за 1916 г. суммировались данные из доступных окончательных отчетов, а при необходимости также и предварительные данные из отчетов по форме № 4. Основные оговорки уже были сделаны выше, но имеет смысл еще раз повторить, что у нас отсутствуют данные по нескольким железным дорогам, а две группы этих цифр не вполне совместимы друг с другом, потому что итоговые значения в столбце 3 не учитывают служебные перевозки, которые производились рабочими поездами, в то время как в столбце 4 эта информация, как правило, учтена. Полное описание пробелов и исключений приводится в примечаниях к таблице.

Значение этих пробелов и исключений почти наверняка ничтожно. В таблице 2 приводится контекстуальная информация, касающаяся соответствующих дорог, наряду с грубыми оценками, предлагаемыми взамен отсутствующих данных, и способом получения этих оценок. Если мы прибавим эти гипотетические цифры к соответствующим итоговым величинам в последнем столбце таблицы 1, которые представляют собой сочетание окончательных и предварительных данных за 1913–1916 гг. включительно, то получим результаты, приведенные в столбце 7 таблицы 2. С учетом того, что во всех случаях производится суммирование, неудивительно, что во всех случаях цифры для всей железнодорожной сети изменяются в сторону увеличения. Однако в рамках общей картины эти изменения крайне невелики: самое маленькое из них составляет 0,1%, в то время как самое большое — для 1916 г. — всего 0,4%. Иными словами, судя по нашим гипотетическим цифрам, пробелы и исключения относятся к очень небольшой доле всех перевозок. Более того, даже если некоторые или все из наших оценок необходимо изменить в сторону увеличения, общая картина, обрисованная в таблице 1, все равно изменится несущественно.

Доступные на данный момент цифры перевозок
в пудо-верстах за 1913–1916 гг.

	Год	Протяженность железных дорог, действовавших на 31 декабря (в верстах)	Предварительные опубликованные итоги за 1913–1915 гг. Коммерческие грузы, а также служебные грузы, перевезенные товарными поездами (в тыс. пудо-верст)	Окончательные отчеты за 1914–1916 гг. и предварительные отчеты по форме № 4 за 1916 г. Коммерческие грузы, а также служебные грузы, перевезенные товарными поездами и рабочими поездами (в тыс. пудо-верст)
Государственные железные дороги	1913	43 728	3 091 383 812	3 171 761 069
	1914	44 216	2 990 485 360	3 033 915 460
	1915	38 612	3 404 460 501	3 435 934 850
	1916	39 848	~	3 606 670 610
Частные железные дороги	1913	18 872	1 255 030 442	1 312 803 595
	1914	19 317	1 285 470 667	1 357 381 271
	1915	19 719	1 324 425 653	1 441 461 206
	1916	23 775	~	1 762 406 610
Железнодорожная сеть в целом	1913	62 600	4 346 413 254	4 484 564 664
	1914	63 533	4 275 956 027	4 391 296 731
	1915	58 331	4 728 886 154	4 877 396 056
	1916	63 623	~	5 369 077 220

¹⁴ *Примечания.* 1) Цифры для государственных железных дорог и для ж.-д. сети в целом вычислены без учета Варшавско-Венской и Привислинских железных дорог; для частных железных дорог и для ж.-д. сети в целом — без учета Гербы-Келецкой и Лодзинской Фабричной железных дорог. Информация по Варшавско-Венской дороге за 1915 г. покрывает период с 1 января по 22 июля 1915 гг., в то время как информация по Привислинским железным дорогам относится к периоду с 1 января по 18 августа 1915 г.

2) В таблице не учитываются: за 1913 и 1914 гг. — все данные по Гербы-Келецкой и Лодзинской Фабричной дорогам, а также (в столбце 4) служебные перевозки рабочими поездами на Богословской, Белгород-Сумской и Московско-Виндаво-Рыбинской дорогах; за 1915 г. — все данные по Бессарабским и Кахетинской дорогам, а также (в столбце 4) служебные перевозки рабочими поездами на Богословской, Белгород-Сумской и Московско-Виндаво-Рыбинской дорогах; за 1916 г. — все данные по Бессарабским, Бухарской, Троицкой и Ачинск-Минусинской дорогам, а также (в столбце 4) служебные перевозки рабочими поездами на Богословской, Белгород-Сумской и Московско-Виндаво-Рыбинской дорогах, как и на Самаро-Златоустовской, Сызрано-Вяземской, Южных, Кольчугинской, Западно-Уральской и Ферганской дорогах.

Источники: 1) Данные за 1913–1915 гг. в столбцах 2 и 3: Предварительные главнейшие сведения о результатах эксплуатации Российских железных дорог общего значения за 1915 год по сравнению со сметными на тот же год предположениями и отчетными за 1913 и 1914 гг. данными. Пг., 1916. С. 34, 37–38, 66, 69–71.

2) Данные за 1916 г. в столбце 2 получены путем сложения величин из столбца 3 в таблице 1. Для того, чтобы выяснить реальную протяженность железных дорог в 1916 г., требуются дальнейшие исследования.

3) Данные за 1916 г. в столбце 4: доступные окончательные отчеты за 1916 г., а также отчеты по форме № 4: РГИА. Ф. 273. Оп. 10. Д. 1611, 3445, 3446, 3447, 3749.

4) Данные за 1913–1915 г. в столбце 4: окончательные отчеты за 1915 г., а для Варшавско-Венской и Привислинских дорог окончательные отчеты за 1914 г., а также: Предварительные главнейшие сведения за 1915 год. С. 5–7, 13–15.

Таблица 2

Данные по перевозкам в пудо-верстах для всей ж.-д. сети за 1913–1916 гг., с учетом данных из таблицы 1 и оценок, предложенных в таблице П2

	Год	Протяженность железных дорог, действовавших на 31 декабря (в верстах)	Предварительные опубликованные итоги за 1913–1915 гг. Коммерческие грузы, а также служебные грузы, перевезенные товарными поездами (в тыс. пудо-верст)
Государственные железные дороги	1913	43 728	3 091 383 812
	1914	44 216	2 990 485 360
	1915	38 612	3 404 460 501
	1916	39 848	~
Частные железные дороги	1913	18 872	1 255 030 442
	1914	19 317	1 285 470 667
	1915	19 719	1 324 425 653
	1916	23 775	~
Железнодорожная сеть в целом	1913	62 600	4 346 413 254
	1914	63 533	4 275 956 027
	1915	58 331	4 728 886 154
	1916	63 623	~

Окончательные отчеты за 1914/1915/1916 гг. и предварительные отчеты по форме № 4 за 1916 г.	Коммерческие грузы, а также служебные грузы, перевезенные товарными поездами и рабочими поездами (в тыс. пудо-верст)	Оценка поправки в сторону увеличения (подробности см. в таблице П2) (в тыс. пудо-верст)	Итого с учетом поправки. Коммерческие грузы, а также служебные грузы, перевезенные товарными поездами и рабочими поездами (в тыс. пудо-верст)	Различия между столбцами 5 и 7 (в %, округлено до первого знака после запятой)
3 171 761 069	н/д	н/д	3 171 761 069	0
3 033 915 460	н/д	н/д	3 033 915 460	0
3 435 934 850	н/д	н/д	3 435 934 850	0
3 606 670 610	11 336 616	н/д	3 618 007 226	0,3
1 312 803 595	13 206 006	н/д	1 326 009 601	1
1 357 381 271	8 919 384	н/д	1 366 300 655	0,6
1 441 461 206	2 906 007	н/д	1 444 367 213	0,2
1 762 406 610	11 836 983	н/д	1 774 243 593	0,7
4 484 564 664	13 206 006	н/д	4 497 770 670	0,3
4 391 296 731	8 919 384	н/д	4 400 216 115	0,2
4 877 396 056	2 906 007	н/д	4 880 302 063	0,1
5 369 077 220	23 173 599	н/д	5 392 250 819	0,4

Как следует интерпретировать результаты, приведенные в таблицах 1 и 2? Во-первых, мы можем быть более-менее уверены, что наше сочетание окончательных и предварительных данных за 1916 г. едва ли превышает реальные итоги того года. Предварительные данные для государственных железных дорог за 1913–1915 гг., судя по всему, превышают окончательные цифры за те годы, в то время как в частном секторе наблюдается обратная картина. Более того, благодаря росту значений в частном секторе окончательные цифры для сети в целом несколько превышают предварительные цифры для нее же. Что существенно, нет никаких указаний на то, что предварительные итоги обычно выше окончательных. Соответственно, более вероятно то, что мы имеем заниженные значения работы железных дорог в 1916 г.

Во-вторых, представляется уместным игнорировать данные за 1914 г. с точки зрения такой специфической задачи, как выявление общих тенденций за 1913–1916 гг. в плане сравнения работы железных дорог в мирное и в военное время. Цифры за 1914 г. указывают на небольшой спад общей производительности железных дорог по сравнению с 1913 г., последним полноценным мирным годом. Однако этот спад нельзя считать признаком того, что железные дороги работали менее интенсивно. На самом деле имеется много указаний на то, что по состоянию на июнь 1914 г. объемы железнодорожных перевозок в том году обещали вырасти по сравнению с 1913 г.; судя по итогам первой половины года, рост в годовом выражении мог составлять до 5%¹⁵. Но разумеется, самым важным обстоятельством в 1914 г. являлось то, что он включал чрезвычайный период мобилизации, когда почти все грузовые перевозки были приостановлены по крайней мере на месяц с тем, чтобы не создавать помех для движения многочисленных эшелонов с войсками — которые не включены в эти цифры перевозок — и армейских поездов снабжения. Этот период в большинстве регионов продолжался почти два месяца, а на дорогах из Сибири — еще дольше, и регулярные перевозки возобновились далеко не сразу.

В-третьих, если игнорировать 1914 год, то железные дороги явно предстанут перед нами в выгодном свете. Итоги их работы за 1915 г.

¹⁵ См., например: Результаты эксплуатации казенных железных дорог за июль месяц 1914 года (по предварительным данным). РГИА. Ф. 273. Оп. 10. Д. 2692. Л. 11; Всеподданнейший доклад (черновик), февраль 1915. РГИА. Ф. 273. Оп. 10. Д. 2582. Л. 128–130 (покрывает весь 1914 г. с использованием предварительных данных).

примерно на 10% превышают итоги за 1913 г., который сам по себе был рекордным годом. Принципиально важно то, что аналогичный рост наблюдается и в 1916 г. по сравнению с 1915 г., что дает по сравнению с 1913 г. общее повышение порядка 20%. Иными словами, предвоенный рекорд перевозок, поставленный в 1913 г., был значительно улучшен в оба этих военных года. Более того, этот рост был достигнут на фоне незначительного чистого прироста протяженности железнодорожной сети, составлявшего всего лишь около 1000 верст путей: огромное количество новых путей, открывшихся в 1914–1916 гг., в целом компенсировалось потерей дорог в западных губерниях в 1914 и особенно в 1915 гг. Как именно в тех условиях был достигнут рост перевозок — важный вопрос, нуждающийся в дальнейших исследованиях, хотя сейчас можно предположить, что отчасти этот рост оказался возможным благодаря значительным усилиям по прокладке вторых путей на загруженных однопутных маршрутах и одновременным инвестициям в новые локомотивы и товарные вагоны. Свою роль, должно быть, сыграло и повышение эффективности, имевшее такие масштабы, что о снижении эффективности явно не может идти речи; иными словами, можно предположить, что в 1916 г. железные дороги работали намного более интенсивно, чем в 1913 г., перевозя намного больше грузов на одну версту пути. Опять же, очень полезными будут дальнейшие исследования с целью выявления этого процесса.

В ретроспективе рост объемов грузовых перевозок не должен нас удивлять, даже если по видимости он противоречит ощущавшейся средним жителем России нехватке продовольствия и топлива, инфляции и т. п. В условиях в принципе неизменной протяженности железнодорожной сети — новые линии своей протяженностью лишь немногим превышали дороги, утраченные в ходе военных действий, — и резкого роста потребности в перевозках на самом деле удивительным было бы их сокращение¹⁶. Для нас сейчас важно то, что, как намекалось выше, ежегодный прирост порядка 10% просто несовместим со снижением эффективности и всеобщим расстройством и дезорганизацией. Иными словами,

¹⁶ Эта ситуация принципиально отличается от ситуации времен Второй мировой войны, когда объем перевозок на советских железных дорогах весьма существенно сократился, не в последнюю очередь из-за потери намного более обширных территорий с густой и интенсивно использовавшейся железнодорожной сетью. См. общую сводку в: Куманев (1988. С. 312).

этот рост служит весьма серьезным подтверждением процитированных в начале статьи слов министра Трепова.

При этом из наших выводов, разумеется, не следует, что железные дороги во время войны не столкнулись в своей работе с огромными трудностями: несомненно, существовал ряд очень серьезных проблем, включавших недостаточную пропускную способность и нехватку локомотивов и подвижного состава, как признавалось в приведенном выше заявлении министра Трепова. Не следует из наших выводов и того, что рост перевозок отвечал возросшему спросу: наоборот, он был недостаточным, на что указывает, например, тот факт, что к февралю 1916 г. военными перевозками поглощалось до трети пропускной способности железных дорог — это огромная доля, существенно превышавшая выявленный нами рост перевозок и потому подразумевающая сильное сокращение невоенных перевозок¹⁷. Исходя из такого уровня армейских потребностей, вероятно лишь выросшего в следующем году, и роста невоенных потребностей в военные годы по сравнению с 1913 г. (например, потребностей в перевозках сырья для промышленности), можно предположить, что для полного удовлетворения всех потребностей в грузовых перевозках железные дороги должны были повысить интенсивность своей работы на 40% или больше. Насколько реальной была эта цель, почему режим фактически не сумел нормировать пропускную способность железных дорог и насколько эта ситуация отличалась от ситуации в других основных воюющих странах — важные вопросы, требующие дальнейших исследований.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Полученные нами цифры явно не идеальны, так как они не вполне сопоставимы друг с другом, содержат пробелы и, возможно, неточны. Само МПС выражало осторожность в отношении точности статистики военного времени. Тем не менее, как указывалось выше, с учетом всех обстоятельств более чем вероятно, что эти недостатки лишь самым маргинальным образом сказываются на нашей общей статистической картине грузовых железнодорожных перевозок. Если согласиться с этой точкой зрения, то мы должны прийти к выво-

¹⁷ Доклад Трепова Совету Министров, 15.02.1916: РГИА. Ф. 268. Оп. 5. Д. 318. Л. 199 об.

ду о наличии четкой и недвусмысленной тенденции к росту объемов грузовых перевозок на железных дорогах в 1913–1916 гг., за исключением, как указывалось выше, 1914 г., по причине приостановки большей части регулярных грузовых перевозок в период мобилизации. Прирост грузовых перевозок на железных дорогах в 1915 г. составил около 10% по сравнению с 1913 г., при аналогичном приросте, достигнутом в 1916 г. по сравнению с 1915 г. Более того, этот прирост, несомненно значительный в абсолютном исчислении, был достигнут в отсутствие существенного увеличения протяженности действующих железных дорог. Короче говоря, объем грузов, перевезенных по каждой версте действующих путей в 1916 г., вырос более чем на 20% по сравнению с 1913 г.

В отношении грузовых перевозок в военное время у нас все еще остается много вопросов, требующих проведения дальнейших исследований, не говоря уже о пассажирских перевозках и других железнодорожных темах. В частности, если где-то сохранились и будут найдены помесячные данные по грузовым перевозкам за 1916 г. и первую половину 1917 г., они позволят нам узнать, когда начался железнодорожный коллапс, наблюдавшийся в 1917–1920 гг.: в последние месяцы 1916 г. и в начале 1917 г. или уже после Февральской революции. В целом же явно необходим анализ архивных данных с целью выяснить, каким именно был вклад железных дорог в российский политический и военный крах 1917 г. Однако на данный момент наши первоначальные выводы безусловно подтверждают, что Трепов был прав, отвергая обвинения во всеобщем расстройстве на железных дорогах, и указывают на то, что такое расстройство не было причиной проблем со снабжением, способствовавших революционной вспышке в феврале 1917 г. При всеобщем расстройстве такой значительный прирост грузовых перевозок просто не был бы возможен. В реальности проблемы заключались в ином, и в первую очередь в неспособности железных дорог удовлетворить непрерывно возрастающие потребности в перевозках. Но решать организационные вопросы следовало не одним только железным дорогам: в конечном счете, как и в случае с распределением ресурсов в военной экономике вообще, соответствующие решения должно было принимать правительство. Реальный вопрос, связанный с затруднениями в работе российских железных дорог в военное время, вероятно, заключается не в том, почему железные дороги не справлялись с задачами, а в том, почему правительство не сумело помочь им, ограничив потребности в их пропускной способности.

За содействие в работе над данной статьей выражаю большую благодарность Александре Бекасовой, Юрию Ильину, Борису Колоницкому, Джун Миддлтон, Дэвиду Муну, Сергею Погодину, Юлии Сафроновой, Давиду Сондерсу, Брэндону Шнейдеру, Джону Уэствуду и сотрудникам Российского государственного исторического архива и Российской национальной библиотеки (С.-Петербург). Статья написана на основе исследований, проводившихся по гранту Фонда Карнеги для университетов Шотландии.

БИБЛИОГРАФИЯ

Афонина Г. М. (1996). Краткие сведения о развитии отечественных железных дорог с 1838 по 1990 г. (М., МПС РФ).

Васильев Н. (1939). Транспорт России в войне 1914–1918 гг. (М., Государственное военное издательство).

Васильев Н., Морин А. М. (1928). Общий грузооборот и перевозки для армии в мировую войну // *Война и революция.* № 7. С. 78–96.

Куманев Г. А. (1998). Война и железнодорожный транспорт СССР, 1941–1945 (М., Наука).

Морин А. М. (1930). Качество работы железных дорог в мировую войну // *Война и революция.* № 3. С. 86–104.

Отдел статистики МПС (1917). Валовой доход и главнейшие перевозки железных дорог за декабрь 1916 г. и с 1 января по 31 декабря 1916 г. сравнительно со сведениями за 1915 г. // *Пути сообщения России.* № 2–3. С. 104–107.

Сидоров А. Л. (1948). Железнодорожный транспорт России в первой мировой войне и обострение экономического кризиса в стране // *Исторические записки.* № 26. С. 3–83.

Суранов А. (1930). Война и железнодорожный транспорт // *Война и революция.* № 4. С. 70–88. № 5. С. 3–22.

Центральное статистическое управление (1922). Труды Центрального статистического управления. Т. VII. Вып. 2. Статистический сборник за 1913–1917 гг., выпуск второй (М., Центральное статистическое управление).

Stevenson D. (1999) 'War by Timetable? The Railway Race before 1914', *Past and Present*, 162, pp. 163–94.

Westwood J. N., with Hunter H., Ambler P. J., Heywood A. & Page F. M. (1990) 'The Railways', in *Davies, R. W. (ed.) From Tsarism to the New Economic Policy: Continuity and Change in the Economy of the USSR* (Basingstoke, Macmillan), pp. 169–88), 1990.

Российские железные дороги «общего значения» в 1913–1916 гг.
и подтвержденное наличие статистических отчетов в Российском государственном
историческом архиве и Российской национальной библиотеке (С.-Петербург)

	Протя- женность в верстах на 1913 г.	Протяжен- ность в вер- стах на де- кабрь 1916 г.	Предвари- тельный от- чет за 1913– 1915 гг.	Отчет за		Оконч. отчет за 1916 г.
				Оконч. отчет за 1915 г.	1916 г. по форме №4 за 1916 г.	
<i>Государственные железные дороги Европейской России</i>						
Александровская	1075	1030/863	А	см. 1916	А	А
Баскунчакская	68	68	А	А	А	А
Варшавско-Венская	748	н/А	А	н	н/А	н/А
Екатерининская	2806	2831	А	см. 1916	н	А
Закавказские	1715	1766	А	А	А	н
Либаво-Роменская	1330	1352/1071*	А	А	А	н
Московско-Курская, Нижегородская и Муромская	1151	1255	А	А	А	н
Николаевская	1525	1428	А	А	А	н
Пермская	2553	2618	А	А	А	н
Полесские	1908	1904/1627*	А	А	А	н
Привислинские	2286	н/А	А	н	н/А	н/А
Риго-Орловская	1460	1462/1339#	А	н	А	н

Самаро-Златоустовская	1221	1234	А	А	А	Н
Сызрано-Вяземская	1316	1306	А	А	А	Н
Северные	3006	2978	А	А	А	Н
Северо-Западные	2533	2713/1957*	А	А	А	Н
Юго-Западные	3908	4296/3810*	А	А	А	Н
Южные	3068	3138	А	А	А	Н

Государственные железные дороги Азиатской России

Забайкальская	1702	1694	А	А	А	Н
Омская	642	2549	А	А	А	Н
Средне-Азиатская	2362	2399	А	А	А	Н
Ташкентская	2090	2096	А	А	А	Н
Томская (Сибирская)	3163	1821	А	А	А	Н

Частные железные дороги Европейской России

Армавир-Туапсинская	н/а	276	А	см. 1916	А	А	Н	А
Белгород-Сумская	139	147	н	см. 1916	А	А	А	А
Бессарабские	н/а	149	н	н	н	н	н	н
Богословская	203	197	н	см. 1916	А	А	А	А
Владикавказская	2369	2954	А	см. 1916	А	А	А	А
Волго-Бугульминская	340	547	н	см. 1916	А	А	А	А
Гербы-Келецкая	129	н/а	н	н/а	н/а	н/а	н/а	н/а
Ейская	133	135	А	см. 1916	А	А	А	А
Западно-Уральская	н/а	455	н/а	н/а	А	А	н	н
Кахетинская	н/а	161	н	н	А	А	н	н
Лодзинская Фабричная	74	н/а	н	н/а	н/а	н/а	н/а	н/а

Московско-Виндаво-Рыбинская (Петроград)	1414	1396/1443	A	см. 1916	н	A	н	A
Московско-Виндаво-Рыбинская (Москва)	1050	1050/764?	A	см. 1916	н	A	н	A
Московско-Казанская	2490	2447	A	см. 1916	н	A	A	A
Московско-Киево-Воронежская	2523	2565	A	см. 1916	A	A	A	A
Подольская	н/А	590	A	A	A	н		
Рязанско-Уральская	4123	4171	A	см. 1916	н	A	н	A
Северо-Донецкая	635	858	A	см. 1916	A	A	A	A
Токмакская	н/А	120	A	A	A	н		
Троицкая	102	268	A	A	н	н		
Черноморско-Кубанская	н/А	387	н/А	н/А	A	н		
Юго-Восточные	3252	3274	A	см. 1916	A	A	A	A

Частные железные дороги Азиатской России

Алтайская	н/А	751		A	A	н		
Ачинск-Минусинская	н/А	49	н/А	н/А	н	н		
Бухарская	н/А	574	н/А	н/А	н	н		
Кольчугинская	н/А	224	н/А	н/А	A	н		
Ферганская	85	269	A	A	A	н		

Источники: Столбцы 2 и 3: столбец 2: последние из доступных окончательных отчетов; столбец 3: Пути сообщения России. № 1. 1917. Приложение. С. 10–11, 20–21. № 2–3. 1917. С. 104–107; в тех случаях, где приводятся две цифры, вторая взята из окончательного отчета за 1916 г. (или за 1915 г., если стоит знак *) и, вероятно, является реальным значением. Для Риги-Орловской железной дороги знаком # отмечена величина на реальной среднегодовой протяженности за 1916 г., взятая из: РТИА. Ф. 268. Оп. 5. Д. 296. Л. 207. Для того, чтобы установить реальную протяженность большинства железных дорог в 1916 г., требуются дальнейшие исследования.

Контекстуальные сведения по железным дорогам, вызывающим вопросы, и предлагаемые оценки, 1913–1916 гг.

Протяженность на 31 декабря, верст	Доступные данные	Источники	Отсутствующие данные по грузовым перевозкам	Предлагаемые оценки в тыс. пуао-верст
Железная дорога	Гербы-Ке-лецкая	133 (1913) Коммерческие перевозки в 1913 г.: 5 313 935 тыс. пуао-верст Коммерческие и служебные перевозки товарными поездами в 1913 г., за исключением служебных перевозок рабочими поездами: 5 491 550 тыс. пуао-верст	Окончательный отчет за 1913 г. Общий объем перевозок товарными и рабочими поездами в 1913 г. Общий объем перевозок в январе — июле 1914 г.	Для 1913 г. принимается итог за 1913 г. + 2% на служебные перевозки рабочими поездами: 6 060 381 Для 1914 г. 7/12 от итога за 1913 г. для комм. и служебных перевозок товарными поездами: 3 203 404, + 2% на служебн. перевозки рабоч. поездами: 3 267 472
Лодзинская Фабричная	75 (1913) Комм. перевозки в 1913 г.: 3 583 986 тыс. пуао-верст Коммерческие и служебные перевозки товарными поездами в 1913 г., включая служебные перевозки рабочими поездами: 3 584 910 тыс. пуао-верст	Окончательный отчет за 1913 г.	Общий объем перевозок в январе — июле 1914 г.	7/12 от итога за 1913 г. для коммерческих и служебных перевозок товарными и рабочими поездами: 2 091 197

Троицкая	102 (1915) 268 (1916)	Комм. перевозки в 1915 г.: 1 892 365 тыс. пуадо-верст Комм. и служебн. перевозки всеми поездами в 1915 г.: 2 018 957 пуадо-верст Дополнительные 161 верста путей открыты 1 января 1916 г.	Окончательный отчет за 1915 г.; протяженность путей в 1916 г. и дата открытия нового участка: Пути сообщения России	Общий объем перевозок в 1916 г.	Удвоенный итог за 1915 г. Для коммерческих и служебных поездов всеми поездами + годовой прирост в 10%: 4441 705
Кахетинская	161 (1916)	Все 161 верста путей открыты для регулярных перевозок 30 сентября 1915 г. Комм. и служебные перевозки товарными поездами в 1916 г., за исключением служебных перевозок рабочими поездами: 655 751 тыс. пуадо-верст Пробег товарных и рачных поездов в 1916 г.: 118 328 верст	Дата открытия и протяженность: Пути общ. России Объем перевозок: отчет по форме № 4 за 1916 г. Пробег: отчет по форме № 3 за 1916 г. РГИА. Ф. 273. Оп. 10. Д. 3445	Общий объем перевозок в 1915 г. (30 сентября — 31 декабря)	¼ от итога за 1916 г. Для коммерческих и служебных перевозок товарными поездами: 163 938, + 2% на служебные перевозки рабочими поездами (3279): 167 217
Ачинск-Минусинская	431 (1916)	Оценка коммерческих перевозок в 1916 г.: 6 779 700 тыс. пуадо-верст Оценка коммерческих и служебных перевозок в 1916 г., за исключением служебных перевозок	Смета на 1916 г. Реальный пробег: отчет по форме № 3 за 1916 г. РГИА. Ф. 273. Оп. 10. Д. 3445	Общий объем перевозок в 1916 г.	17% от сметной оценки за 1916 г. Для коммерческих и служебных поездов товарными поездами, за исключением служебных перевозок рабочими поездами: 1 165 299

рабочими поездами: 6 854 700 тыс. пудао-верст	Объем загруженных грузов: Пути сообщения России		
Реальный общий пробег поездов за 1916 г. за исключением смешанных поездов: 78 236 верст			
Объем загруженных грузов в 1916 г. по весу: примерно в 7 раз меньше, чем на Кольчугинской дороге			
Бессарабские	149 (1916)	Все 149 верст пути открыты 10 декабря 1915 г. Пробег товарных и рачобочных поездов в 1916 г.: 67 020 верст	Протяженность и дата открытия: Пути сообщения России Пробег: отчет по форме № 3 за 1916 г. РГИА. Ф. 273. Оп. 10. Д. 3445
Бухарская	574 (1916)	Все 574 версты открыты 16 июня 1916 г. Объем загруженных грузов в 1916 г. по весу: примерно в 7 раз меньше, чем на Кольчугинской дороге	Общий объем перевозок в 1915 (10–31 декабря) и 1916 гг. Оценка для 1915 г.: 22/365 вышеприведенной оценки для 1916 г.: 18 082 Оценка для 1915 г.: 22/365 вышеприведенной оценки для 1916 г.: 18 082 Примерно 2% от окончательных итогов для Волго-Бутульминской дороги: 225 000
Богословская	203 (1916)	Служебные перевозки рабочими поездами в 1914–1916 гг., предварительные данные:	Общий объем перевозок в 1916 г. Служебные перевозки рабочими поездами в 1913–1916 гг., окончательные данные

		178 051 тыс. пуао-верст	Объем перевозок: отчет по форме № 4 за 1914–1916 гг.	34 118	Для 1913 г. принимается предварительная цифра за 1914 г.: 178 051
Белгород-Сумская	147 (1916)	Служебные перевозки рабочими поездами в 1914–1916 гг., предварительные данные: 69 908 тыс. пуао-верст 35 060 тыс. пуао-верст 26 305 тыс. пуао-верст	Протяженность: окончательный отчет за 1916 г. Объем перевозок: отчет по форме № 4 за 1914–1916 гг.	69 908 35 060 26 305	Для 1914–1916 гг. принимаются предв. цифры: 69 908 35 060 26 305 Для 1913 г. принимается предварительная цифра за 1914 г.: 69 908
Московско-Виндаво-Рыбинская	2464 (1913, 1914) 2337 (1915)	Служебные перевозки рабочими поездами в 1914–1915 гг., предв. данные: а) Петроградское отделение: 2286 503 тыс. пуао-верст (3,14% от общего) 1742 353 тыс. пуао-верст (1,79% от общего) б) Московское отделение: 1026 253 тыс. пуао-верст (2,03% от общего) 918 717 тыс. пуао-верст (оценка, 1,8% от предварительного итога)	Протяженность: окончательный отчет за 1916 г. Объем перевозок: отчет по форме № 4 за 1914, 1915 гг., а также (предв. итог за 1915 г. для Московского ота.): Предв. главные сведения	1913: 2 286 503 1914: 2 286 503 1915: 1 742 353 1916: 1 742 353\	Для 1914–1915 гг. принимаются предв. цифры, причем итог для Моск. отделения в 1915 г. оценивается как 1,8% от предв. итога; для 1913 и 1916 гг. принимаются цифры за 1914 и 1915 гг. соответственно: а) Петроградское ота. 1913: 2 286 503 1914: 2 286 503 1915: 1 742 353 1916: 1 742 353\

б) Московское отделение:
 1913: 1 026 253
 1914: 1 026 253
 1915: 918 717
 1916: 918 717

Самаро-Златоустовская	1234	Служебные перевозки рабочими поездами в 1916 г., предварительные данные: 6026732 тыс. пудао-верст	Протяженность: Пути сообщения, России Объем перевозок: отчет по форме № 4	Служебные перевозки рабочими поездами в 1916 г., окончательные данные	Принимается предварительная цифра за 1916 г.: 6026 732
Сызрано-Вяземская	1306	Служебные перевозки рабочими поездами в 1916 г., предварительные данные: 4108896 тыс. пудао-верст	Протяженность: Пути сообщения, России Объем перевозок: отчет по форме № 4	Служебные перевозки рабочими поездами в 1916 г., окончательные данные	Принимается предварительная цифра за 1916 г.: 4 108 896
Южные	3133	Служебные перевозки рабочими поездами в 1916 г., предварительные данные: 1200988 тыс. пудао-верст	Протяженность: Пути сообщения, России Объем перевозок: отчет по форме № 4	Служебные перевозки рабочими поездами в 1916 г., окончательные данные	Принимается предварительная цифра за 1916 г.: 1 200 988
Кольчугинская	224 (1916)	Все 224 версты пути открыты 1 июля 1916 г. Служебные перевозки рабочими поездами в 1916 г.,	Протяженность и дата открытия: Пути сообщения России	Служебные перевозки рабочими поездами в 1916 г., окончательные данные	Принимается предварительная цифра за 1916 г.: 1 235 391

Ферганская	86 (1915) 269 (1916)	предварительные данные: 1 235 391 тыс. пудао-верст	Объем перевозок: отчет по форме № 4	
Дополнительные	183 версты пути открыты 1 мая 1916 г.	Протяженность и дата открытия: окончательный отчет за 1915 г.; Пути сообщения России	Служебные перевозки рабочими поездами в 1916 г., все данные	Принимается цифра перевозок за 1916 г.: 834 785 тыс. пудао-верст + 2% на служебные перевозки рабочими поездами: 851 480
Коммерческие и служебные перевозки товарными поездами в 1914, 1916 гг., за исключением служебных перевозок рабочими поездами:	554 410 тыс. пудао-верст	Объем перевозок: отчет по форме № 4 за 1914, 1916 гг.		
Западно-Уральская	455 (1916)	Коммерческие и служебные перевозки товарными поездами в 1916 г., за исключением служебных перевозок рабочими поездами: 879 035 тыс. пудао-верст	Протяженность: Пути сообщения России	Служебные перевозки рабочими поездами в 1916 г., все данные
Объем перевозок: отчет по форме № 4 за 1916 г.				879 035 тыс. пудао-верст + 2% на служебные перевозки рабочими поездами: 896 615

Перевод с английского Николая Эдельмана

ХАЛХИН-ГОЛ В СОВРЕМЕННОЙ МОНГОЛЬСКОЙ НАУКЕ:

основные направления и выводы исследований

Я кратко изложу военную и дипломатическую историю изучения битвы на Халхин-Голе с мая по сентябрь 1939 года, участниками которой являлись советско-монгольская армия, а с другой стороны — армия Японии — Маньчжоу-го. Мой доклад состоит из двух частей: первая включает в себя краткий обзор изучения истории военных действий при Халхин-Голе и вторая — какие направления преобладают в монгольских исследованиях и их выводы. Изучение истории битвы на реке Халх в 1939 году, началось, можно сказать, сразу после ее завершения.

В Японии, несмотря на то, что боевой ущерб был объявлен в контексте внутренней политики страны, причины, по которым они проиграли войну, были засекречены, публикация документов строго контролировалась. Тем не менее 17 сентября 1939 года по назначению Министерства Обороны Японии Квантунская армия совместно с Генеральным штабом создала «Комитет по изучению военных операций — битвы при Халхин-Голе», в составе которого сформировали подкомитет «Спецбюро по расследованию разведки». Квантунская армия подготовила сравнительное исследование советской и японской тактики, опубликовала 120 буклетов, включая лекции по тактике японской армии, и дала указ распространить среди всех воинских частей страны¹.

¹ Равдан Болд. Необъявленная война (Зарлаагүй дайн). УБ., 2014. С. 459.

В Советском Союзе анализ военных итогов, извлеченных из Халхин-Гольской битвы, начался немедленно. Например, был составлен проект приказа объемом в 40 страниц от Народного Комиссариата Обороны по исследованию итогов и опыта битвы, который был отправлен в Генеральный штаб советской рабоче-крестьянской Красной армии от 20-го сентября 1939 года. В 1940 году было издано краткое руководство для руководящего состава Генерального штаба по изучению боевого опыта с ссылкой на большое количество советских и японских документов. Данное руководство, как отметил маршал Захаров, явилось весьма полезным для тренировки и обучения солдат в соответствии с Восточным театром боя, так как основано на опыте реальной войны².

Во время войны на Халхин-Голе в Монгольской Народной Республике издавалась газета «За Родину». В целом вышло 70 экземпляров этой газеты, в которой описывали и распространяли боевые подвиги солдат в ходе военных действий. Также в армейской газете «Красная Звезда» в рубрике «Герои Халхин-Гола» постоянно сообщалось о ходе войны с японцами. Эти публикации впоследствии становились вторичными историческими источниками.

С конца 1930-х годов в Монголии установился культ личности маршала Чойбалсана, и в связи с этим все почести и заслуги победы приписывали ему. Эта идеология имела место в Монголии вплоть до смерти Чойбалсана в 1952 г.

На X съезде МНРП, созванном в марте 1940 г., впервые подсчитали ущерб войны при Халхин-Голе и объявили военные потери Японии. Было объявлено, что в общем количестве было убито и ранено до 60 000 японских солдат, из которых число убитых составляло ровно половину, то есть до 30 000 человек. С тех пор вплоть до 1990 годов в монгольской историографии придерживались этих цифр. На счет военных потерь Советско-Монгольской стороны были приняты официальные советские данные.

Изучение истории этой войны более всего было проведено в странах-участниках данной битвы: в России, Монголии и Японии. В Монголии тенденции изучения истории этой войны можно разделить на 2 ступени: историография с начала 40-х годов до 1990 г. и нынешняя, когда Монголия выбрала путь демократизации.

² Захаров М. В. Генеральный Штаб в предвоенные годы. М., 1989. С. 159.

Итак, как известно, война является отражением политики страны. Поэтому история войны двусторонняя: история военно-стратегических операций и политико-дипломатических отношений.

В целом, история битвы на реке Халх является частью борьбы монгольского народа за независимость своей страны и территориальную целостность. Поэтому у нас было проведено много исследований о том, как монголы участвовали в этой войне, какие военные действия происходили на территории Монголии и приграничных районах.

Монгольские военные историки считают, что битва при Халхин-Голе несет статус ВОЙНЫ. Основой для такого вывода является количество вооруженных сил и военной техники, масштабы сражений и человеческий ущерб. Но, со стороны крупных держав, таких как Советский Союз и Япония, подобные военные действия рассматривались лишь как военное столкновение или битва, или, как пишут некоторые японские историки, «проишествие».

Почти с самого конца войны средства массовой пропаганды и трибуны партийных съездов высоко ценили значение Халхин-Гольской войны для Монголии, восхваляли подвиг «двух братьев по оружию». Во времена социалистического режима в Монголии преобладала тенденция воспевания термина «великая победа советско-монгольских солдат» и унижения боеспособности Квантунской армии.

В те годы, под влиянием идеологии, оценка событий, придерживающаяся одностороннего вывода, окрашивание событий с истечением времени происходили непрерывно, и в конце концов всё менялось до неузнаваемости. С уменьшением живых свидетелей были попытки преувеличить и даже исказить события.

По истечении времени «эмоции» постепенно улеглись, и с 1960-х годов начались попытки научного подхода к изучению этой войны. Это связано с тем, что к тому времени в Монголии сформировался целый ряд историков-исследователей и ученых, которые изучали исторические события, пользуясь теоретической методологией. За последующие 20 лет были проведены многочисленные исследовательские работы по изучению истории Халхин-Гольской битвы с военной точки зрения.

После освобождения от идеологического контроля, в эпоху гласности появилась возможность определить историческую правду.

До 1990 года советско-монгольские исследователи, как один, руководствовались марксистско-ленинской методологией,

и у всех были единые взгляды и оценки. С конца прошлого века историю этой войны каждый стал рассматривать со своей точки зрения³. Архивные материалы Монголии дают возможность выявить участие и действия подразделений Монгольской народной армии, участвовавших в этой войне. В то время в составе монгольской армии насчитывалось всего 17 000 солдат, из них половина участвовала в войне Халхин-Гола 1939 г. Людские потери составляли 10 процентов всего участвующих. Также в наших государственных архивах хранятся материалы по Маньчжурской конференции 1935–1937 гг. по установлению границ между государством Маньчжоу-го и Монголией.

Советские военные историки рассматривали битву на Халхин-Голе как важный вклад в развитие военно-оперативного и тактического искусства армии. Но изучению дипломатической истории этой войны уделено явно недостаточно внимания. По нашему мнению, эта тема может быть связана с тем, что углубленное изучение ее и выявление политики Сталина может раскрыть тайную политику дипломатии СССР того периода.

На Западе больше уделяют внимания дипломатической стороне истории этой войны. Это был конфликт между СССР и Японией. Западные историки считают, что это была победа СССР на Халхин-Голе, имевшая последствия, повлиявшие на судьбу всей второй мировой войны⁴.

Монгольские историки в прошлом веке считали, что причиной Халхин-Гольской битвы была экспансионная политика Квантунской армии Японии, поводом вторжения была неясность линий границ между МНР и Маньчжоу-го в районе реки Халхин-Гол. Однако новейшие исследования в XXI в. показывают, что события при Халхин-Голе были конфликтом между СССР и Японией, и, к сожалению, театром военных действий стала территория Монголии, а также эти две страны соперничали за увеличение зоны влияния. Военный конфликт был также тесно связан с Японо-Китайской войной и политикой СССР в Европе. Сталин рассчитывал иметь козырь в международных отношениях, и этим козырем был Халхин-Гол. Победа в войне при Халхин-Голе, несмотря

³ Историография Халхин-Гольской войны / Халх голын дайны түүх бичлэг / Под ред. Д. Гомбосүрэн, Г. Мягмарсамбуу. УБ, 2009. С. 265.

⁴ Р. Болд. Халхин-Гольская битва. Изучения в США (Халх голын байлдаан. АНУ-д судалсан нь). УБ, 2013.

на большие потери, все же досталась Советскому Союзу — Советская армия победила, тем самым смогла изменить курс наступления Квантунской армии на юг в бассейн Тихого океана, продемонстрировала свою мощь. В результате Япония на деле поняла, что она ещё не готова воевать с СССР.

Международный военный трибунал для Дальнего Востока (1946–1948 гг.) объявил, что битва на Халхе явилась «необъявленной агрессивной войной».

Халхин-Гольскую войну 1939 г. называют по-разному: русские именуют «Бои, битва на Халхин-Голе», японцы — «Происшествия Номун хана», китайцы — «Война Номон хана», американцы — «Воздушная война Халхин-Гола» или «странная война». Название «Номон (или Номун) хан» произошло от названия местности «Номон хан бурд овоо», которая находится на левом берегу реки Халхин-Гол. Там 11 мая 1939 г. произошло столкновение японо-маньчжурских солдат с монгольскими пограничниками.

Затем 15 мая японцы расширили наступление, начались воздушные бои, стали бомбардировать военные объекты, что послужило началом настоящего наступления Квантунской армии. Этой датой монголы отмечают начало войны на Халхин-Голе⁵.

Официальная монгольская историография периода после 1960-х годов гласит, а с 1980 годов утвердилось мнение, что это была война. Итак, битву на Халхин-Голе, которая продолжалась с 15 мая по 15 сентября, у нас называют войной.

События на Хасане, а затем Халхингольский вопрос имеют большое значение и широко рассматриваются учеными РФ, Монголии, Японии, Китая и в других странах. Однако, несмотря на это, сохраняется ряд вопросов, которые требуют ответов. Например, что явилось истинной причиной начала войны, какие даты брать за начало и конец военных столкновений, на сколько и на какие периоды можно разделить время военных операций, какие столкновения имели место, сколько участников насчитывалось со всех сторон, сколько погибших и раненых, какие стратегии ставились приоритетными, какие ошибки были допущены командующим составом, что повлияло на исход событий — эти и прочие вопросы остаются актуальными.

⁵ С. Ганболд. Историография Халхин-Гольской войны: современность (Халхын голын дайны түүхийн судалгаа: өнөө үе). УБ, 2016. С. 9; Равдан Болд. Необъявленная война. УБ, 2014. С. 199–204.

В настоящее время в Монголии издано более 60 монографий и изданий, посвященных войне на Халхин-Голе, свыше сорока печатных изданий в виде воспоминаний и научных трудов, 65 книг, переведенных с иностранных языков, альбомов и карт свыше 10.

Также опубликованы сборники архивных документов, такие как «Бои на Халхин-Голе» (1970), «Война в Халхин-Голе — 60-летие» — сборник российских и монгольских источников (УБ., 1999), двухтомник «Военное сотрудничество Монголии—России в 1911–1946 гг.» (УБ., первый том вышел в 2007, второй — в 2011). В Москве в 2014 г. издан сборник документов «Вооруженный конфликт на Халхин-Голе», и недавно в Монголии вышел в свет сборник архивных документов «Халхин-Гол — 1939 г. Документы Майских сражений», в который вошли ранее не публиковавшиеся архивные материалы.

Начиная с 1989 г. в годовщину круглых дат Халхин-Гольской битвы в Монголии проводятся международные научные конференции с участием монгольских, российских, японских ученых. Начиная с 2009 г. в них начали принимать участие китайские и американские исследователи. Снято более 20 документальных фильмов. В целом, с 1954 по 2009 г. было воздвигнуто 23 памятника и 13 памятных досок героям Халхин-Гольской войны. В 1979 г. столице Монголии г. Улан-Баторе был открыт дом-музей Г. К. Жукова.

В последующие годы на местах военных столкновений проводились поисковые раскопки, которые позволили существенно пополнить страницы истории войны на Халхин-Голе. Например, в 2015 году Монгольским университетом военной обороны проводились крупные раскопки совместно с английскими археологами из университета Глазгоу, в мае этого года была организована международная поисковая экспедиция «Халхин-Гол 2019».

Теперь перейдем к обзору, какие вопросы затрагиваются в монгольской историографии Халхин-Гола в современный период.

1. Уточнение периодизации и тенденция изменений в политических взглядах.

Например: дипломатическую политику России и Японии по отношению к Монгольской Народной Республике можно разделить на два этапа:

а) с дипломатической стороны — период 1932–1936 годов, с образования на восточной границе МНР государства Мань-

чжоу-го до составления Протокола о помощи Монгольской Народной Республике Советским Союзом) с 1936 по 1941 гг., т. е. после подписания протокола — вплоть до подписания условий нейтрального соглашения между Японией и его условиями;

б) в целом военный период составляет срок с 5 мая по 15 сентября 1939. Второй этап можно определить сроком с 16 сентября 1939 года по 15 октября 1941 года — время переговоров, подведения итогов военных действий.

2. Вопросы обстановки геополитического характера стран Северо-Восточной Азии и возникновения причин военного столкновения на Халхин-Голе, интересы держав в области Дальнего Востока, определение территории Монголии в качестве геостратегической площадки. На фоне подобных проблем стали актуальны вопросы по определению статуса Монголии, и поднимаются проблемы взаимодействия западных и восточных держав относительно последнего вопроса.

3. Актуальность выхода на новый уровень дипломатических отношений между Монголией и Советским Союзом в связи с тем, что Япония, создав на территории Маньчжурии государство Маньчжоу-го, тем самым создала угрозу захвата Китая. Если рассматривать, что в этот период Маньчжурия должна была служить плацдармом для Японии против Советского Союза, то таким же образом можно утверждать, что Монголия служила плацдармом для Советского Союза против Японии. Подобная обстановка сохранялась вплоть до конца Второй мировой войны, о чем свидетельствует большое количество архивных материалов и научных трудов.

4. В последние годы стали активно проводиться работы по изучению карт восточных границ Монголии, составленных в 1934–1935 гг., анализируются небольшие военные столкновения и стычки, имевшие место в 1935–1936 гг., итоги совещаний Монголии и Маньчжурии о признании Монголией государства Маньчжоу-го, дипломатические переговоры и сношения между ними.

5. Несмотря на то, что правительство Монголии предпринимало меры, необходимые для защиты восточной границы, возникали трудности, связанные с тем, что не были четко определены ее границы, не были установлены приграничные указатели, что повлекло за собой притязание штаба Маньчжоу-го на большие территории и проведение пограничной линии по реке Халхин-Гол, что сразу было рассмотрено Монголией как вторжение на государственные земли. Таким образом, Монголия оказалась вовле-

чена в орбиту военных действий, все операции проводились на ее территории и монголы обороняли исконные территории. Участие Монголии в военных столкновениях против японских милитаристов наряду с советскими войсками в последующем определило ее роль в утверждении статус-кво Монголии в 1946 году.

6. Вопросы, касающиеся утверждения соглашений на основе специальных полномочий между Монголией и Советским Союзом озвучивались главой советского правительства еще в 1934 году. В 1936 году был заключен Протокол о взаимопомощи, в который входил устный пункт о ненападении. Однако подобное заключение отвергается монгольскими историками. Известно, что договор от 1936 года подразумевал собой дипломатический ход отвести Монголию от опасности возникновения военных действий. И действительно, обстановка на восточных границах Монголии была относительно спокойной вплоть до 1939 года. Этот протокол не был признан Маньчжоу-го и Китаем. Монголы, как известно, участвовали в войне на реке Халха по этому протокольному соглашению.

7. Ввиду того, что для Монголии война шла за защиту ее территориальной целостности и независимости, тематика войны на Халхин-Голе не теряет своей актуальности и из года в год проводятся исследования в новых областях, чтобы прояснить истинные исторические факты этой войны. История войны важна и для изучения японо-монгольских отношений.

8. Как известно, в среде Монгольской общественности в 30-ые годы наращивали идею о японской экспансии и японской угрозе, в связи с этим многие представители монгольской общественности были обвинены в японском шпионаже, объявлены агентами японской разведки и, к сожалению, многие из них были необоснованно репрессированы. Репрессии в армии сказались на боеспособности бойцов монгольской армии.

9. В результате военных действий на Халхин-Голе Монголия потеряла 11 100 га земель. Битвы проходили преимущественно на неосвоенных территориях, без селений и построек. Монголия не участвовала в определении границ между Маньчжоу-го и МНР.

Квантунская армия провела границы по реке Халхин-Гол, с целью присоединения восточного берега к своим территориям. Подобные действия были направлены на подготовку строительства железной дороги. Географические карты военного времени, на которых граница Баргутского хошуна Внутренней Монголии проходит по во-

сточному берегу реки Халха, имелись при Российской империи, Советском Союзе, в Японии. Хотя установление восточной границы между Монголией и Маньчжоу-го сулило стабильность на некоторое время дипломатических сношений, однако оно не имеет юридической силы ввиду того, что государство Маньчжоу-го развалилось после Второй мировой войны. Несмотря на то что МНР вошла в список стран-победителей в войне 1945 года и воевала с Японией, она так и не смогла вернуть свои земли.

11. Ввод войск Красной армии Сталиным являлся попыткой остановить вторжение Японии на территорию Советского Союза. В настоящее время анализируется роль и значение в победе над Маньчжоу-го и личный вклад маршала Жукова, определение государственных границ. На самом деле, вопрос войны на Халхин-Голе раскрывает многие аспекты государственных отношений между Советским Союзом и Японией и поэтому требует более глубокого анализа. Например, во время военных столкновений на восточном берегу Халхин-Гола в конце мая японские войска покинули поле битвы, однако в середине июня советские войска начали воздушную атаку в районе города Маньчжурия. 12 сентября Квантунская армия внезапно объявила приказ покинуть всем иностранным гражданам в течение 30 часов город Хайлар, и уже 16 июня начались вооруженные действия с двух сторон. Эти действия указывают на большие разногласия в отношении этой войны и скрытую политику государств.

12. В войне на Халхин-Голе принимали участие 3 конные дивизии, более 8 500 солдат, участвовавших в различных военных подразделениях. Несмотря на небольшой масштаб военных действий и территории, война на Халхин-Голе характеризуется участием более 130 тысяч человек, более 1000 танков, свыше 800 бронемашин. В ходе военных действий было зафиксировано более 101 столкновения и битв, убитых и раненых 74 522 человек, из которых 28 246 убитых. Со стороны Монголии и Советского Союза участвовали 25–26 тысяч человек, со стороны Японии и Маньчжоу-го — свыше 48 тысяч человек.

В целом, подводя итоги своего доклада, хотелось бы отметить, что вопросы, касающиеся военных событий, всегда сохраняют свою актуальность и подразумевают необходимость в исследовании и анализе. Более подробные, тщательные научные изыскания с использованием новых архивных материалов дают возможность по новому взглянуть на исторические события прошлого и оценить их.

Владимир Воронцов

ИЗ ХРОНИКИ ГЕНОЦИДА ПОЛЯКОВ: ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО ПОЛЬКИ МУЖУ (1946)

В архиве польского Института Национальной Памяти хранится интересный и важный документ — IPN BU 1552/15, к. 236–237, машинопись на польском языке. В своё время он был обнаружен военнослужащими Войска Польского среди захваченных оуновских документов.

Это копия письма, которое жительница села Буковско, полька по национальности, писала своему мужу. Короткое письмо не только не дошло до адресата — оно не было отправлено и даже не было дописано до конца. В нём описывается состояние ужаса, в котором женщина, проживающая с двумя детьми, постоянно находится: *«представь себе наш ежедневный страх, и по-разному говорят, что мне пришлось бы исписать целую тетрадь»*. Такой же жуткий страх испытывают и её соседи.

Достаточно подробно описываются факты нападений, грабежей, совершённых боёвками УПА, о которых женщине известно. Большая часть письма именно об этом. Также она пишет: *«увидим, что тут будет, разное говорят, что будут сжигать»*, повторяет те слухи, которые до неё доходят и от которых становится ещё тяжелее. Вряд ли становилось легче и от подобного самоуспокоения — *«но я думаю, что здесь ещё много людей остаются, может и мы не погибнем»*.

Несколько раз автор письма прямо называет, кого очень сильно боится она, её дети и соседи. Все они боялись бандеровцев. Многие

знакомые женщины уже покинули село Буковско и уехали в Санок, где относительно безопасно. А у неё всё не получается уехать, поэтому дети плакали, так как им страшно. В Саноке уже очень много беженцев — «а там людей из разных сёл, даже земле тяжело».

Обращаясь в письме к мужу, женщина делится своими мыслями о жизни после бегства из села. Но пока она живёт здесь, в селе Буковско, поэтому ежедневные житейские проблемы её волнуют, несмотря на постоянный страх. Даже немного странно читать в письме эти предложения на фоне описываемого ужаса: «На этих трёх газах ячмень посеять? А здесь, где была пшеница, снова пшеницу?».

А далее жена снова делится с мужем своими страхами. И случилось то, чего так боялась женщина, — в её дом вторглись бандеровцы. Об этом свидетельствует язвительная приписка внизу недописанного письма: «**Внимание: письмо не закончено, потому что в данную минуту пришёл стрелец и забрал (у неё были хорошие предчувствия). Письмо писала жена-полька своему мужу**».

По каким-то причинам участники оуновского подполья решили сохранить это письмо. Текст набрали на печатной машинке и держали вместе с другими документами в своём архиве. Где это письмо и было обнаружено.

Сейчас вряд ли представляется возможным установление имени этой женщины. В недописанном письме нет её подписи. Даже имя её мужа непросто установить, хотя жена в письме несколько раз обращается к нему. Но она его называет ласково «Сюню». Siuniu — это уменьшительно-ласкательная форма одного из польских мужских имён, причём окончание этого имени. И здесь возможны варианты. Например «Krzy-siuniu» — от имени Krzysztof (Кжиштоф), «Wie-siuniu» — от имени Wiesław (Веслав) и т. д.

В правом верхнем углу письма указана дата, когда оно писалось. Это 4 апреля 1946 года. А уже в ночь с 4 на 5 апреля 1946 года сотня УПА совершила очередное нападение на село Буковско, третьё по счёту.

Вечером 23 марта 1946 г. несколько сотен УПА совершили второе нападение на село. Тогда были сожжены здания гмины, участок Гражданской Милиции, здание почты и три моста. Село было ограблено. Бандеровцы забрали продукты, одежду, обувь, увели коров, свиней, забрали домашнюю птицу. На жителей села наложили контрибуцию, которая не была выполнена.

В ночь на 5 апреля последовало следующее нападение на село Буковско. Сотня УПА сожгла большинство домов, уцелели толь-

ко костёл, плебания и 5 жилых домов с хозяйственными постройками.

Достоверно известно, что во время третьего нападения на село бандеровцы убили 9 человек:

Bednarz Michał, 49 лет

Chrząszcz Andrzej, 46 лет

Matuszkiewicz Władysław, 40 лет

Matuszkiewicz..., жена вышеупомянутого, 38 лет

Matuszkiewicz..., сын вышеупомянутых

Matuszkiewicz..., дочь вышеупомянутых (Семья Матушкевич была живьём сожжена в своём доме. Бандеровцы не позволили людям покинуть горящий дом).

Pituch Stanisław, 43 года

Pieśniarski Stanisław, 34 года

Słuszek Wiktoria, 34 года.

7 человек были ранены и обожжены. Все 4 нападения на село Буковско кратко описаны в книге «Ludobójstwo dokonane przez nacjonalistów ukraińskich na Polakach w województwie lwowskim w latach 1939–1947» (Wrocław, 2016. S. 939–940).

Сами бандеровцы о нападении в апреле 1946 г. в одном из документов написали следующее:

Новости района за 1.04–2.05.1946, СБ, надрайон Бескиды.

3 IV 46. УПА и БСБ V района сожгли польские городки Буковско, Новотанец, Надоляны, 800 польских домов, 4000 человек без крыши над головой, забрали 50 коров, 30 коней («Хрин»).

Дата составления документа 7.05.46.

Источник: IPN Rz 072/1, t. 26/1, k. 98.

Так как этот документ был составлен спустя месяц после нападения на Буковско, вероятно, в приведённом выше документе СБ ОУН присутствует неточность в дате. Здесь указано 3 апреля, а несколько других источников указывают именно ночь с 4 на 5 апреля 1946 года. После этого нападения УПА большинство жителей села были вынуждены покинуть Буковско и перебраться в Санок. Лишь после проведения операции «Висла» некоторые из них вернулись в родные места.

Судьба женщины, которая не успела дописать письмо мужу, неизвестна. Также неизвестна судьба её детей. Язвительный характер приписки, сделанной в письме уповцем, даёт основания предполагать, что женщину убили.

Буковско (повят Санок) 4-IV-1946 г.

Любимый Сюню¹!

2 открытки в среду, т. е. 3/2, я получила, вместе сразу обе и деньги, но я должна идти за ними в Санок, потому что здесь сейчас не выдают, только Мецио² в пятницу едет в Санок, так что он меня возьмёт, а за беспокойство должна дать 1 литр молока, может также и плату возьмёт. У нас, Сюню, очень тяжело жить, с утра человек ещё и посмеётся, а когда наступят вечер и ночь, то уже каждого страх берёт. И так изо дня в день, что действительно делает неприятным так жить, и то, чтобы уже не пришли, а здесь каждую минуту говорят что-то другое, что необходимо постоянно трусы держать в руке³, ты знаешь почему. Чтобы наши войска ничего в горах не сделали, а тут говорят, что в Карликове уже похоронили 26 молодых людей, которые были покалечены, есть не только страх перед Бандеровцами, но и перед русинами, чтобы они не отомстили нам, и так говорят, что в Буковске будет больше трупов, чем во всех горах, и река поплывёт кровью, так представь себе наш ежедневный страх, и по-разному говорят, что мне пришлось бы испить целую тетрадь. Сегодня напали на Санок и войска в них стреляли из пушек, и кто-то ограбил Кооператив, и в Новотанце также ограбили Кооператив, только не знают кто. В Воле Яворовой было объявление, чтобы выезжали, двое крестьян собрались и пошли в Санок, обязательно ли они должны выехать, там им сказали, что да, и даже выделили им 50 повозок, узнали Бандеровцы, запретили выезжать и забрали с собой 8 молодых крестьян, а которого не было дома, то за него корову. На Санок наложили 2 миллиона контрибу-

¹ Siuniu — уменьшительно-ласкательная форма польского мужского имени, причём окончание этого имени. К сожалению, мы вряд ли точно узнаем имя адресата, так как возможны варианты. Например «Krzy-siuniu» — от имени Krzysztof (Кжиштоф), «Wie-siuniu» — от имени Wieslaw (Веслав) и т. д.

² Мецио — уменьшительно-ласкательная форма польского мужского имени Мечислав (Mieczyslaw).

³ Фраза в письме «необходимо постоянно трусы держать в руке» (польск. — trzeba stale majtki w ręce trzymać) — это образное выражение. Оно обозначает необходимость выбора: или убежать, или ожидать изнасилования.

ции, а на Новотанец и Победно тоже, только не знаю сколько. Сейчас, Сюню, Владек Петжихи отправил детей и мать в Санок, Швечник тоже с детьми в Санок, ксёндз также сейчас в воскресенье, после вечерни уехал, Вельгосы искали в Саноке жильё, но пока они ещё в Буковске, тут такая паника, что уже достаточно.

Юзек Собэк тоже думает на запад ехать, даже жена Ходаковского, которая живёт около нашего поля, также с детьми в Санок. Я думаю, что тоже отправлю детей к тебе, а я ещё тут буду, с Вельгосом Бронекком мы должны были ехать и я даже тебе телеграмму выслала, пока Бронек, наконец, не передумал, и она тоже не поедет, но и в результате всего этого куда их не высылаю, они оба плакали, что боятся здесь, но я думаю, что здесь ещё много людей остаются, может и мы не погибнем, я уже им в дорогу даже всё приготовила, что может скоро ты приедешь и Леона тоже не хочу обременять, увидим, что тут будет, разное говорят, что будут сжигать, грабить, что действительно от этого человек глупый, и хорошо, что тебя здесь нет, потому что в случае чего тоже должен был бы спрятаться, так как если что-то будет, то крестьян не будут прощать. Несмотря на всё, ищи там, Сюню, какое-нибудь жильё, потому что если это будет длиться дольше, то человек сойдёт с ума, здесь что смогу, то посажу, посею. Я уже ходила до Ходаковского, но его не было дома, и тут я сказала Павлу от Собко, должен дать мне знать, потому что он связывается с Филькой. Только знаешь, когда такие страхи, то и делать ничего не хочется. Владэк тоже соломорезку отнёс в подвал на случай пожара и ручной жёрнов, а я даже не знаю, где что спрятать от огня и грабежа, потому что в земле сгниёт. На этих трёх загонах ячмень посеять? А здесь, где была пшеница, снова пшеницу? Что касается загонов, то там арендуй у Филиппа сад, этого поля было бы достаточно, чтобы мы жили, но если так дальше будет постоянно, то ничего не хочу, тогда ты, Сюню, должен будешь что-то [неразборчиво] и мы бы конфеты продавали, возили, и мы бы тоже жили, по крайней мере, ночи бы спали спокойно, действительно, по ночам не спится и выгляжу как крючок, а вешу 55 кг, это и не удивляет, что я тебе не нравлюсь, к тому же у тебя под боком красивые девушки, как, например, Анетка и другие. Сейчас мне ничего не посылай, а если к празднику будет спокойно, то сам приедешь, только бы Господь дал нам благополучно дождаться. Только чтобы мог забрать Леону вещи, те, которые в пачке, потому что я действительно не знаю, где я должна спрятать от огня и грабежа, потому что иногда может и так быть, что я всё оставляю и самой

придётся спасти жизнь. Броньця⁴ получила продовольственный пакет от Стефы⁵ — сливы, кофе, мыло, соль, сахар в таких банках, как наши. Также дала мне тарелку студня. Как там Валерця⁶, встретились ли они уже с Филиппом, так как он с дороги писал до Броньци, что без неё жить не может. У неё свои проблемы, но хоть немного счастлива, что её здесь нет, по-видимому, комендант забрал собственную корову, но правда ли это, не знаю, солдаты должны были её гнать и должна была быть в Воле⁷, её горшочек от Коменданта я получила, а там, где она проживала, уже живёт Йендрек от Миколайка. Наши крестьяне повывозили зерно в Санок, а там людей из разных сёл, даже земле тяжело, они там собрались, потому что все боятся, а там такие необычные события, как и тут. Или я сейчас пишу, а тут снова страх, потому что достаточно людей шли с горы с фонарями и пошли вниз, здесь говорят, что неизвестно, кто это, может это Бандеровцы, в самом деле, неизвестно, кто это.

Внимание: письмо не закончено, потому что в данную минуту пришёл стрелец и забрал (у неё были хорошие предчувствия). Письмо писала жена-полька своему мужу.

Оригинал:

Widpys lysta.

Bukowsko (powiat Sanok) 4-IV-1946 r.

Kochany Siuniu!

2 kartki we środę t. j. 3/2 otrzymałam obie naraz wraz i pieniądze, ale muszę iść do Sanoka po nich bo tutaj teraz nie wydają, tylko że Miecio w piątek jedzie do Sanoka więc mi pobierze, a za fatygę 1 litr mleka mam dać, może też i pensję pobierze. U nas Siuniu bardzo ciężko żyć z rana człowiek jeszcze się i pośmieje a jak przyjdzie wieczór a noc to już każdego strach bierze. I tak z dnia na dzień że naprawdę uprzykrzy się tak żyć i to żeby już nie przyszli a tu co chwila co innego mówią że trzeba stale majtki w ręce trzymać Ty wiesz dlaczego. Żeby nasze wojsko nic w górach nie zrobiło a tu mówią że w Karlikowie

⁴ Броньця, Броньци — уменьшительно-ласкательная форма польского женского имени Бронислава (Bronisława).

⁵ Стефы — уменьшительно-ласкательная форма польского женского имени Стефания (Stefania).

⁶ Валерця — уменьшительно-ласкательная форма польского женского имени Валерия (Waleria).

⁷ Воля — в данном случае это название села.

to chłopom nie podarują. Mimo wszystko, szukaj tam Siuniu jakiego pomieszkania, bo jak to ma potrwać dłużej to człowiek od rozumu odejdzie, tutaj co będę mogła to posadzę posieję już. Już chodziłam do Chodakowskiego, ale go nie było w domu, a tutaj mówiłam Pawłowi od Sobka to ma dać znać, bo on się sprzęga z Filką. Tylko wiesz, jak takie strachy to i robić się nie chce. Władek też sieczkarnię do piwnicy zaniósł w razie ognia i żarna a ja nawet nie wiem gdzie co chować przed ogniem i rabunkiem bo w ziemi zgnije. Czy na tych trzech zagonach jęczmień posiać? A tutaj gdzie była pszenica znów pszenicę? Co do zagonów to tam wydzierzaw od Filipa ogród to by było pola na tyle tylko aby my żyli, ale jak tak dalej będzie tak stałe to nie chcę nic, to byś musiał tam Siuniu coś s [nieczytelne] ac i by my cukierki sprzedawali wozili i też byśmy żyli i przynajmniej nocy spali spokojnie, naprawdę po nocach się nie śpi i wyglądam jak hak a ważyć 55 kg to się i nie dziwię że Ci się nie podobam, a do tego masz pod bokiem ładne panny jak na przykład Anetkę i inne. Nic mi teraz nie posyłaj a jak będzie do świąt spokój to sam przyjedziesz aby tylko Pan Bóg dał nam szczęśliwie doczekać. Tylko żebyś mógł zabrać Leonowe te co w paczce rzeczy bo naprawdę nie wiem gdzie ja mam schować od ognia i rabunku, bo może czasem i tak być że wszystko się zostawię a samemu trzeba będzie życie ratować. Brońcia dostała pakunek żywnościowy od Stefy śliwek kawy mydła soli cukru w takich puszkach jak nasze. Dała mi też talerz studzieniny. Jak się tam Walercia czuje czy się już spotkali z Filipem bo on z drogi pisał do Brońci że bez niej żyć nie może. Ma swoje kłopoty ale o tyle choć szczęśliwa że tutaj nie jest, podobno komendant odebrał sobie swoją krewę, ale czy to prawda to nie wiem, że mieli żołnierze ją pędzić i miała być na Woli, garnuszek jej od Komendanta odebrałam, a tam gdzie ona mieszkała już mieszka Jędrak od Mikołajka. Nasi chłopci powywozili zboże do Sanoka a tam ludzi aż ciężko ziemi z różnych wiosek się tam spakowali bo się każdyn [sic] boi a tam takie micyste [sic] jak i tu. Albo teraz piszę a tu znów strach bo dosyć ludzi szło z góry z latarkami i poszli na dół, tutaj mówią kto to jest to nie wiadomo może to Banderowce naprawdę nie wiadomo kto to jest.

... ..

Uwaha: łyśt ne dokinczenyj, bo w tij chwyłyni pryjszow strileć i zabraw (mała dobre procuttia). Łyśta pysała żinka — Polka do swojoho muża.

А. В. Ганин

«МАРШАЛ... Я НИ В ЧЕМ НЕ ВИНОВАТА ПЕРЕД СССР»:

Тюремные мытарства супруги эстонского
главнокомандующего Й. Лайдонера

В 1940 г. в период подготовительных мероприятий по присоединению Эстонии к СССР начались высылки эстонской элиты в регионы Советского Союза. Среди высланных — бывший главнокомандующий эстонской армией генерал Йохан (Иван Яковлевич) Лайдонер (1884–1953). В прошлом офицер русской армии, выпускник Николаевской военной академии, он активно участвовал в борьбе с Советской Россией в годы Гражданской войны. Однако в 1939–1940 гг. Лайдонер участвовал в переговорах с советскими властями, в результате вступление частей Красной армии в Эстонию прошло без происшествий. В архиве И. В. Сталина сохранился портрет Лайдонера, подаренный вождю генералом при встрече в декабре 1939 г. На портрете трогательная надпись: «В память встречи с И. В. Сталиным как вождем народов Советского Союза и еще больше как с человеком»¹.

В июле 1940 г. Лайдонера отправили в Пензу под плотный надзор НКВД. Генералу предоставили для проживания дом. При этом тщательно проверяли все связи, через прислугу подслушивали разговоры, для предотвращения побега приставили круглосуточную негласную охрану, замаскированную под представителей домоуправления, домовых рабочих и жильцов. Кроме того, ежене-

¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1686. Л. 1.

дельно требовалось отмечаться в управлении НКВД. К генералу для доверительных разговоров даже подослали где-то найденного его товарища по службе в старой армии в Первую мировую войну, бывшего полковника И. Д. Табатерева.

Доходило до абсурда. Когда ночью 27 июля 1940 г. на крыльце дома генерала заснул пьяный командировочный, чекисты занялись установлением его личности, отработкой возможных связей с Лайдонером, делали запросы в разные города, пока не удостоверились, что это был случайный подгулявший прохожий.

С началом Великой Отечественной войны Лайдонера арестовали. С 1941 по 1953 г. он содержался в Кировской и Ивановской тюрьмах, а также во Владимирском центральном. В 1952 г. Лайдонер «за активную борьбу против революционного движения и враждебную деятельность против СССР» был приговорен к 25 годам тюрьмы, считая с момента ареста². Для старого и больного человека это был фактически смертный приговор. Во Владимирском центральном Лайдонер и умер 13 марта 1953 г., пережив всего на восемь дней И. В. Сталина, когда реабилитация жертв репрессий была уже не за горами.

Можно спорить о справедливости или несправедливости того, как обошлись с генералом. В конечном счете, ему повезло, видимо, больше, чем расстрелянным в 1940 г. польским офицерам (впрочем, что хуже — одиннадцать с лишним лет тюремного существования со смертельным исходом или скорый расстрел — вопрос риторический). Подлинной драмой можно назвать судьбу его жены, пострадавшей за мужа.

На дочери надворного советника Марии Антоновне Крушевской (1888–1978) Лайдонер женился в 1911 г., еще обучаясь в академии в Петербурге (знакомы они были с 1904 г.). С тех пор они были практически неразлучны. В периоды расставаний обменивались теплыми письмами, в которых генерал обращался к жене со словами: «Дорогая Машенька», а она отвечала: «Дорогой Ванюша» и подписывалась: «Твоя Машенька».

В донесениях пензенских чекистов Марии Антоновне дали кличку «Иждивенец». 28 июня 1941 г. «лицо без гражданства», административно высланная М. А. Лайдонер была арестована управлением Наркомата госбезопасности по Пензенской области вместе с мужем.

² Национальный архив Эстонии. Копия архивно-следственного дела Й. Лайдонера. 129SM.1.28 797JV.А. 37.

Й. Лайдонер с супругой. 1936 г. Музей Лайдонера

В обвинительном заключении говорилось, что М. А. Лайдонер,

«разделяя контрреволюционные буржуазно-националистические взгляды своего мужа, бывшего офицера царской армии, впоследствии главнокомандующего эстонской армией Лайдонер Ивана Яковлевича, содействовала ему в 1918 году выехать из гор<ода> Мичуринска и нелегально перейти границу из Советской России в Эстонию, куда он был приглашен главой эстонского контрреволюционного правительства Пятсом для вооруженной борьбы с Советской властью... В 1919 году по заданию генерала Лайдонер<а> ..., находившегося уже в Эстонии, прибыл офицер эстонской армии Шифер для того, чтобы оказать содействие Марии Антоновне Лайдонер в нелегальном переходе границы из РСФСР в Эстонию границу.

При содействии этого офицера Лайдонер Мария Антоновна нелегально переехала в Эстонию через Финляндию...

Являясь женой б<ывшего> главнокомандующего эстонской армией Лайдонер Мария Антоновна содействовала своему мужу в вооруженной борьбе против Советской России и в проведении мероприятий, направленных на подавление революционного движения в Эстонии... являлась первой дамой Эстонии, присутствовала

на всех приемах представителей буржуазных государств, состоявшихся у президента Эстонии... Разделяя контрреволюционные взгляды своего мужа, ... постоянно содействовала ему в проведении политики, направленной на борьбу с Советским Союзом»³.

На допросе М. А. Лайдонер признала вину лишь в нелегальном переходе границы.

30 июня 1942 г., находясь уже год под следствием в пензенской тюрьме, М. А. Лайдонер написала областному военному прокурору:

«Убедительно прошу рассмотреть мое дело: следствие мое закончено 9 или 10 месяцев тому назад, в тюрьме нахожусь больше года, что, конечно, отражается на мне и в моральном, и в физическом отношении.

Я чувствую себя вполне трудоспособной и считаю, что могу принести пользу, не боюсь работы и хочу работать и быть полезной.

Если возможно, прошу направить меня в какую-нибудь колонию на работу. Не считая канцелярской работы, еще более охотно работала бы по хозяйственной части, т. к. хорошо знаю эту отрасль от домоводства до массового питания. Знаю постановку дела детских садов, птицеводство, огородничество. Имею дипломы, позволяющие мне быть преподавательницей. На основании вышеизложенного еще раз прошу не отказать в рассмотрении и исполнении моей покорнейшей просьбы по существу.

Заключенная М. Лайдонер»⁴.

Эта просьба услышана не была. Впереди жену главкомандующего ждали почти десять лет заключения без каких-либо обвинений, фактически в качестве заложницы. Лишь 16 апреля 1952 г. Особым совещанием при МГБ СССР женщина была осуждена. Приговор был таким же, как и у мужа, — 25 лет тюрьмы.

Незадолго до этого в июне 1951 г. генерал Лайдонер обратился к И. В. Сталину, напомнив про обещание последнего:

«В декабре 1939 года, когда я по приглашению Советского правительства был в Москве и имел честь быть принятым Вами в Кремле... Во время наших разговоров Вы были столь любезны, что из-

³ ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 12 966. Л. 2–3.

⁴ Там же. Л. 8–8 об.

волили мне сказать следующее: «Если когда-нибудь Вы окажетесь в Советском Союзе в тяжелом положении, то обратитесь прямо ко мне, и я помогу Вам». Теперь я и моя жена уже 10 лет находимся в тюрьме в бессрочном заключении в режиме следственной тюрьмы: я переиспытал за это время несколько тяжелых болезней: цинга или скорбут и сыпной тиф; теперь у меня была тяжелая болезнь сердца. Моя бедная жена также еле-еле держится на ногах: она переболела воспалением легких, печени и дизентерией. И вот я решил напомнить Вам, господин генералиссимус, Ваши любезные слова и прошу облегчить наше тюремное положение: тюремный режим при таком состоянии здоровья стал слишком для нас тяжел. Тут мы целый день должны находиться в душной тюремной камере, а спускаться на двор на прогулку и подниматься со двора с прогулки на третий этаж вряд ли будет для меня когда-нибудь возможным. В Ваших руках и от одного Вашего слова зависит изменение нашей участи и изменение нашего положения»⁵.

Ивановские тюремщики даже насмеялись над генеральской апелляцией к сталинскому обещанию: «Мало ли что обещают после хорошего обеда». Это обращение не облегчило участь Лайдонера.

30 декабря 1953 г. М. А. Лайдонер обратилась к председателю Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилову:

«Маршал, я обращаюсь к Вам с мольбой о помощи. Я ни в чем не виновата перед СССР и только за то, что я жена ген. Лайдонера какая-то злая сила решила уморить меня в тюрьме, и я нигде в СССР не могу найти правосудия и защиты... неужели Вы откажете в помощи без вины осужденной измученной женщине? Моя фамилия Вам знакома, т. к. в дек<абре> 1939 г. после того, как мой муж успешно выполнил статью Договора о дружбе — ввод советских войск в Эстонию, мы были приглашены Вами в Москву. Муж два раза был у г<осподина> Сталина, долго беседовал с ним, и Вы мож<ет> быть даже слышали их разговор. Муж рассказал г<осподину> Сталину все о своей деятельности в Эстонии и спросил, не уйти ли ему со св<оего> поста, но г<осподин> Сталин ответил: «Нет, оставайтесь, разумные люди теперь очень нужны. Все старое позабыто» ... Вы прислали тогда верховного коня моему мужу и подарки мне ... в 1941 г. нас арестовали... Муж все время тяже-

⁵ Архив музея генерала Лайдонера (Виймси, Эстония). Фотокопии документов.

М. А. Лайдонер в заключении. 1943 г. Музей Лайдонера

ло болел... в 1948 г. его разбил паралич. Я днем и часто ночью ухаживала за ним, обмывала, одевала, т.к. у него отнимались конечности, и его поддерживали все время камфарой. В таком состоянии, через 11 лет нас решили ликвидировать и старых, изможденных... отправили весной 1952 г. в Москву... у меня отняли все... оставив только то старье, что было одето на мне. И теперь я, ни в чем не повинная, 65-летняя женщина, не имею ни платья, ни теплой одежды, обуви и сажу в рваном мужском пиджаке, голодная... прошу у Вас сострадания, я измучена, я пять лет не говорила со здоровыми нормальными людьми»⁶.

По-видимому, это обращение результата не имело.

Дальнейшую участь М. А. Лайдонер проясняет ее прошение о реабилитации, датированное 2 октября 1956 г.:

«Прошу об оказании мне справедливости — прошу о реабилитации и о снятии с меня судимости, т.к. я не совершила никакого преступления против Советского Союза.

⁶ Там же.

Я даже не была выслана из Эст<онской> ССР, но добровольно последовала за своим мужем на место его высылки, получив на это разрешение правительства Эст<онской> ССР.

При высылке моего мужа в 1940 г., 19-го июня, мин<истр> вн<утренних> дел Эст<онской> ССР сказал мне: «Мы вас не выслаем, вы можете спокойно оставаться в Эстонии, жить в своей квартире, к<ото>рая, как и все ваше движимое имущество, будут сохранены до вашего возвращения, т. к. высылка вашего мужа временная, до окончания войны в Европе».

Муж был выслан в г. Пензу, где нам дали хорошую квартиру и ему была назначена пенсия — 2000 руб. в месяц.

Там мы пользовались полной свободой.

Но через год, когда началась война, 28 июня 1941 г. были мы арестованы и заключены во вн<утреннюю> тюрьму г. Пенза без постановления суда.

Ни при аресте, ни вообще в течение 11-ти лет мне не было предъявлено никакого обвинения.

В 1942 г. уже будучи в Кировской вн<утренней> тюрьме я спросила военного прокурора (гр<ажданин> Питоврасов), в чем меня обвиняют, на что он ответил: «Вас ни в чем не обвиняют, после войны все выяснится».

В 1945 г. нас перевели во вн<утреннюю> тюрьму гор. Иваново.

За истекшие 4 года мы перенесли все тяготы тюрьмы военного времени. Муж перенес сыпной тиф с тяжелыми последствиями: ослабление сердечной деятельности, повторные удары, и я много тяжелых ночей провела у его постели.

После 7-ми летнего пребывания в Ивановской тюрьме меня и моего тяжело больного мужа отправили в Москву в Бутырск<ую> тюрьму 1-го марта 1952 г.

Вскоре мне предъявили постановление Особого совещания от 16/IV <19>52 года “25 лет тюремного заключения за сотрудничество с международной буржуазией”.

После этого жестокого приговора меня отправили во вн<утреннюю> тюрьму гор. Владимира для отбывания там наказания.

Последнее время я там находилась в одной камере с женами бывших госуд<арственных> деятелей Латвии и Литвы, имевшими аналогичный со мною приговор Особ<ого> совещания.

Больше двух лет я не знала о судьбе моего больного мужа.

Через 2 года, 27 VIII <19>54 г. мне и др<угим> бывш<им> гос<ударственным> деятелям Латвии и Литвы и их женам объявили, что

нас освобождают по постановлению прокуратуры СССР, МВД СССР и Комитета гос<ударственной> безопасности при Совете министров от 16 VIII <19>54 г.

При освобождении и <з> Владим<ирской> тюрьмы мне почему-то не вернули моей одежды и личных вещей, взятых мною из Эстонии и находившихся при мне до 1952 г., хотя в приговоре Особ<ого> совещания не было ничего сказано о конфискации моих вещей.

Другим моим товарищам их вещи были возвращены.

Итак, я вышла из тюрьмы нищей, без гроша денег и, устраивая свои дела в милиции, я возвращалась ночевать в тюрьму, т. к. мне некуда было деваться.

В таком безвыходном положении я решила обратиться в обком партии гор. Владимира, где ко мне отнеслись очень гуманно и предложили до нахождения моих близких, временно направить меня в один из инвалидных домов Владим<ирской> обл.

Так я попала в «Дом интеллигенции» гор. Меленки, где нахожусь и до настоящего времени.

Но после всего пережитого за эти долгие годы мне хотелось бы иметь свой угол, ближе к дорогим могилам — сына и матери, ближе к близким людям.

Снятие с меня судимости не было бы прецедентом, т. к. вдове бывшего премьер-министра Литвы, гражданке М. А. Меркис и их взрослому сыну разрешено жить и работать в столице Литвы. Мне сообщили, что мой муж умер в 1953 году.

Ввиду всего вышеизложенного я прошу об отмене ограничений, вытекающих из постановления Особ<ого> совещания от 16 апр<еля> 1952 <г.>. То есть о снятии с меня судимости и о реабилитации.

Здесь я не была бы никому в тягость, т. к. мне, как и другим моим товарищам по несчастью, назначена пенсия по решению Совета министров СССР.

Надеясь на Ваше справедливое решение моей горячей просьбы

С уважением остаюсь М. А. Лайдонер

2/X <19>56»⁷.

Прокуратура СССР в заключении от 12 марта 1957 г. не нашла оснований для реабилитации М. А. Лайдонер⁸.

⁷ ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 12 966. Л. 15–16.

⁸ Там же. Л. 18 об.

Отсутствие реабилитации не позволяло вдове Лайдонера жить там, где ей хотелось. В конце 1954 г. Мария Антоновна без разрешения властей побывала в Таллине, закупила много нот для своей работы в детском музыкальном кружке и отправила их в Меленки. Как доносили следившие за ней чекисты, побывала она и на кладбище на могилах дорогих ей людей — единственного сына Михаила, умершего в 1928 г. в возрасте 15 лет, и матери. В контакт ни с кем не вступала.

Мария Лайдонер умерла в доме престарелых небольшого эстонского городка Хаапсалу в 1978 г., так и не дожив до реабилитации. Реабилитирована она была прокуратурой Пензенской области лишь в 1989 г.

Могила генерала Лайдонера на Князь-Владимирском кладбище Владимира не сохранилась, но его имя выбито на надгробном камне не оставившей его в трудные времена супруги, погребенной на Александро-Невском кладбище в Таллине.

Кирилл Шевченко

ТРЕТЬЕ КАРПАТО-РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ В КОНЦЕ XIX — XX в.: парадоксы нациестроительного проекта

После окончания Второй мировой войны населённая карпатскими русинами бывшая чехословацкая провинция Подкарпатская Русь, в 1939–1944 гг. оккупированная Венгрией, вошла в состав СССР, превратившись в Закарпатскую область УССР с центром в г. Ужгороде. Однако значительная часть этнически русинских областей северо-восточной Словакии (Прешовская или Пряшевская Русь) осталась в составе чехословацкого государства. Во время Второй мировой войны в ходе дискуссий о политической судьбе населённых русинами земель значительная часть карпато-русской общественности, в том числе в Северной Америке, выступала против их возвращения в состав Чехословакии. Причиной подобных настроений было широкое распространение среди русинов просоветских и прорусских настроений, а также критическое отношение к политике Праги в русинском вопросе в межвоенный период. Вопреки изначально завышенным ожиданиям русинских деятелей от вхождения Карпатской Руси в состав Чехословакии после «Великой войны», их недовольство политикой чехословацких властей стало проявляться уже с весны 1919 года. Так, председатель Карпато-Русской Народной Рады в Прешове А. Бескид в своем обращении к премьер-министру ЧСР К. Крамаржу уже 14 апреля 1919 г. негодовал по поводу «подавления естественных прав русского на-

рода на его собственной земле»,¹ критикуя местных чиновников за «шовинизм», а также за «преследования и угрозы» в адрес карпато-русского населения.² Серьёзным источником недовольства Прагой со стороны русинов была и проводимая чехословацкими властями политика «мягкой украинизации» русинского населения, ярко проявившаяся в 1920-е годы в сфере образования и вызвавшая, по словам русинских активистов, «языковую войну».³ В свою очередь, чешская общественность была крайне недовольна недопустимо высокой, с её точки зрения, степенью мадьяризации карпато-русской интеллигенции, особенно учителей.⁴

Влиятельный и популярный среди американских русинов печатный орган карпато-русской диаспоры в США «Американский Русский Вестник» осенью 1943 г., комментируя утверждения эмигрантского правительства Бенеша о возвращении Подкарпатской Руси в состав Чехословакии после войны, выражал недовольство подобной перспективой и сомнение в возможности её реализации. «В бенешовских газетах пишут, что советское правительство обещало Бенешу Карпатскую Русь. Мы в этом сомневаемся, ибо в Москве хорошо знают, как жилось русскому народу под чехами. Мы не верим, что московское правительство обещало Карпатскую Русь чехам, достойным наследникам монархии Габсбургов, — утверждал 4 ноября 1943 г. «Американский Русский Вестник», весьма нелестно отзываясь о политике Праги в русинском вопросе. — В России теперь окрепло русское национальное чувство. Тысячи русских воинов умирают не за величие пана Бенеша, но за свободу, а не за то, чтобы вернуть часть русского народа под чехов. Мы верим, что Россия, так как и мы, здесь в Америке, поддержит идею плебисцита в Карпатской Руси, чтобы наш народ смог сам свободно сказать, чего он хочет».⁵

Вместе с тем многие карпато-русские политики и общественные деятели в Северной Америке, несмотря на свою трактовку

¹ Archiv Kanceláre prezidenta republiky (AKPR), fond Kancelář prezidenta republiky, inv.č.6, sign.PR I/6, karton 1. Dr. A. Beskid, předseda Národní rady v Prešově, poměr k obyvatelstvu.

² Ibidem.

³ Думнич Ю. Украинизация школы на Подкарпатській Русі під час чехословацького періода. Ужгород, 2009. С. 3–5.

⁴ Podkarpatské hlasy. Užhorod, 13 června 1925. Číslo 48.

⁵ Amerikansky Russky Vjestnik. Homestead, PA. November 4, 1943. № 44.

карпатских русинов как одной из ветвей «единого русского народа», выступали против вхождения Карпатской Руси в состав СССР, аргументируя это, в частности, антицерковной политикой советской власти.⁶ Ряд представителей карпато-русского движения даже озвучивали идею создания независимого карпато-русского государства, хотя в сложившихся тогда международных условиях данная перспектива была совершенно нереальной.

При этом просоветски настроенная часть карпато-русской общественности в Северной Америке в ходе Второй мировой войны выступала за вхождение Карпатской Руси в состав СССР и за «воссоединение» карпатских русинов с русским народом. В сообщении ТАСС от 21 апреля 1945 г. приводилась информация о том, что в советское посольство в США «продолжают поступать резолюции массовых митингов карпато-русинских организаций с просьбой оказать поддержку стремлениям карпато-русин воссоединиться с русским народом».⁷ Однако, поддерживая планы вхождения карпато-русских земель в состав Советского Союза после войны, ряд русинских деятелей, в том числе один из лидеров карпато-русского движения в США А. Геровский, настаивали на том, чтобы Карпатская Русь стала отдельной административной единицей в рамках СССР или вошла в состав РСФСР, но ни в коем случае не в состав УССР. Между тем официальная трактовка русинов как части украинского народа советскими властями предопределила вхождение Подкарпатья в состав Советской Украины. Ярко выраженный украинизаторский курс Москвы в Закарпатье, проявившийся сразу после его вхождения в состав УССР, побудил просоветскую часть карпато-русской общественности пересмотреть свои взгляды и выступить с критикой политики советской украинизации карпатских русинов. Активисты карпато-русской диаспоры в Северной Америке продолжали в это время придерживаться концепции «триединого русского народа», считая карпатских русинов составной частью русской нации и занимая критическое отношение к украинскому движению.

Высокий авторитет СССР в конце войны и в первые послевоенные годы привёл к тому, что весной 1945 г. многие руководители главного органа русинов Словакии — Украинской Народной Рады

⁶ Amerikansky Russky Vjestnik. Homestead, PA. February 25, 1943. № 8.

⁷ *Марьина В. В.* Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина. М., 2003. С. 152.

Пряшевщины (УНРП) — активно выступали за выход русинских областей из состава Чехословакии и за их присоединение к СССР. Это вызывало крайнюю обеспокоенность чехословацкого руководства, уже лишившегося Подкарпатской Руси.⁸ Однако, поскольку советское руководство, удовлетворившись территорией Закарпатья, не проявило интерес к населённым русинами областям северо-восточной Словакии, порекомендовав активистам русинского движения в Прешовском регионе прекратить кампанию за присоединение к Советскому Союзу, лидеры словацких русинов были вынуждены отказаться от планов присоединения к СССР.

По иронии судьбы, в культурно-языковой сфере русины Чехословакии первоначально оказались в значительно более выгодном положении, чем русины вошедшего в состав УССР Закарпатья. Если в Закарпатской области УССР сразу стала проводиться жёсткая украинизаторская политика, выразившаяся в административном провозглашении местных русинов украинцами и в навязывании украинской идентичности и украинского литературного языка, то в Словакии русины Прешовского края сохраняли свою традиционную культуру и идентичность вплоть до прихода к власти в Чехословакии коммунистов в 1948 году.

С захватом власти в Чехословакии компартией в феврале 1948 г. чехословацкое руководство взяло курс на реализацию «советской модели» решения «русинского вопроса». В апреле 1950 г. на церковном соборе в Прешове было принято решение о ликвидации греко-католической церкви; при этом ряд греко-католических священников подвергся репрессиям, включая епископа П. Гойдича, арестованного органами чехословацкой госбезопасности в 1951 г. по совершенно надуманному обвинению в «украинском буржуазном национализме» и в «антигосударственной деятельности». Гойдич, приговорённый к пожизненному тюремному заключению, умер в тюрьме в словацком городе Леопольдов в 1960 году.

Если в Восточной Галиции греко-католическая церковь ещё с конца XIX века при митрополите Шептицком превратилась в мощное орудие украинизации галицких русинов, то на Прешовщине в северо-восточной Словакии греко-католическое духовенство в ос-

⁸ *Марьина В. В.* Закарпатская Украина... С. 151.

новном поддерживало традиционную карпато-русскую культуру, противодействуя украинизации местного населения. Этноконфессиональная ситуация в восточной Словакии осложнялась и тем, что, по данным словацких историков, из примерно 300 000 греко-католиков данного региона более половины составляли этнические словаки. Именно в словацких регионах восточной Словакии, в частности в Земплине, процесс «возвращения к православию» столкнулся с наибольшими трудностями в реализации.⁹

С начала 1950-х годов украинизация русинов северо-восточной Словакии резко усилилась и приобрела системный и последовательный характер. В июне 1952 г. руководство компартии Словакии приняло решение о введении украинского литературного языка во все русинские школы, хотя местное население практически не знало украинского литературного языка. С 1953 г. украинский язык, плохо знакомый прешовским русинам, стал языком преподавания в местных школах. Русинское население было в административном порядке провозглашено украинцами; сам этноним «русин» был отменён как символ «отсталости» и «реакционности».

Незадолго до начала кампании украинизации русинов Словакии русинская интеллигенция Прешовского края успела издать в 1948 г. в Праге на русском литературном языке историко-литературный сборник о Пряшевской Руси, категорично заявив в нём о местных русинах как о составной части русского народа. Издание подобного сборника в советском Закарпатье в это время было уже немислимо по политическим и идеологическим причинам. «Пряшевщина — это русский уголок под Бескидами, по воле судьбы оставшийся вне пределов воссоединённых русских земель... Население Пряшевской Руси в процессе долголетнего отстаивания своих прав... твёрдо осознало себя как часть великого русского народа, которая, несмотря на сильную денационализацию в прошлом, без всякой посторонней помощи сохранила подлинно русский облик, — писал в предисловии к сборнику его редактор, известный русинский культурный деятель И. Шлепецкий. — Народный говор населения Пряшевской Руси — это старинное наречие русского языка...».¹⁰ По сути, повторялась ситуация, сложившаяся сразу после Первой мировой войны, когда уже

⁹ *Konečný S. K niektorým otázkam pravoslávizácie na Slovensku v roku 1950 // Rusíni: otázky dejín a kultúry. Prešov, 1994. S. 126–127.*

¹⁰ Пряшевщина. Историко-литературный сборник. Прага, 1948. С. 3.

после вхождения в состав Чехословакии многочисленные представители карпато-русской общественности в своих обращениях к пражскому правительству весной 1919 г. подчёркивали своё стремление «быть членами чехословацко-русской республики, но при этом в культурном отношении оставаться русскими, поскольку мы приходим от одного великого русского народа».¹¹

Кампания насильственной украинизации русинов северо-восточной Словакии, предпринятая властями коммунистической Чехословакии, носила особенно болезненный характер, так как среди русинов Прешовского края изначально доминировала имевшая глубокие исторические корни русская культурная ориентация, сочетавшаяся с неприятием украинской идеологии. Данное обстоятельство было результатом длительного этнокультурного развития местных русинов в XIX — начале XX века, которое определялось идеями и творчеством карпато-русских будителей, в первую очередь Духновича и Добрянского, являвшихся убеждёнными русофилами и сторонниками ориентации на русскую культуру и русский литературный язык.

В основном негативный образ украинца, существовавший в обыденном сознании русинов Словакии, в конце Второй мировой войны был усилен трагическим опытом общения местных жителей с бойцами УПА, прорывавшимися на Запад. Одновременно под влиянием блестящих военных побед Красной Армии резко усилились и без того широко распространённые здесь русофильские настроения. «Никогда ранее в своей истории, — полагает словацкий историк русинского происхождения Л. Гараксим, — русины восточной Словакии не отождествляли себя настолько сильно с русскими, как в конце Второй мировой войны и сразу после её окончания».¹²

В результате кампания насильственной украинизации русинов Словакии привела к их массовой ассимиляции, чего явно не ожидали украинизаторы. Не имея возможности оставаться русинами, местные жители решали дилемму «словак или украинец» чаще всего в пользу титульной словацкой национальности, поскольку не желали принимать навязываемую властями украинскую идентичность.

¹¹ АКРР, fond Kancelář prezidenta republiky, inv.č.4, sign.PR I/4, karton I. Županský úřad v Užhorodě, resoluce rolníka Kyrila Prokopa. Užhorod, dna 8 března 1919.

¹² *Haraksim L. Rusínská identita a emancipácia na Východnom Slovensku // Střední Evropa a Podkarpatská Rus. 16 svazek. Praha, 1997. S. 68.*

Если в 1930 г. в восточной Словакии официально насчитывалось 91 079 русинов, то к 1961 г. в этом же регионе число тех, кто определял себя как украинец, упало до 35 435. Резко сократилось и число школ с украинским языком обучения. Так, в 1948 г. существовало 275 начальных русинских школ с русским языком преподавания. После перевода процесса обучения на украинский язык многие родители сами стали требовать введения словацкого языка в качестве языка обучения. В итоге количество школ с украинским языком обучения упало с 245 в 1955 г. до 68 в 1966 году.¹³ «В широких массах преобладало русинское национальное самосознание. Чувство принадлежности к украинскому народу отсутствовало. Многим не было ясно, почему они внезапно стали украинцами...»,¹⁴ — отмечал в своей книге, изданной накануне Пражской весны, словацкий историк русинского происхождения И. Байцура.

Несмотря на жёсткие формы украинизации и массовую словакизацию русинов Прешовщины, традиционная русинская идентичность продолжала в скрытой форме сохраняться среди местного населения. Более того, некоторые русинские интеллектуалы, соблюдая осторожность, продолжали демонстрировать свою приверженность традиционным представлениям о карпатских русинах как части русского народа. Так, в своем письме организатору партизанского движения в Белоруссии И. Д. Ветрову 22 декабря 1962 г. филолог-русист и преподаватель Прешовского университета А. С. Шлепецкий «в весьма осторожной форме задекларировал свою убежденность в общерусской природе восточнославянского населения востока Словакии, а также несогласие с однозначной трактовкой этого населения как украинцев».¹⁵ По словам А. С. Шлепецкого, «на территории Словакии с давних пор живут более 100 тыс. «русинов». До 1949 г. здесь были русские школы... Наш народ всегда ощущал себя частицей древней Киевской Руси — русского, украинского и белорусского народов».¹⁶ Отрицание украинской идентичности карпатскими русинами ярко проявилось во время Пражской весны, когда русинское насе-

¹³ *Magocsi P. R. With Their Backs to the Mountains. A History of Carpathian Rus' and Carpatho-Rusyns.* Budapest — New York, 2015. P. 329.

¹⁴ *Bajcura I. Ukrajinská otázka v ČSSR.* Východoslovenské vydavateľstvo, 1967. S. 134.

¹⁵ *Казак О. Г.* Русинский вопрос в послевоенной Чехословакии в эпистолярном и публицистическом наследии А. С. Шлепецкого // *Россия и славянские народы в XIX–XXI вв.* Сборник статей. Часть 1. Брянск, 2019. С. 105.

¹⁶ Там же. С. 106.

ние Словакии убедительно доказало свою жизнеспособность, заявив о себе именно как о русинах и добившись некоторых успехов в культурной области. Чехословацкие власти пошли на восстановление деятельности греко-католической церкви и на частичную легализацию самого этнонима «русин», который стал использоваться наряду с этнонимом «украинец».

С либерализацией общественной жизни и прессы и с отменой цензуры в русинском обществе стали оживлённо обсуждаться ранее табуизированные темы насильственной украинизации русинов, запрета греко-католической церкви и репрессий против греко-католического духовенства. В русинской прессе в период Пражской весны часто подчёркивалась необходимость отказаться от «искусственной» и насильно навязанной русинам украинской ориентации и вернуться к «исконно русинским» культурным ценностям, которые, впрочем, трактовались весьма избирательно. На съезде чехословацких журналистов в Праге 22 июня 1968 года председатель секции украинских журналистов в Прешове, отражая настроения русинской общественности ЧССР, в своём выступлении заявил: «В послевоенную жизнь наш народ вступал как русинский. В 1950-е годы была административно объявлена украинская национальность и русины буквально в мгновение ока превратились в украинцев — без какой-либо подготовки, без терпеливой просветительной работы, без воспитания кадров учителей-украинцев... Результат: магическое число в 33 333 украинцев, хотя в тех же деревнях и сейчас проживает почти 140 000 русинов... Сейчас, когда почти каждый говорит о реабилитации и демократизации, русины-украинцы задают вопрос: что же с нами сделали, кто позволил себе решать нашу судьбу без нас?»¹⁷

На волне общественного подъёма в ЧССР русинские активисты на страницах прешовской газеты «Нове життя» призывали к созданию политической, экономической и культурной автономии для проживавших в Словакии карпатских русинов. Однако идея какой-либо автономии русинов противоречила принципу централизма, которого придерживалась чехословацкая компартия, и была сразу отвергнута.¹⁸ В целом власти Словакии относились с определённой настороженностью к активизации русинской

¹⁷ Černický I. Jak jsme se rozdělili a zase spojili // Reportér. Týdeník pro politiku, kulturu a sport. 3–10 července 1968. Číslo 27. S. 9.

¹⁸ Magosi P. R. With Their Backs to the Mountains. P. 330.

общественно-политической жизни, тем более, что в южной Словакии в это же время заметно обострились венгерско-словацкие отношения и имели место конфликты между венграми и словаками.¹⁹ Дополнительные трения на национальной почве Братиславе были не нужны.

Одним из немногих успехов русинского движения в период Пражской весны была легализация греко-католической церкви в июне 1968 года. Однако это сразу привело к конфликтам с православной церковью по поводу храмов и церковного имущества; при этом противоборствующие стороны иногда прибегали к насилию, порождая нежелательные эксцессы. В итоге вопрос о церковном имуществе решался путём плебисцитов в отдельных приходах. В течение года плебисциты прошли в 210 русинских приходах; только в 5 из них было принято решение остаться верными православию. В конце концов чехословацкие власти, «не желая исчезновения православия, признали существование 205 греко-католических и 87 православных приходов».²⁰

Вторым неожиданным последствием возрождения греко-католической церкви было то, что, вопреки ожиданиям, она стала не инструментом возрождения русинской культуры и самосознания, а эффективным средством дальнейшей словакизации русинов. Прословацкая группа среди греко-католического духовенства, поддержанная Ватиканом и влиятельной словацкой диаспорой в Северной Америке, добилась назначения на пост главы греко-католической епархии в Прешове не этнического русина, а словака монсеньора Яна Гирки. Его деятельность привела к заметному усилению словакизации церковной жизни в 75 русинских греко-католических приходах. Это нашло своё выражение в том, что «церковно-славянский язык, традиционно использовавшийся в литургии, ... был постепенно вытеснен и заменён словацким языком».²¹ В качестве языка проповедей словацкий язык также постепенно вытеснил широко распространённую ранее практику использования местных русинских диалектов.

Ещё одним следствием Пражской весны для карпатских русинов был заметный рост трений русинской общественности со словацкой интеллигенцией. По словам П. Р. Магочи, «словацкая

¹⁹ Reportér. *Týdeník pro politiku, kulturu a sport*. 12–19 června 1968. Číslo 24. S. 13.

²⁰ *Magocsi P. R.* Op. cit. P. 330.

²¹ *Ibidem*. P. 331.

пресса и некоторые организации, главным образом возрождённая Матица Словацкая, критиковали русинские политические и культурные требования и даже обвиняли русинов в сотрудничестве с Советами». ²² Примечательно, что один из главных идейных оппонентов пражских реформаторов и один из подписантов письма к руководству СССР с просьбой защитить ЧССР от «контрреволюции» В. Биляк, занимавший в период Пражской весны пост первого секретаря компартии Словакии, был уроженцем русинского села в восточной Словакии и указывал себя в анкетах как украинца по национальности. «Чешское и словацкое общественное мнение связывало позицию Биляка с его национальным происхождением, — замечает П. Р. Магочи. — По аналогии все карпатские русины Прешовского региона Словакии подозревались в просоветских симпатиях...» ²³

Легализация этнонима «русин», возрождение греко-католической церкви в восточной Словакии, а также обсуждение спорных аспектов передачи Закарпатья в состав СССР после Второй мировой войны чешскими СМИ были болезненно восприняты руководством Советской Украины, которое трактовало данный аспект Пражской весны как проявление антиукраинской политики пражских реформаторов. Это обстоятельство ещё больше усилило позиции консервативной части советского партийно-политического руководства, выступавшего за силовое решение «чехословацкого вопроса». Видным представителем консервативной части советской партийной элиты в это время был первый секретарь ЦК компартии Украины П. Шелест, игравший заметную роль в «чехословацкой игре» советского руководства и имевший тесные связи с первым секретарём ЦК компартии Словакии В. Биляком, украинцем по национальности. Недовольство Шелеста политикой пражских реформаторов в данном вопросе проявилось, в частности, в ходе переговоров в Чиерне-над-Тисой 29 июля — 1 августа 1968 года. В своей критической речи в адрес лидеров Пражской весны Шелест заявил: «От вас идёт разгул шовинизма... Ваши «писаки» дошли до того, что в своих листовках требуют пересмотра границ, высказывают претензии на закарпатские земли». ²⁴

²² Ibidem.

²³ Ibidem. P. 332.

²⁴ Шелест П. Е. Да не судимы будете. Дневники и воспоминания члена Политбюро ЦК КПСС. М., 2016. С. 394.

После подавления Пражской весны карпатские русины сумели сохранить свои скромные завоевания — право использовать этноним «русин» и возрождённую греко-католическую церковь, которая, однако, так и не смогла стать надёжным инструментом возрождения русинской национальной жизни. В любом случае в ходе Пражской весны были созданы важные предпосылки русинского возрождения, в полной мере развернувшегося после «бархатной революции» в Чехословакии осенью 1989 года.

В благоприятных условиях стремительной либерализации и демократизации общественной жизни в Чехословакии после «бархатной революции» 1989 г. русинское движение в восточных областях ЧССР резко активизировалось. Та часть коренного восточнославянского населения северо-восточной Словакии, которая сохранила русинскую идентичность, получила возможность в полной мере возродить свой этноним и культурное наследие; тем из русинов, кто в период украинизации усвоил украинскую идентичность, была оставлена возможность остаться украинцами. Русинские деятели единогласно отмечают, что именно чехословацкая «бархатная революция» в огромной степени предопределила «ревитализацию национальной идентичности русинов карпатского региона».²⁵ По мнению ряда авторитетных экспертов в области истории и культуры карпатских русинов, период после 1989 г. можно с полным правом назвать «третьим карпато-русинским национальным возрождением».²⁶ Впрочем, формат данного возрождения отличался высокой степенью избирательности, поскольку «возрождалось» далеко не все из богатого исторического наследия карпатских русинов.

Одной из главных отличительных черт «третьего карпато-русинского возрождения» стало полное доминирование в нём интерпретации карпатских русинов как отдельного четвёртого восточнославянского народа наряду с русскими, украинцами и белорусами. Это принципиальным образом отличает нынешнее

²⁵ *Плішкова А.* Динамічні процеси в сучасній русиністіці: детермінанти, результати, перспективи // 20 років високошкольської русиністики на Словачії. 20 rokov vysokoškolskej rusinistiky na Slovensku. Prešovská univerzita v Prešove, 2018. S. 27.

²⁶ *Магочій П. Р.* Кодіфікаційний процес русинського мови: досягнення і нові задачі // 20 років високошкольської русиністики на Словачії. 20 rokov vysokoškolskej rusinistiky na Slovensku. Prešovská univerzita v Prešove, 2018. С. 45.

карпато-русинское возрождение от «первого карпато-русского возрождения» в середине — второй половине XIX в., протекавшего под знаком принадлежности русинов к единому русскому народу «от Карпат до Камчатки», и от «второго карпато-русинского возрождения» в 1920–1930-е годы, когда в рамках межвоенной Чехословакии среди местных русинов боролись два наиболее влиятельных течения в лице русофилов и украинофилов.

Подобный этнокультурный облик современного русинского возрождения представляется предсказуемым и логичным, будучи производным от общественно-политической ситуации в Чехословакии, сложившейся после «бархатной революции» 1989 года. Данная ситуация определялась лозунгами скорейшего «возвращения в Европу» и максимального дистанцирования от СССР и России, которые всячески демонизировались. В этих условиях ориентировавшиеся на Россию и русскую культуру представители среднего и старшего поколения карпато-русинской интеллигенции восточной Словакии изначально не были востребованы, оказавшись в малопривлекательной роли социальных аутсайдеров и демонстративно игнорируемых маргиналов. Немаловажную роль сыграло и то, что после распада СССР в 1991 г. устремившаяся к «общечеловеческим ценностям» ельцинская Россия полностью ориентировалась на ведущие страны Запада, игнорируя не только карпатских русинов, о существовании которых знали лишь немногие профессиональные учёные-слависты, но и страны СНГ, включая ближайших соседей России в лице Украины и Белоруссии. Печальные плоды своей политики в отношении «ближнего зарубежья» Москва уже пожинает. Впрочем, ещё в далёком 1878 г. знаток Угорской Руси Г. А. Деволан сетовал на то, что русины «забыты великим русским народом и оставлены на произвол своих врагов», тщетно призывая русское общество «признать в жителях Карпатских гор самых близких своих братьев» и «поспешить к ним на помощь с богатством своей науки и искусства».²⁷ Данное наблюдение ничуть не утратило своей актуальности и полтора века спустя.

В этой связи весьма примечательным выглядит то, что характерным признаком современного русинского национального возрождения в языковой области стала поставленная лидерами русинского движения на Первом конгрессе русинского языка в Бардееве в 1992 г. задача кодификации русинского языка исключительно

²⁷ Деволан Г. А. Угорская Русь: Исторический очерк. М., 1878. С. 4.

но на основе «разговорного языка»,²⁸ что было явным разрывом с длительной предшествовавшей культурно-языковой традицией, в той или иной степени ориентированной на русский литературный язык. Крупным успехом в области языкового строительства стала кодификация русинского языка на основе диалектов русинов северо-восточной Словакии в 1995 г. Однако более амбициозный проект создания общерусинского литературного языка вплоть до настоящего времени не реализован, а перспективы его реализации пока «не выглядят слишком обнадеживающими».²⁹

Успехи «третьего» русинского возрождения наиболее ярко выразились в демографической и культурно-языковой области. После «бархатной революции» и падения социализма в Чехословакии в 1989 г., когда местное восточнославянское население северо-восточной Словакии получило возможность свободно заявлять о своей этнической принадлежности, оказалось, что более половины тех, кто ранее официально считался украинцем, заявили о себе как о русинах, возрождая свой традиционный этноним и систему ценностей. Согласно переписи населения в Чехословакии в 1991 г., к этому времени 17 197 жителей северо-восточной Словакии идентифицировали себя как «русины» и только 13 284 заявили о себе как об украинцах. При этом около 50 000 опрошенных указали русинский язык в качестве родного,³⁰ что свидетельствовало о наличии значительного числа тех, кто говорит на русинских диалектах, но по разным причинам предпочитает указывать не русинскую, а словацкую национальность. По мнению экспертов, определённую роль в этом играет то обстоятельство, что многие русины «стыдятся за свое происхождение и выдают себя за словаков. Это неудивительно, поскольку в системе их воспитания отсутствуют все необходимые звенья, а в подсознании сохраняется закодированное чувство страха недавнего прошлого ...»³¹

²⁸ *Magochý P. P.* Кодіфікаційний процес русинського языка: досягнуття і новы задачі // 20 років високошкольської русиністики на Словакії. 20 rokov vysokoškolskej rusiništiny na Slovensku. Prešovská univerzita v Prešove, 2018. С. 46.

²⁹ Там же. С. 53.

³⁰ *Paukovič V.* Etnická štruktúra Slovenska, jej vývoj, demografické a socialné charakteristiky // Sociologia. Časopis Sociologického Ústavu Slovenskej Akadémie Vied. Bratislava. Ročník 26. 1994. S. 425–431.

³¹ *András M.* Súčasný postavenie Rusínov na Slovensku // Střední Evropa a Podkarpatská Rus. Edice štátí, reportáží, vzpomínek a dokumentů. 16 svazek. Praha, 1997. S. 96.

Последующая динамика численности русинов и украинцев в Словакии после 1989 г. говорит об очевидных успехах русинского движения. Если перепись 1991 г. в Словакии зафиксировала 17 197 русинов и 13 284 украинца, то по данным переписи, проведённой в мае 2001 г., в Словакии насчитывался уже 24 201 русин и лишь 10 814 украинцев. При этом 54 907 человек указали русинский язык в качестве родного, что более чем в два раза превышает количество указавших русинскую национальность.³² Таким образом, численность тех, кто идентифицирует себя как русин, за десятилетие с 1991 по 2001 г. выросла в Словакии с 17 197 до 24 201, т. е. почти на 41%, в то время как численность украинцев снизилась с 13 284 до 10 814.

Большую роль в «пробуждении» русинской идентичности восточнославянского населения северо-восточной Словакии сыграла пропагандистская деятельность русинской общественной организации «Русинска Оброда» и её активистов. Накануне переписи населения в Словакии в 2001 г. редакция газеты «Народны новинки», органа «Русинской Оброды», выпустила листовки, обращавшиеся к населению с известными строками русинского будителя XIX в. А. Духновича, изобретательно приспособленными для актуализации русинского самосознания: «Я русин был, есмь и буду, а при списованю людей у маю 2001 на то не забуду!». Листовки содержали фрагмент счётной анкеты, где в графах «национальность» и «родной язык» были поставлены крестики напротив категории «русинский». Не менее энергично русинские активисты встретили и последующую перепись населения в Словакии в 2011 году. Уже к февралю 2009 г. «Русинская Оброда» разработала «Комплексный план акций до переписи населения», предполагавший активную пропагандистскую кампанию в местах проживания русинов в тесной координации со старостами деревень и местным духовенством под лозунгом «Быть русином не позор, а честь!».³³ Результат не замедлил сказаться: по данным переписи 2011 г., в Словакии число русинов выросло до 33 500 (по сравнению с 24 201 в 2001 г.), в то время как число считающих себя украинцами вновь снизилось — на этот раз до 7 400 (по сравнению с 10 814 в 2001 г.).³⁴

³² Slovensko 2002. Súhrnná správa o štave spoločnosti. Bratislava, 2002. S. 196–197.

³³ Народны новинки. 19. марта 2009. Число 9–12.

³⁴ Magocsi P. R. *With Their Backs to the Mountains. A History of Carpathian Rus' and Carpatho-Rusyns*. Budapest — New York: CEU Press, 2015. P. 385.

По мнению некоторых исследователей и активистов русинского движения, реальная численность русинов в Словакии намного выше официальных словацких данных. Количество русинов в северо-восточной Словакии оценивается ими в 120 000 человек,³⁵ а число русинов в Закарпатской области Украины — приблизительно в 600 000 человек.³⁶ Канадский профессор-славист П. Р. Магочи, один из наиболее авторитетных специалистов в области карпатоведения, оценивает примерное число русинов на Украине в 740 000 человек, количество русинов в Словакии — в 130 000 человек, в Польше — в 60 000, в Сербии — в 25 000, в США и Канаде — в 640 000. Общее число карпатских русинов в мире, по мнению профессора Магочи, составляет около 1 640 000 человек.³⁷

Официальные цифры, отражающие численность русинов на Украине, существенно ниже. Результаты переписи на Украине в декабре 2001 г. выявили только 10 200 русинов, а также 672 лемка и 131 бойка; при этом этнические категории русинов, лемков и бойков были предусмотрены переписью лишь в качестве этнографических групп украинцев.³⁸ Русинские деятели подвергают сомнению данные последней украинской переписи, считая, что количество русинов в них сильно занижено. По независимым опросам, проведённым в Закарпатье русинскими организациями, число тех, кто считает себя русинами, составило около 22 000–28 000 человек.³⁹ Любопытные сведения о количестве русинов в Закарпатье были получены в ходе социологического опроса в Закарпатской области Украины 5–11 февраля 2006 г. Общий объём выборочной совокупности во время данного опроса составил 1500 респондентов. Отвечая на вопрос «С какой национальностью Вы себя идентифицируете?», 9% респондентов указали русинскую национальность.⁴⁰ Несмотря на игнорирование или крайне предвзятое освещение русинской тематики украинскими СМИ, достаточно боль-

³⁵ Народны новинки. 19.марца 2009. Число 9–12.

³⁶ См. *Bugajski J.* Nations in Turmoil. Conflict & Cooperation in Eastern Europe. Westview Press. Boulder — San Francisco — Oxford. 1993. P. 48–49.

³⁷ *Магочій П. Р.* Народ нивыдки. Ілюстрована історія карпаторусинов. Ужгород, 2007. С. 11.

³⁸ *Kuzio T.* The Rusyn Question in Ukraine: Sorting Out Fact from Fiction // *Canadian Review of Studies in Nationalism*. 2005. XXXII. P. 8.

³⁹ *Ibidem.*

⁴⁰ *Геворкян А. С.* Три страны. Три мифа. Социально-экономические и политические трансформации Казахстана, Грузии, Украины. М., 2008. С. 129.

шое число опрошенных в Закарпатской области (31%) оказалось осведомлено о деятельности русинской организации «Сойм подкарпатских русинов». Из числа тех, кто знал о деятельности данной организации, 7% полностью её поддерживало, 14% поддерживало частично, 9% не поддерживало и 70% затруднились с ответом.⁴¹

Процесс русинского возрождения в 1990-е годы постепенно набирал силу не только в северо-восточной Словакии, но и в Закарпатской области Украины, где в то время действовал ряд русинских организаций, небезуспешно пропагандировавших среди местного населения идею отдельного от украинцев русинского народа. С самого начала деятельность русинских организаций Закарпатья не ограничивалась только сферой культуры, распространяясь и на политику. Так, на конференции Общества Подкарпатских русинов 15 мая 1993 г. было образовано «временное правительство» Подкарпатской Руси во главе с профессором Ужгородского университета И. Турянцей. Временное правительство объявило себя «правопреемником прежнего правительства Подкарпатской Руси, насильственно ликвидированного Сталиным в 1945 г.»⁴² В интервью Чешскому телеграфному агентству (ЧТК) в январе 1995 г. министр иностранных дел этого правительства Т. Ондик заявил в Братиславе, что конечной целью русинского движения является «достижение независимости», но исключительно мирными средствами. Это периодически вызывало острую реакцию местного Руха и украинских идеологов, обвинявших русинских активистов в «предательстве украинской идеи» и в сотрудничестве с «российской имперской разведкой».⁴³ Русинский вопрос с самого начала стал исключительно деликатной и болезненной темой на Украине, при обсуждении которой даже маститые украинские учёные дают волю эмоциям, скатываясь к традиционному навешиванию идеологических ярлыков и откровенным политическим доносам — ремеслу, прекрасно освоенному ими ещё во времена их комсомольского и партийного прошлого. Так, по словам О. Мишанича, «нынешний политический русинизм и его носитель — «карпатский русин» — не национальность, не национальное меньшинство и даже не этническая группа. Это — профессия.

⁴¹ Там же. С. 119.

⁴² Пряшовска Русь. 2.04.1998.

⁴³ Срібна земля-фест. 19–25 вересня 1996. № 22.

Позорная профессия предательства, запроданства и политиканства, сила зла, направленная против Украины. Это — форма имперского гнёта на Украину, один из способов раскола украинского народа...»⁴⁴

Как бы то ни было, но идея особенности Закарпатья от Украины популярна среди местного населения. По сути, именно Закарпатская область выступила инициатором фактической федерализации Украины, ещё во время первых президентских выборов на Украине в декабре 1991 г. подавляющим большинством голосов (78%) высказавшись за предоставление Закарпатья самоуправления. Результаты декабрьского референдума 1991 г. использовались лидерами русинского движения в пропагандистских целях. В заявлении Временного правительства Подкарпатской Руси 1 декабря 1993 г. в Ужгороде, подписанном главой правительства И. Туряницей и направленном президенту, парламенту и правительству Украины, содержалось требование «официально признать автономное государственное образование на территории нынешней Закарпатской области, восстановленное волеизъявлением народа — референдумом 1 декабря 1991 года».⁴⁵ Противостояние между активистами русинского движения и официальными властями периодически выплескивалось на страницы местной прессы. Так, ужгородская газета «Русинська бисида» наряду с хроникой русинской культурной жизни информировала читателей о фактах дискриминации русинов со стороны украинских властей. В одном из номеров «Русинська бисида» сообщала об увольнении с работы русинского поэта и автора русинской грамматики И. Керчи, о запрете властей назвать вокальный ансамбль ужгородского училища культуры именем «Русиночка», а также о противодействии ужгородской областной администрации участию русинов во встрече представителей нацменьшинств Украины под эгидой Европарламента. Газета даже заключала, что «Украина проводит в отношении русинов геноцид...»⁴⁶

Нежелание украинских властей признать русинов в качестве отдельного народа стало одной из главных проблем современного русинского движения, поскольку большая часть русинов проживает на территории современной Закарпатской области Украины.

⁴⁴ Мишанич О. Політичне русинство і що за ним. Ужгород, 1993. С. 17.

⁴⁵ Пряшовска Русь. 2.04.1998.

⁴⁶ Русинська бисида. Август 1998. Число 4 (8).

В заявлении четвёртого Всемирного Конгресса русинов, состоявшегося в 1997 г. в Будапеште, констатировалось, что в то время, как Югославия, Венгрия, Польша и Словакия признали русинов как отдельный народ, Украина не предприняла аналогичного шага, что явилось нарушением Рамочной Конвенции по защите национальных меньшинств и самой украинской Конституции. Четвёртый Всемирный Конгресс русинов обратился к украинским властям с призывом признать русинов в качестве отдельного национального меньшинства. На заседании Всемирной рады русинов 14 марта 2003 г. в Ужгороде, посвящённом положению русинов Подкарпаття, вновь подчёркивалось, что самой большой проблемой остается непризнание русинов Подкарпаття в качестве отдельного национального меньшинства правительством и государственными структурами Украины.⁴⁷

7 марта 2007 г. Закарпатская областная рада приняла решение о признании национальности «русин» на территории Закарпаття и внесении её в список национальностей, проживающих в области. Признание русинов в качестве отдельной национальности в Закарпатской области Украины было достигнуто благодаря активной деятельности русинских организаций и лоббированию интересов русинов во властных структурах США. В то время как украинские политики и публицисты восприняли решение областной рады крайне негативно, русинская общественность Закарпаття приветствовала данный шаг, расценив его как своеобразную «дань» коренному населению области, отстаивающему свое право «быть народом, отобранное у карпатских русинов во время сталинизма и тоталитаризма».⁴⁸ На девятом Всемирном конгрессе русинов 22 июня 2007 г. в Румынии признание русинов в качестве отдельной национальности в Закарпатской области Украины было отмечено как одно из главных достижений русинского движения в последние годы. Возглавлявший в то время Всемирную раду русинов П. Р. Магочи подчеркнул в своём выступлении, что в настоящее время двумя главными задачами русинов являются «школы и переписи населения».⁴⁹

Несмотря на решение Закарпатской областной рады, свидетельствовавшее об определённых успехах русинского движения

⁴⁷ Народны новинки. 2 априля 2003. Число 13–14.

⁴⁸ <http://www.uzhgorod.ua/novosti/20432>.

⁴⁹ Народны новинки. 11 юля 2007. Число 25–28.

в начале 2000-х годов, после событий 2014 г. на Украине положение русинов здесь вновь резко ухудшилось. В отличие от динамичного и успешного развития русинского движения в Словакии и Польше, русины украинского Закарпатья изначально оказались в значительно более тяжёлом положении, поскольку украинские власти так и не признали русинов как отдельный народ. По словам П. Р. Магочи, «украинские идеологи... трактовали стремление «создать» из русинов отдельный народ как политически инспирированные попытки подорвать Украину как государство...».⁵⁰ Ответом официального Киева на русинское движение было принятие в октябре 1996 г. президентом Украины Кучмой документа под названием «План по решению проблемы украинцев-русинов». Как справедливо замечает Магочи, данный план «по названию и содержанию напоминает сталинскую советскую практику и призывает украинское правительство предпринять меры по усилению украинской национальной идеи не только среди восточнославянского населения Закарпатья, но и в соседних странах...».⁵¹ Магочи с сожалением констатирует, что русины не входят в число 130 статистически признанных на Украине народов. «Иными словами, — подводит итог канадский историк, — карпатские русины на Украине не существуют».⁵²

Если в Словакии продолжается успешный и динамичный процесс «третьего карпато-русинского возрождения», в результате которого уже создана впечатляющая инфраструктура русинских культурно-просветительских организаций, учебных и научных учреждений, а также СМИ, то на Украине русины по-прежнему не признаны как отдельный народ и по отношению к ним проводится политика преследований и фактического культурного этноцида. После украинских «майданов» разница в подходе к решению «русинского вопроса» между Украиной и Европой стала ещё более разительной. По невесёлому признанию известного русинского поэта и общественного деятеля И. Ю. Петровция, «всеми русинскому народу в этом страшном государстве, которое называется Украиной, ныне смертельно тяжело».⁵³

⁵⁰ *Magosi P. R. With Their Backs to the Mountains. P. 367.*

⁵¹ *Ibidem.*

⁵² *Ibidem. P. 368.*

⁵³ *Фатула А. Памяти великого русина. Иван Юрьевич Петровций (1945–2016) // Карпатская Русь. Литературно-публицистический альманах. Выпуск 2. М., 2017. С. 39.*

Пражская весна 1968 г. и «бархатная революция» 1989 г. в Чехословакии дали мощный импульс «третьему карпато-русинскому возрождению», охватившему также русинские диаспоры в Польше, Венгрии, Сербии и Хорватии, где русины давно признаны отдельным народом и обладают всеми правами национального меньшинства. При этом, как обоснованно отмечает известный российский историк-русинист М. Ю. Дронов, «именно в Словацкой Республике созданы, возможно, наилучшие по сравнению с другими странами условия для сохранения и развития русинской национальной культуры».⁵⁴ Напротив, образование независимой Украины в 1991 г. и последующая серия украинских «майданов» в 2004 и 2014 гг. не только не привели к этнокультурной эмансипации русинов Закарпатья, но и резко усилили дискриминационно-репрессивную политику Киева в отношении русинского меньшинства, продолжив и творчески «обогатив» печальную сталинскую практику отрицания русинов как самобытного славянского народа.

⁵⁴ Дронов М. Пряшевская Русь: русины в Словакии // Карпатская Русь. Литературно-публицистический альманах. Выпуск 2. М., 2017. С. 177.

Д. Болдырев

НАШЕ СОКРОВИЩЕ

По поводу доклада кн. Е. Н. Трубецкого
«Умозрение в красках». Изд. «Война и Культура»¹

... где сокровище ваше, там
будет и сердце ваше.
Матф., VI, 21

«Умозрение в красках!» — глубже, точнее и прекрасней нельзя определить суть иконы. Действительно, «умозрение», т. е. видение в столь великой тишине и ясности духа, что в этом ясновидении брезжится само царство небесное в видениях необычайной красочной силы.

Ясновидение каких же видений дает нам русская иконная живопись? Она дает нам зреть «радостное видение собора всей твари над кровавым хаосом нашего существования». Идея «собора всей твари», «мирообъемляющего храма» господствует во всем нашем церковном искусстве, как в живописи, так и в зодчестве. Потому что и «внутренняя архитектура церкви выражает собою идеал мирообъемляющего храма, в котором обитает Сам Бог» ...

Нельзя не почувствовать верности и великолепия этих слов в любой нашей древней церкви, а с особенной силой — среди райских завитков Василия Блаженного. По-видимому, так думали и современники наших древних церквей: «церковь есть небо земное» (сказание о создании церкви св. Софии) и вообще всякое

¹ Русская Мысль. Пг., 1916. Кн. IV. II отд. Републикация М. А. Колерова.

идеальное жилище представляли в виде соборного объединения всего мира Божьего, и звезд и тварей: «на небе солнце, и в тереме солнце, на небе звезды, и в тереме звезды» ... или, точнее, в виде гнезда, святого из вселенной. Как будто гнездовая теплота наших изб, плывущих ковчегами всей твари Христовой, в наших церквях распространилась на весь Божий мир. Греет же эти гнезда наседкой раздуваемая в боках срединная «луковица» наших церквей.

Прекрасно говорит кн. Трубецкой о *теплоте* нашей «луковицы», «которая воплощает в себе идею глубокого молитвенного *горения* к небесам, через которое наш земной мир становится причастным потустороннему богатству. Это завершение русского храма, как бы огненный язык, венчанный крестом и к кресту заостряющийся. При взгляде на наш московский Иван Великий кажется, что мы имеем перед собой как бы гигантскую свечу, горящую к небу над Москвою; а многоглавые кремлевские соборы и многоглавые церкви суть как бы огромные многосвечники». И самые эти слова подобны огненным языкам, вдохновенно указующим и как бы вырезающим с удивительной точностью божественный смысл самой прекрасной и самой существенной части наших церквей. Но если так, то пока горит крутобокое пламя церковных маковок, не угасимых, не колеблемых среди клубящихся облаков, не угаснут и наши надежды.

Тот же смысл соборности в теплоте вскрывает кн. Трубецкой и в наших иконах. И архитектурностью своих линий, «господствующих над человеческим обликом» и подчиняющих «индивидуальную жизнь соборному плану», и самым содержанием своих изображений, составляющих основной фон на многих иконах, возвещает икона *храмовую* идею царствия Божия. Так на Богородичных иконах «О Тебе радуется обрадованная всякая тварь» — «радость твари небесной изображается ангельским собором, который образует собою как бы многоцветную гирлянду над головою Пречистой», а на иконах «Покрова» Пресвятой Богородицы «происходит какое-то духовное слияние между покровом и собранными под ним святыми: точно весь этот собор святых в многоцветных одеждах образует собою одухотворенный покров Богоматери» ... Такими и многими другими примерами поясняет кн. Трубецкой *храмовую* идею икон, находя слова, по силе яркости достойные русской иконы.

После этих чудесных слов не раз опровергнутый предрассудок о мрачности и темноте русской иконы должен спастись даже с тех

глаз, которые еще не очаровались ее красочной радостью, отуманенные пошлостью реалистического искусства. Рядом с соборным *величием* русской иконы кн. Трубецкой очень тонко указывает и на ее теплоту. И думается, что теплоту эту дает идеальному храму иконы сидящая в центре его симметрии Мать Царица Небесная, покровом своим греющая и тварь, и ангелов, и святых.

Эта храмовая, соборная идея нашей иконной живописи, составляющая ее основной фон, и есть ее напитанная небесными красками радость. Однако эта красочная радость иконы слита в ней в одно целое с ее *скорбью*. На радостном фоне иконы, как по золотой заре — очергания туч, темнеют согбенные фигуры святых со скорбными ликами. «В чем заключается тайна этого сочетания высшей скорби и высшей радости?» — спрашивает автор «Умозрения в красках» и справедливо замечает: «Понять эту тайну и значит ответить на основной вопрос настоящего доклада, какое понимание смысла жизни воплотилось в нашей древней иконописи». Да, кто поставил этот вопрос, тот подошел к глубочайшей тайне нашей древней иконописи, больше того — всего православия.

Ибо суть православной церкви и заключается в том, что она есть церковь, накопляющая сокровища, церковь скопидомная, церковь Иоанна Калиты, в противоположность католической церкви, которая есть по преимуществу церковь расточающая, раздающая свои запасы, свой хлеб, свои сокровища (буллами, индугенциями, коронами монархам), вообще растрачивающая накопленные дары — в мире, которые по готическим шпилям соборов, как по громоприводам, она как бы переводит из небесных запасов на землю. Золотыми же ключами, отворающими сокровищницу этих запасов, по преимуществу обладает православная церковь. Всем своим духом и обликом она представляется нам ближайшим к земле сосудом этих сокровищ, как бы золотой дароносицей. Сила непосредственного впечатления убеждает нас в этом. По выходе, например, из Успенского собора в Москве — какое впечатление уносишь с собой в серые улицы, как не то, что побывал в *сокровищнице*? А темные и низкие притворы св. Софии в Киеве кажутся кладовыми, набитыми всяким добром, *еще не вынесенным на свет*. Но главные богатства лежат еще ниже, под землею — в пещерах. То, что на свету, — только малая часть этих богатств. Там, в темноте притворов, крипт и пещер, — истинный корень и вечный источник видимых церковных сокровищ, которым они не оскудеют. Оттого-то, должно быть, наши светлые церкви внутри, в золо-

том воздухе отливающие Царством Небесным, стоят над темными криптами и пещерами, вырастая из них, как из корня, и расцветая иконостасами. Трудами и подвигами наших подвижников скоплены эти клады небесных сокровищ.

И вот рядом и на фоне этих богатств и сокровищ, на которых играет райская радость, стоят скорбные лики подвижников и святых. В чем же тайна этого сочетания высшей скорби и высшей радости? Поставленный об иконах вопрос этот, как видим, распространяется и на всю православную церковь. Ответ, читаемый автором «Умозрения» на иконах, столь же проникновенен, как и вопрос. Разживленной, кровавой, сытой и самодовольной плоти нет места в том радостном храме, на который намекают иконы. Чтобы стать причастным ему, нужны «пост и труд и теснота и всякие скорби». Не нищету сулит христианская церковь, но красоту и богатство, хотя путь к ним идет через скорбь и лишения. По сердцу это нам или нет, согласен с этим весь современный строй жизни или же противится этому — все равно: таков закон достижения высших сокровищ, проверенный тысячелетним опытом церкви и блистательно доказанный уже собранными ею и явленными сокровищами. Нужно идти в пустыню и самому стать пустыней, иссохнув в посте и жажде молить, и тогда душа твоя расцветет неземными богатствами.

Прекрасная ты, Пустыня!
Любимая моя мать!
Прими меня, мать Пустыня!

И пустыня, действительно, становится матерью, рождающей сады, неведомые тучному чернозему, и соборы, перед которыми все многолюдье наших столиц — только песчаная куча.

Вопрос о сочетании скорби и радости, поднятый кн. Трубецким, имеет для нас и глубокое национально-бытовое значение, и ответ на него, даваемый нашей иконой, решает также одну из самых больших загадок всей русской жизни. Как мог этот очаг, пылающий несказанной роскошью и красотой, именуемый Православною Церковью, появиться в серой убогости нашего быта? Какая-то Индия богатая развернулась среди наших серых изб и полей. Но это произошло именно оттого, что наших избы серы, смиренны, как бы аскетически измождены, и что в них «теснота и всякие скорби». Нигде так не яркие и не прекрасны так зори, как среди темных изб...

В одной русской легенде рассказывается, как молодой царевич Евстафий, осужденный царем к казни за то, что «не любил он ни пиров, ни плясок, ни гульбищ, а любил ходить по улицам, да водиться с нищими, людьми простыми и убогими и дарил их деньгами», упрямил царя дать ему перед казнью срок и «заказал сделать три сундука: один золотой, другой серебряный, а третий — просто расколоть кряж надвое, выдолбить корытом и прицепить замок. Открыл царевич сундуки и показывает: в золотом насыпано полно золота, в серебряном насыпано полно серебра, а в деревянном наложена всякая мерзость. Показал и опять затворил сундуки и запер их накрепко. «Государь батюшка! — говорит царевич — Ты здесь с боярами вели оценить сундуки-то, чего они стоят?» Вот бояре серебряный сундук оценили дорого, золотой того дороже, а на деревянный и смотреть не хотят. Евстафий-царевич и говорит: «Отомкните-ка теперь сундуки и посмотрите, что в них! Вот отомкнули золотой сундук, а там змеи, лягушки и всякая срамота; посмотрели в серебряный, и здесь то же; *открыли деревянный, а в нем растут древа с плодами и листвием, испускают от себя духи сладкие, а посреди стоит церковь с оградю.* Изумился царь и не велел казнить царевича».

Не есть ли и Русь такой деревянный сундук, в котором многие поверхностные оценщики видят лишь «всякую мерзость»? В час страшной казни не откроется ли даже перед их загрубелыми бельмами истинное содержимое этого сундука, показанное идеальным храмом — собором на наших иконах: «к нему стремятся ангелы, в нем собираются святые, вокруг него *вьется райская растительность*, а у его подножья или вокруг него толпятся животные»? Но все еще «на деревянный сундук и смотреть не хотят».

«До самого последнего времени икона была совершенно непонятною русскому образованному человеку. Он равнодушно проходил мимо нее, не удостоивая даже мимолетного внимания», — говорит кн. Трубецкой. Т. е. в сущности «русский образованный человек» «до последнего времени» ничего не понимал в русской жизни, ничего не видел, кроме деревянной колоды с «мерзостью» и «свиньей матушкой». Ибо если из нашей колоды, из нашего дуба удалить гнездо величайшей в мире культуры — нашу Церковь, то что же останется? Одна «срамота». Какою же, значит, дрянью жил «русский образованный человек», каким вкусом руководился, предпочтя пиршеству на парче, посланной церковью, кухмистерский стол из самых отвратительных умственных блюд!

Отвергая аскетизм телесный, только и делал, что придерживался аскетизма духовного. В странном дальтонизме духовного аскетизма «русский образованный человек» все еще хнычет: «Первое, что лезет в глаза после больших городов европейских, — нищета, убожество, «мизерность». И дома и люди, и лошади и вывески, и улицы и площади, и садики — все обшарканное, заплеванное, заплюзганное, пришибленное, прощальжное» (*Мережковский*. «Было и будет»), втайне завидуя, очевидно, «чистоте, культурности и порядку» Берлина. Завидовали Берлину, мечтали о чистоте Унтерденлиндена и вот накликали: с Унтерденлиндена поднялся на нас образ самодовольной и сытой плоти и глумится над нашей иконой. Эта «сытая плоть» с Унтерденлиндена не будет страшна нам, если мы, пресытившись умственной дрянью, которой до сих пор жили, и изблевав многое из того, чем питались, опомнимся, наконец, и устремимся к идеальному храму, явленному нам иконой, а в реальности осуществленному Церковью. В нашей сокровищнице найдем мы и нашу твердыню.

Да будет кн. Трубецкому радость от сознания, что ему удалось внести в эту сокровищницу свою лепту — прекраснейшую, какую он мог найти в себе. По примеру его понесем в нее все добро свое, кто чем может, изобразительным ли искусством, даром поэзии, философской или общественной мыслью. И не потому, что она без нас оскудеет, а потому, что мы вне ее погибаем.

Станислав Юдин

А. В. Бодров, Н. А. Власов.
ЖЕЛЕЗО И КРОВЬ.
ФРАНКО-ГЕРМАНСКАЯ ВОЙНА.
СПб.: Евразия, 2019. 544 с.

14 июля 1870 года, в разгар дипломатического кризиса, который привел к войне между Францией и Пруссией, глава правительства Наполеона III Эмиль Оливье выступал перед Законодательным собранием. Суть его речи сводилась к тому, что Франции было нанесено оскорбление, и на его кабинете лежит теперь ответственность, которую министры принимают «с легким сердцем» (фраза, которую еще долго будут припоминать политику). Со стороны республиканских депутатов послышался выкрик: «Кровь наций польется из ваших легких сердец!»¹

Так началась франко-прусская война 1870–1871 годов, грандиозная драма для современников, один из эпизодов истории — для их потомков. Разница в восприятии этой войны сейчас и 150 лет назад действительно существенная. Для людей XIX века был характерен взгляд на армию как на проекцию общества, а на войны как на испытание моральных сил, качеств и зрелости нации. Так, например, русский военный мыслитель М. И. Драгомиров в своих лекциях, прочитанных по горячим следам, выводил победу пруссаков над австрийцами в 1866 году из свойств «прусской расы»: уважения к закону, развитой грамотности,

¹ *Wawro G. Franco-Prussian War: The German Conquest of France in 1870–1871* Cambridge Univ. Press, 2003. P. 39–40.

сознательного отношения к долгу, осознания своего исторического «призвания» и т. д.² Подобным же образом оценивал итог франко-прусской войны его коллега Г. А. Леер: добродетели прусской нации, труд и порядок, позволили ей создать более совершенную военную систему, которой не оказалось у французов³. Те, в свою очередь, склонны были видеть причины своих поражений в моральной деградации страны при режимах, предшествующих III республике. Э. Ренан писал, выражая мнение многих: «Военный дух Франции исходил из ее германских элементов; насильственно изгнавши германские элементы и заменив их философской, основанной на равенстве концепцией общества, Франция отбросила одним ударом весь свой воинский дух. Она осталась богатой страной, считающей войну глупой карьерой, очень мало вознаграждающей»⁴.

Такое понимание вело умы современников к выводу о том, что результат войны фактически predetermined еще до того, как стороны сойдутся в первом сражении. Жесткий детерминизм в данном случае связан не только с интеллектуальными клише середины — второй половины XIX века, но и с сиюминутными целями названных авторов. Ренан рассчитывал на «моральную реформу» Франции в умеренно-консервативном духе. Драгомиров читал лекции об австро-прусской войне в разгар жарких дискуссий о военных реформах в России. Отсюда его манихейское видение войны 1866 года как сражения сил прогресса (Пруссии) и консерватизма (Австрии). В лекциях Леера местами отчетливо читается претензия корпорации Генерального Штаба на повышение своего статуса в русской военной иерархии. Войны 1866 и 1870–1871 годов часто обращались в материал для злободневной полемики.

Наконец, франко-прусская война была одним из закладных камней национальной мифологии, так как из этой войны родилась III республика во Франции и Второй Рейх в Германии. С. Кантер демонстрировал, на каких шатких основаниях покоились мифы о героическом, безнадежном, но ненапрасном сопротивлении французов или о разрушениях и страданиях, которые

² Драгомиров М. И. Австро-прусская война. 1866 год. М., 2011. С. 3–13.

³ Леер Г. А. Публичные лекции о войне 1870–1871 годов между Францией и Германиею от Седана до конца войны. СПб., 1873. С. 366.

⁴ Ренан Э. Интеллектуальная и моральная реформа во Франции // Собрание сочинений Эрнеста Ренана в двенадцати томах. Т. IV. Киев, 1902. С. 112.

принес *l'année terrible* («кошмарный» 1870 год)⁵. Но это были мифы, на которых строилась новая власть, заключившая с врагом Франкфуртский мир в 1871 году, точно так же, как Германская империя в дальнейшем апеллировала к «железу и крови», славе Седана и имени основных творцов победы над Францией, без которых якобы было невозможно ни оформить, ни скрепить единство немцев.

У историков довольно давно зародились сомнения в этой картине запрограммированности «блестящих» успехов и «героических» поражений. Так, например, Д. Шоуолтер в своей «Скромной апологии барабанов и труб» писал, что прусские победы 1866 и 1870–1871 годов не были следствием социально-политических факторов и, в конце концов, все решалось на поле боя⁶. П. Гриффит выдвигал по поводу predeterminedности результата в 1870–1871 годах чисто британский аргумент: «Сравним также с финалом Кубка Англии по футболу 1988 года, в котором “Ливерпуль” — безоговорочно доминирующей британской футбольной силе 1980-х — выпал случай быть униженным относительно скромным “Уимблдоном”. Должны ли мы заключить, что “Ливерпуль” показал себя прогнившим изнутри, и что пригородные команды с юго-востока Англии всегда понимали всю суть футбола? Конечно, нет»⁷.

Послевоенная отечественная историография находилась вдали от этих споров и обращалась к франко-прусской войне только как к эпизоду дипломатической истории или для изучения ее влияния на общественное мнение в России. Теперь у нас появилась книга на русском языке, полностью посвященная этой войне. Ее авторами стали А. В. Бодров и Н. А. Власов, tandem специалиста по Франции и германиста — достаточно редкий случай написания истории войны с точек зрения и одной, и другой стороны конфликта.

Две установки служили руководящей идеей книги «Железо и кровь». Во-первых, это отход от более привычной истории сражений и стремление к тематической тотальности. Во-вторых, это

⁵ Kanter S. Exposing the Myth of the Franco-Prussian War // War & Society. 1986. Vol. 4. Issue 1. pp. 13–30.

⁶ Showalter D. A Modest Plea for Drums and Trumpets // Military Affairs. Vol. 39. No. 2 (Apr., 1975). pp. 71–74.

⁷ Griffith P. Military thought in the French army, 1815–51. Manchester Univ. Press, Manchester and NY, 1989. P. 191.

отказ от идеи о безальтернативности процессов, которые привели к самой войне и к ее конечному результату.

Начнем с тотальности. Авторы попытались синтезировать «классическую» военную историю с историей дипломатии, внутриполитическими сюжетами и темами, до недавнего времени находившимися вне поля зрения «военных» историков: быт солдат, военная медицина, военнопленные, экономика войны, пропаганда, оккупационный режим, историческая память и т. п.⁸ Во введении была поставлена задача «написания истории Франко-германской войны, которая осветила бы этот конфликт во всей его сложности и многогранности»⁹.

Внешнеполитические сюжеты занимают особенно большое место в книге, первые строки которой рассказывают о Венском конгрессе 1815 года, после чего следует основательная дипломатическая предыстория войны, излишнее введение в курс дела. На первых страницах читатель получает представление о внутренней политике прусского королевства, империи Наполеона III и о тех политических процессах, которые привели к созданию III республики в разгар войны. Пожалуй, только крупный и спорный сюжет Парижской коммуны остался несколько скомкан, вероятно, в интересах соблюдения объема (более 500 страниц) и тематической целостности.

Стремление к всеохватности действительно приносит книге пользу. Любой историк войн сталкивается с проблемой, характерной для нашего «цеха». Спрос на книги по военной тематике достаточно велик, и следует ожидать, что книгу Бодрова и Власова будут читать не только специалисты, но и широкая аудитория любителей военной истории, которая нуждается в более подробном экскурсе в эпоху. Кроме того, без основательного взгляда на внутреннюю политику Франции невозможно понять многие решения французского командования, которые диктовались политическими соображениями и которые иначе бы пришлось списывать на глупость и некомпетентность военачальников. Еще одна важная причина выйти за рамки «классической» военной истории — показать, как в 1870–1871 годах впервые проявились чер-

⁸ Хорошо известный пример «тотальной» военной истории близкого по хронологии конфликта: *Макферсон Дж.* Боевой клич свободы: Гражданская война 1861–1865. Екатеринбург, 2012.

⁹ *Бодров А. В., Власов Н. А.* Железо и кровь. Франко-германская война. СПб., 2019. С. 15.

ты тотальной войны, требовавшей мобилизации всех сил страны, милитаризации экономики, активизации пропаганды и выработки карательной политики. Взгляд на франко-прусскую войну как на провозвестник конфликтов первой половины XX века не нов¹⁰, и более того, именно он заставляет обращаться к этой войне тех, кто не входит в узкий круг специалистов по военному делу второй половины XIX века.

Задача сделать книгу интересной и для специалистов, и для любителей предполагает лавирование между Сциллой вульгаризации и Харибдой научной элитарности, и рассматриваемая нами книга — хороший образец этой опасной «навигации». Авторам удалось показать сложность и многогранность этой войны, уйти от неоправданно однозначных оценок, но при этом остаться доступными пониманию. «Важно избегать чрезмерного упрощения картины»¹¹ — своего рода девиз книги. Хаос и то, что Клаузевиц называл «трением» на войне, нередко такие же важные действующие лица повествования, как и генералы. Это придает истории войны бóльшую реалистичность, нежели рассказы о блестящих и безупречных полководцах, якобы постигших и применивших на практике законы войны. «Как правило, в битве побеждает не тот, кто не делает ошибок, а тот, кто делает их в меньшем количестве, чем противник»¹² — таков один из ключей, которые авторы предложили читателю для понимания описываемых событий.

Вторая характерная особенность подхода Бодрова и Власова, подчеркивание непредрешенности рассматриваемых процессов, дополнительно усиливает это впечатление сложности картины событий 1870–1871 годов. Было ли объединение Германии предопределенным всем развитием событий в 1850–1860-е годы? Возможны ли были другие формы объединения, помимо той, которая была реализована? Предполагал ли Бисмарк в начале 1870 года, что вопрос об объединении встанет уже в конце этого года? Была ли знаменитая эмская депеша намеренной провокацией Бисмарка и действительно ли именно она сыграла решающую роль в перерастании дипломатического кризиса в войну? Лежит ли ви-

¹⁰ Глубокий взгляд на эту проблему см.: Förster, S., Nagler, J., ed. by. *On the Road to Total War: the American Civil War and the German Wars of Unification, 1861–1871* (German Hist. Institute and Cambridge Univ. Press, Cambridge, 2002).

¹¹ Бодров А. В., Власов Н. А. Указ. соч. С. 78.

¹² Там же. С. 187, 224.

на за войну на Наполеоне III и его правительстве? Мог ли маршал Базен спасти Францию? Вот далеко не полный список вопросов, которые авторы ставят в своей книге, представляют разные точки зрения на эти вопросы и, как правило, выбирают некую равнодействующую, аргументируя свою позицию¹³.

Такой подход был бы невозможен без глубокого знания историографии, в том числе и новейшей. Подспорьем для написания книги были работы французских, немецких и англоязычных историков, к которым весьма уместно прибавлены отечественные работы. Дополнительная ценность этой книги для специалистов именно в этом: она знакомит с актуальными дискуссиями в историческом мире по рассматриваемым вопросам и сопровождается ценным списком литературы и источников.

«Одним словом, исход столкновения вовсе не казался predetermined изначально. Какие именно достоинства и недостатки окажутся более весомыми, могла показать только война»¹⁴, — предваряют авторы начало описания боевых действий. Прусская военная машина, конечно, показала себя хорошо отлаженной, но и она не была идеальна. Мобилизация прусских войск не прошла совершенно гладко, непростые взаимоотношения в верховном командовании сказывались на ходе операций, кавалерия не справлялась с задачами разведки, а офицеры — с контролем над войсками на поле боя. Даже дисциплина, с которой мы привыкли прочно связывать традиции прусской армии, порой не была безупречной. Мольтке на страницах этой книги предстает далеко не всемогущим «богом войны». Первые победы достигались пруссаками скорее за счет численного, а не качественного превосходства. Трудно отделаться от впечатления, что успехи немцев в какой-то момент начали автоматически воспроизводить себя, а французы внутренне смирились со своей ролью битых.

Французские поражения объясняются авторами хаотичностью организации и безынициативностью французских генералов. В этой связи любопытно было взглянуть на описание одно-

¹³ Полезные рассуждения об альтернативах в военной истории стали темой отдельной публикации одного из авторов: *Власов Н. А.* Мог ли маршал Базен спасти Францию? Перспективы прорыва Рейнской армии из Меца в сентябре 1870 года // *Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Девятой международной научно-практической конференции 15–17 мая 2019 года.* Том 1. СПб., 2019. С. 218–228.

¹⁴ *Бодров А. В., Власов Н. А.* Указ. соч. С. 108.

го из ключевых эпизодов войны — сражения 14, 16 и 18 августа 1870 года (Борни, Марс-ла-Тур, Гравелот/Сен-Прива). М. Говард, автор классической англоязычной истории этой войны, считал, что немцы в эти дни допустили такие тактические и стратегические ошибки, что даже полководец средней руки мог бы ими воспользоваться и достичь победы¹⁵. В рецензируемой книге мы видим тот же посыл, и, по мнению Бодрова и Власова, только некомпетентность и нерешимость французского командующего Базена спасла немцев.

Почему французская армия не проявляла должной инициативы? Это может показаться странным для тех, кто немного знаком с ней. Еще в начале 1860-х годов эта армия ассоциировалась именно со смелыми решениями на поле боя. «По единогласному отзыву военных писателей, Французы особенно способны к действиям быстрым и отважным; с ними можно осуществить правило Цезаря: *“Смелость и быстрота часто поражают сильнее, чем медленное движение больших сил”* (выделено в оригинале. — С. Ю.)», — отмечал один русский автор в 1861 году¹⁶. Упадок инициативности объяснен выработавшимся в среде французских военных в последние предвоенные годы «оборонительным менталитетом», производной от излишней веры в свою новую винтовку Шасспо¹⁷. Можно только сожалеть, что авторы не развивают эту мысль, ограничившись ее констатацией. Существует мнение, что качественное превосходство на полях сражений 1860–1870-х годов, помимо численности, определялось тем, насколько разумно был найден баланс между инициативой и контролем со стороны высшего начальства, огневой и ударной тактикой, обороной и наступлением. Эти вопросы были среди ключевых в военных дискуссиях во Франции, немецких государствах и России, и от того, как эти вопросы решались, зависело на войне если не все, то многое. Эти дискуссии все еще нуждаются в обстоятельном изучении.

К сожалению, книга не лишена некоторых мелких недочетов. Во-первых, вопросы вызывает название работы. Хрестоматийная фраза Бисмарка про «железо и кровь» уже использовалась для книги одного из авторов¹⁸ и еще для десятка других книг, посвя-

¹⁵ Howard M. The Franco-Prussian War: The German Invasion of France, 1870–1871 (London and NY: Routledge, 1990). Pp. 143–144.

¹⁶ Веселитский С. Штыковой бой // Военный сборник. 1861. № 11. С. 95.

¹⁷ Бодров А. В., Власов Н. А. Указ. соч. С. 161.

¹⁸ Власов Н. А. Великий Бисмарк. «Железом и кровью». М., 2011.

ценных эпохе объединения Германии. Менее банальное название больше бы соответствовало качеству самой работы. Подзаголовок «*франко-германская война*», может быть, действительно лучше отражает суть конфликта 1870–1871 годов, но авторы никак не объясняют, почему они решили отказаться от более привычного «*франко-прусская война*». Карты — насколько необходимая, настолько же и слабая часть отечественных военно-исторических публикаций. В рецензируемом издании они позаимствованы из книг первой половины XX века и представляют слабое подспорье для читателя. Впрочем, эти мелкие огрехи не портят общей картины. Книга написана ясным и понятным языком, не страдает монотонностью, свойственной многим военно-историческим трудам, а иногда заставляет читателя улыбнуться неожиданному ироничному замечанию. В итоге, мы имеем работу, которая высоко поднимает планку для подобных исследований.

И. С. Ратьковский

С. С. Войтиков. УЗДА ДЛЯ ТРОЦКОГО.
КРАСНЫЕ ВОЖДИ В ГОДЫ
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ.

М.: АИРО-XXI, 2016. 432 с.

Монография С. С. Войтикова издана в преддверии юбилея Великой русской революции 1917 г. и начала Гражданской войны в России (1917–1922). Исследование является продолжением работы автора над историей Гражданской войны¹. В дальнейшем ряд ее положений, но отнюдь не все, будет изложен в более хронологически развернутом исследовании². Монография вышла в известной серии АИРО-XXI, что не только обеспечило хороший уровень издательской работы над книгой, но и дало научную рекомендацию исследованию.

Книга посвящена памяти замечательного советского и российского историка М. А. Молодцыгина, автора многочисленных тру-

¹ См.: *Войтиков С. С. Троцкий и заговор в Красной Ставке*. М., 2009; *Войтиков С. С. Высшие кадры Красной Армии. 1917–1921 гг.* М., 2010; *Войтиков С. С. Отечественные спецслужбы и Красная Армия. 1917–1921*. М., 2010; *Войтиков С. С. «Председатель ЦК»: Я. М. Свердлов в политической борьбе 1918 — начала 1919 года // Российская история*. 2014. № 1. С. 24–43; *Войтиков С. С. «Ворошилов командовать армией совершенно не может»: Пиррова победа Троцкого над Сталиным, или Как Троцкий выжили Ворошилова из Царицына на Украину (1918–1919 гг.) // Новый исторический вестник*. 2014. № 1 (39). С. 120–150; *Войтиков С. С. «Как нам реорганизовать Рабкрин...» // Вопросы истории*. 2014. № 6. С. 59–71; *Войтиков С. С. И. В. Сталин против Я. М. Свердлова. Осень 1918 г. // Новейшая история России*. 2015. № 3. С. 30–45.

² *Войтиков С. С. История противостояния. ЦК или Совнарком*. М., 2018.

дов по истории Гражданской войны, в т. ч. до сих пор важнейшего исследования по образованию и становлению РККА³. В нем Молодцыгину удалось, на основе многочисленных архивных материалов, показать историю создания и развития РККА в 1918 г. — от периода добровольчества к мобилизационному периоду. Хронологически работа С. С. Войтикова продолжает и углубляет данное исследование.

Как и исследование Молодцыгина, монография Войтикова основана на широком привлечении разнообразных источников. Анализу использованных источников в исследовании посвящена вторая глава первого раздела книги (с. 36–78). Можно сразу отметить знание автором как программных документов партии, так и партийного комплекса источников в целом: от отчетов ЦК до стенограмм, протоколов и резолюций. Это позволяет уточнить роль ЦК и лично В. И. Ленина и Я. М. Свердлова в выработке партийной политики по военному вопросу. В этом плане, прежде всего, важны партийные документы, выявленные Войтиковым в фондах РГАСПИ. Эти данные дополнены привлеченными им разнообразными, часто впервые введенными в научный оборот, источниками из фондов центральных архивов: ГА РФ, РГАСПИ, РГВА. Выявленные документы раскрывают историю Гражданской войны применительно к практике управления военными действиями со стороны военных и партийных органов советской власти. Используются автором также материалы Центрального архива общественно-политической истории Москвы (ЦАОПИМ) и Центрального государственного архива Московской области (ЦГАМО). Отметим сразу, что ряд источников опубликован автором в «Документальном приложении» монографии (с. 381–419). Особый интерес, на наш взгляд, представляют «казанские документы»: источники, характеризующие ситуацию до взятия Казани, объясняющие причины ее падения и роль конкретных людей в указанных событиях. Широко использован Войтиковым и корпус опубликованных источников. Безусловно, что автором учтена и обширная историческая литература по истории военных и партийных учреждений 1918 г. Первый раздел монографии Войтикова как раз и посвящен разбору источников и историографии заявленной темы.

³ Молодцыгин М. А. Красная Армия: Рождение и становление, 1917–1920 гг. М., 1997.

Во втором и третьем разделах монографии автор ставит вопрос о преемственности и связи ряда ключевых событий 1918 г.: тяжелое ранение В. И. Ленина 30 августа, образование Революционного военного совета Республики 2 сентября и Совета Рабочей и Крестьянской Обороны 30 ноября 1918 г. Безусловно, Войтиков учитывает уже изданные работы, в которых эта проблема была поставлена ранее. Он рассматривает в этом плане исследования А. Л. Литвина, В. Д. Тополянского, Ю. Г. Фельштинского⁴. Однако использует их критически. Действительно, ряд утверждений указанных авторов нуждается в уточнении. Так, А. Л. Литвин пишет о блоке Свердлова и Дзержинского в 1918 г.⁵ Однако, на наш взгляд, это очень спорное утверждение. Свердлов действительно играл большую роль в становлении кадрового аппарата ВЧК, но его креатурой в руководстве этого органа был Я. Х. Петерс, а не Дзержинский. Трижды именно Свердлов поставит Петерса во главе ВЧК: летом 1918 г. (после отставки с поста Председателя ВЧК Дзержинского), осенью 1918 г. во время организованной Свердловым поездки Дзержинского в Швейцарию и Германию), в январе 1919 г. (во время выездного расследования Дзержинским — Сталиным «Пермской катастрофы»). Это не считая кратковременного пребывания Дзержинского в Петрограде после убийства 30 августа 1918 г. М. С. Урицкого⁶. Отношения же Петерса и Дзержинского носили негативный характер, Петерс не раз пытался снять с должности Дзержинского, при этом демонстрируя схожий со Свердловым подход к карательной практике ВЧК. Схоже, и также ошибочно, освещал отношения Свердлова — Дзержинского Ю. Г. Фельштинский. Хотя версия Литвина-Фельштинского и может быть рассмотрена, но применительно к паре Свердлов — Петерс, а не Свердлов — Дзержинский.

Критически следует оценить и попытку привязки Свердлова этими же авторами к организации покушения на В. И. Ленина 30 августа 1918 г.

Войтиков отходит от данной конспирологической версии. В «Узде для Троцкого» сделан акцент на реальных отношениях деятелей как военных, так и партийных структур. Объектом его ис-

⁴ Тополянский В. Вожди в законе: очерки физиологии власти. М., 1996; Фельштинский Ю. Г. Вожди в законе. М., 2008.

⁵ Литвин А. Л. Фанни Каплан, или Кто стрелял в Ленина. Казань, 1995.

⁶ См. более подробно: Ратьковский И. С. Дзержинский: от «Астронома» до «Железного Феликса». М., 2017.

следования становятся события конца лета и осени 1918 г., с обозначением роли в них Я. М. Свердлова, Л. Д. Троцкого и В. И. Ленина, поскольку именно эти лидеры большевистской партии определили государственное и военное строительство РСФСР осенью 1918 г.

Значение исследования Войтикова в этом аспекте заключается в выявлении роли свердловского окружения в событиях 1918 г. Сам автор справедливо считает, что на Свердлова «ориентировались» и действовали совместно с ним, помимо уральцев Александра Белобородова, Владимира Загорского, Генриха Бруно, Якова Юровского и т. д., целый ряд крупных партийных и советских деятелей. Среди них Григорий Петровский, Семен Аралов, Якоб Петерс, Варлаам Аванесов, Александр Григорьевич Васильев, Павел Мальков. На наш взгляд, этот список может быть дополнен Михаилом Кедровым, Карлом Данишевским (данных деятелей Войтиков более связывает с Лениным, но это, наш взгляд, дискуссионно), Николаем Подвойским, Генрихом Ягодой и т. д. Отметим, что многие указанные большевики были связаны не только «партийно-военной иерархией», но и родственными отношениями (Кедров и Подвойский, Ягода и Свердлов, Троцкий и Склянский и т. д.). Семья Свердловых была близка с семьей Петровских.

Характерно, что многие из указанных лиц лишатся своих постов как раз после смерти Свердлова 16 марта 1919 г., перейдя на менее значимые должности. Прежний и. д. наркома по военным делам РСФСР (до постановки во главе военного ведомства Троцкого), председатель Высшей военной инспекции, потом нарком по военным делам Украины Подвойский будет отозван, также будут сняты с должности руководитель Реввоентрибунала Республики Данишевский, член коллегии ВЧК Петерс и нарком внутренних дел РСФСР Петровский.

Поэтому логичен посыл Войтикова о том, что ранение Ленина и его временный отход от управления страной привел к принципиальным изменениям в политическом и военном руководстве. Учреждение РВСР 2 сентября 1918 г. проходило без участия Ленина. Войтиков показывает, что ключевую роль в создании этого чрезвычайного органа Советской России сыграли Свердлов и Троцкий. В условиях отсутствия Ленина они предприняли попытку расширить свои властные возможности. Речь шла о возможной коалиции (более тесном взаимодействии этих деятелей) и о попытках взаимоконтроля. Характерным стал состав РВСР,

который, хотя и подчинялся Троцкому, но включал ряд деятелей, явно противопоставленных ему. Тем самым полномочия Троцкого ограничивались конкретными военными деятелями, и прежде всего Кобозевым и Данишевским. На наш взгляд, это была инициатива Свердлова. В монографии Войтиков также анализирует механизм возвращения ситуации под контроль оправившимся от ранения Лениным. С этой точки зрения логичной причиной образования 30 ноября 1918 г. Совета Рабочей и Крестьянской обороны (одной из причин) был указанный процесс возвращения контроля Ленина над военной политикой страны. РВСР подчинялся СРиКО, а персонально Троцкий — Ленину.

Важным дополнением этого процесса Войтиковым является выявление роли других деятелей. Здесь и характеристика автором выжидательной политики Г. З. Зиновьева и роли других партийных и военных деятелей, которые стали участниками, а иногда и заложниками этой ситуации: Вацетис, Теодори и т. д. Из этого не следует, что Войтиков рисует картину «анархии» в партии после ранения Ленина: растерянность носила временный характер, а большевистское руководство не было ограничено одной генеральной линией в военной политике.

Интерес представляют и последующие разделы книги, в которых характеризуются две важнейшие дискуссии в преддверии подведшего итоги внутрипартийного противостояния Восьмого съезда РКП (б) и обсуждение военного вопроса на съезде (*раздел IV*); становление и эволюция Совета Обороны — Совета труда и обороны от центра военно-политического к военно-экономическому (*раздел V*).

На наш взгляд, эти разделы также уточняют многие важные моменты, в т. ч. истории ВЧК в 1918 г. Интерес представляют материалы противостояния Мосгубисполкома и ВЧК. Автор справедливо указывает, что «разногласия между ВЧК и Московским губернским исполнительным комитетом как одним из наиболее серьезных региональных советских органов носили принципиальный характер». В данном случае критика ВЧК со стороны НКВД и НКЮ совпала с критикой со стороны Мосгубисполкома. Отметим, что два указанных ведомства возглавляли люди, близкие к Свердлову. Позиция последнего, по Войтикову, заключалась в поддержке региональных властей, и в частности Мосгубисполкома. В свою очередь Ленин демонстративно поддерживал ВЧК и Дзержинского, прежде всего вождь большевиков четко обозна-

чил свою позицию выступлением 7 ноября 1918 г. на митинге-концерте в клубе ВЧК (Большая Лубянка, д. № 13). Данная поддержка усилила позиции ВЧК, выразившись, как справедливо указывает Войтиков, в известном высказывании, которое воспроизвел А. И. Лацис в докладе Г. И. Петровскому: «Ваши руки коротки». Но конфликт имел продолжение, их как справедливо указывает Войтиков, ВЧК вынуждена была в числе других уступок пойти на восстановление МЧК, упраздненной по инициативе ВЧК весной 1918 г. Безусловно, С. С. Войтикову удалось выявить еще один аспект дискуссии о ВЧК и красном терроре осенью 1918 г. Отметим раскрытие роли в ней помимо указанных лиц таких деятелей большевистской партии, как Л. Б. Каменев, И. Ф. Арманд, Т. В. Сапронов и другие. Если ранее роль Каменева в дискуссии о ВЧК в исторической литературе освещалась, то вклад в дискуссию двух последних деятелей не попадал в поле зрения авторов. Данный материал позволяет более глубоко охарактеризовать формирование ВЧК осенью 1918 г. — зимой 1918/1919 гг.

Важным в монографии С. С. Войтикова является выявление обстоятельств формирования «военной оппозиции» и дальнейшего выступления ее представителей на Восьмом съезде РКП (б) 1919 г.

Отметим и детально разработанную С. С. Войтиковым концепцию начального периода деятельности Совета Рабочей и Крестьянской Обороны (СРиКО). Здесь можно говорить о выявленном исследователем исходном партийном посыле, политических задачах этого учреждения: передаче контроля над военным ведомством в партийно-государственные структуры и лично Ленину. В дальнейшем роль этого СРиКО изменилась, Совет стал решать уже те задачи, которые только декларировались осенью 1918 г.: контроль над экономической и военной практикой РСФСР.

Таким образом, монография С. С. Войтикова характеризует всю политическую составляющую изменений в системе госучреждений РСФСР, начиная с сентября 1918 г. по весну следующего года. Эти изменения в условиях военно-политического кризиса осени 1918 г. были произведены как с учетом интересов партийных, советских и военных учреждений, так и конкретных деятелей, которые их возглавляли. В этом отношении явно не хватает именного указателя, который позволил бы более планомерно использовать исследование.

Возможным пожеланием автору книги было бы уточнение роли Г. Е. Зиновьева. Она рассматривается в одном из разделов,

но не прослеживается в целом в монографии. В этом отношении также можно было бы проследить применительно к военно-политической обстановке, а также к борьбе за власть между красными вождями в годы Гражданской войны образование Коминтерна. Хотя, возможно, это будет частью следующих научных изысканий автора.

Схожее пожелание можно высказать в отношении расширения материалов, характеризующих деятельность Реввоентрибунала Республики в первое полугодие его функционирования. В работе приводится очень интересное «Дело Кобозева», выявленное Войтиковым, однако можно указать и на другие дела данного учреждения. Многие из них были направлены против ближайшего окружения Троцкого, а курировал их Данишевский. Наиболее известным является дело Сергея Чикколини. Очевидно, что реввоентрибуналам можно было бы уделить большее внимание и написать не главу, а целый раздел книги — «Реввоентрибунал против Троцкого».

Однако эти отдельные замечания ни в малейшей степени не снижают высокой оценки монографии С. С. Войтикова. Скорее это пожелание разработки указанных тем в дальнейшем и появления новых авторских монографий по ним.

Анатолий Кошкин

«ДЕЛО ЗОРГЕ».
ТЕЛЕГРАММЫ И ПИСЬМА (1930–1945).

М., 2019. Тираж 100 экз.

Зная, что в своих научных и публицистических работах я, исследуя предвоенную ситуацию в мире, в том числе на Дальнем Востоке, широко обращаюсь к поступавшей в Москву от резидента советской военной разведки Рихарда Зорге информации, мои читатели вот уже много лет задают один и тот же вопрос. А именно: «Почему, имея подробную информацию о планах Гитлера в отношении нашей страны, Сталин не использовал ее должным образом, и германское нападение застало его врасплох? Ведь если верить литературе о Зорге, этот незаурядный разведчик заблаговременно сообщил не только точную дату нападения, но и состав немецкой группировки, выделенной для войны против СССР, и даже направления основных ударов?» К этому можно добавить еще появившуюся недавно в телефильме о Зорге «информацию» о том, что наш разведчик в Японии якобы переслал в Москву из Токио... и сам план войны Германии с Советским Союзом «Барбаросса».

Приступая к ответу на этот до сих пор волнующий людей вопрос, замечу, что следует с особым вниманием отнестись к его первым словам, а именно, «если верить литературе о Зорге». В том то и дело, что далеко не всякой «литературе о Зорге» можно доверять. Ибо при раскрытии подвигов выдающегося разведчика во времена правления в СССР Никиты Хрущева не без пря-

мого участия этого деятеля была создана легенда, а вернее, сознательно искажавший действительность миф о якобы полном раскрытии Зорге планов и замыслов Гитлера и его генералов по поводу разгрома Советского Союза в молниеносной войне. Вплоть до даты начала вероломного вторжения — воскресное утро 22 июня 1941 года. Делал это ненавидевший И. В. Сталина первый секретарь ЦК КПСС Хрущев для создания в народе о руководителе страны в годы войны представления как о никому и ничему не верящем мрачном мизантропе, по вине которого гитлеровские войска, нанося в первом периоде войны мощные удары по плохо подготовленной и застигнутой врасплох Красной армии, дошли до стен Москвы.

И лишь в послехрущевский период советские, а ныне российские исследователи, а также японские зоргеведы, основываясь не на выдумках, а на подлинных документах, смогли дать реальную картину того, что в действительности удавалось советскому разведчику узнавать в Токио и передавать в Москву о германском нападении на СССР. Приписываемых Зорге сообщений о нападении Германии «на рассвете 22 июня», конечно же, не было, да и не могло быть, ибо Гитлер, из соображений обеспечения внезапности, не стал бы сообщать о дате своему послу в далеком Токио, через которого наш разведчик получал важные сведения. Однако предупреждения Зорге о скором вероломном вторжении вермахта на территорию Советского Союза были обоснованы и подтверждались другими источниками. И, безусловно, учитывались, хотя и подвергались тщательной проверке на предмет возможности дезинформационной деятельности противника.

Одним из изданий, в котором содержатся подлинные шифровки Зорге об опасности войны, является вышедший в свет в 1997 году 18-й том из серии «Русский архив» — «Великая Отечественная. Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 1930–1940-е годы. Документы и материалы». Содержащиеся в этом сборнике сообщения Зорге во многом помогли автору этих строк при подготовке монографии «Японский фронт маршала Сталина» (2004), в которой среди прочего рассматривается и роль советской разведки в определении советским руководством политики и стратегии в отношении Японии в первый период Великой Отечественной войны.

В нынешнем году в нашей стране появился еще один сборник, который вместил в себя практически все доступные на сегодня-

шний день документальные материалы, касающиеся разведывательной деятельности Рихарда Зорге в Китае и Японии. Монография составлена российским японоведом, кандидатом исторических наук Андреем Фесюном и озаглавлена «“Дело Зорге”. Телеграммы и письма (1930–1945)». Для изучающих деятельность советского разведчика и просто интересующихся его подвигом читателей — это важное дополнительное подспорье, позволяющее не по слухам и домыслам, подчас злонамеренным, а на подлинных оригинальных документах составить представление о разведывательной деятельности великого антифашиста и воздать ему должное. Деятельности весьма сложной и опасной для жизни.

Итак, что же удавалось Зорге и его группе передавать из Токио в разведуправление Генштаба Красной армии о приближении нападения гитлеровской Германии на Советский Союз, а через Генштаб высшему руководству страны, включая И. В. Сталина?

Из сборника узнаем, что первая серьезная информация по этому поводу поступила от Зорге 11 апреля 1941 года. Резидент советской военной разведки Рамзай (Рихард Зорге) сообщал:

«Я узнал относительно щекотливых германо-советских отношений следующее: к человеку Гимmlера, по фамилии Губер, работающему в германском посольстве в Токио, приехал заместитель, который сказал Губеру, чтобы он выехал в Германию немедленно, так как новый человек полагает, что война между СССР и Германией может начаться в любой момент после возвращения Мацуока (министра иностранных дел Японии. — А. К.) в Токио. Германский морской атташе сообщил мне, что неожиданно получил приказание отправить сырье не через Сибирь, а на пароходах, оперирующих в южной части Тихого океана в качестве рейдеров. Но впоследствии от этого отказались, и он полагает, что напряженность между Германией и Советским Союзом уменьшилась. Германское посольство получило от Риббентропа телеграмму, в которой заявляется, что Германия не начнет войны против СССР, если она не будет спровоцирована Советским Союзом. Но, если она окажется спровоцированной, то война будет короткой и закончится жестоким поражением СССР. Немецкий генштаб закончил всю подготовку. В кругах Гимmlера и генштаба имеется сильное течение за то, чтобы начать войну против СССР, но это течение еще не имеет превосходства. Рамзай» (с. 333).

Напомним, что окончательное решение о проведении войны против СССР Гитлер принял к началу августа 1940 года. «Россия должна быть ликвидирована. Срок — весна 1941 года», — сказал фюрер 31 июля 1940 года на совещании руководящего состава вооруженных сил Германии.¹ Для достижения внезапности нападения была разработана целая программа дезинформации, введения противника в заблуждение по поводу намерений Берлина и сроков возможной войны, что объясняло противоречивость разведдонесений в Кремль из различных стран, включая Японию.

Хотя 13 апреля 1941 года в Москве был заключен Советско-японский пакт о нейтралитете, уверенности в Кремле в том, что японское руководство будет его соблюдать в случае нападения ее союзника — Германии на СССР, не было. 16 апреля начальник разведуправления Генштаба Красной армии ставит перед Зорге задачу:

«В связи с заключением пакта о нейтралитете между СССР и Японией, следите за внешнеполитическим курсом и военными мероприятиями японского правительства и командования. Сообщите конкретные мероприятия по экспансии Японии на Юг и по завершении войны с Китаем. Общественное мнение Японии. Взаимоотношения Японии с США и Англией. Что Вам известно о погрузке японских частей на корабли в Сибaura. Жду от Вас информации. Д.» (с. 335).

Вполне очевидно, что в Кремле был определенный расчет на то, что Токио, имея пакт о нейтралитете с СССР, с большей свободой действий сосредоточит свои военные усилия на завершении войны в Китае и противостоянии англо-саксонским государствам. И хотя бы в первое время не будет допускать чреватых большой войной провокаций на советско-маньчжурской границе.

По поводу реакции в Токио на заключение пакта о нейтралитете Зорге 16 апреля сообщал:

«Отто (Одзакэ Хоцуми. — А. К.) посетил Коноэ в тот момент, когда последний получил от Мацуока телеграмму относительно заключения пакта о нейтралитете. Все присутствовавшие, в том числе Коноэ, были чрезвычайно рады заключению пакта. Коноэ не-

¹ Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 2. М., 1969. С. 80.

медленно позвонил об этом военному министру Тодзио, который не высказал ни удивления, ни радости, ни гнева, но согласился с мнением Коноэ, что ни армия, ни флот, ни Квантунская армия не должны опубликовывать какое-либо заявление в отношении нового пакта. Во время обсуждения вопроса о последствиях пакта, вопрос о Сингапуре даже не поднимался. Главное внимание всех присутствовавших было сосредоточено на вопросе о том, как использовать пакт для ликвидации войны в Китае. Если Чан Кайши будет продолжать опираться на Америку, тогда было бы полезно обратиться еще раз к Америке с предложением достигнуть дружественного взаимопонимания с Японией в отношении Китая. Отто полагает, что вышеупомянутые пункты лягут в основу будущей внешней политики Японии. Коноэ заявил Отто, что он полагает, что между Мацуока и Осима (посол Японии в Германии. — А. К.) имела место стычка в Берлине, так как Осима прислал телеграмму, в которой выражает недовольство поведением Мацуока в Берлине. Когда Отто впоследствии спросил Коноэ прямо, как в отношении Сингапура, Коноэ ответил, что этим вопросом очень интересуются германский посол и другие люди. Как бы то ни было, Отто полагает, что в случае, если Англия будет терпеть дальнейшие поражения, как сейчас, то вопрос об атаке Сингапура снова встанет очень остро, и если не сейчас, то через некоторое время. Рамзай» (с. 335–336).

Добавим, что в отличие от политиков негативно относящиеся к каким-либо договоренностям с Советским Союзом японские военные круги не придавали пакту о нейтралитете особого значения. В «Секретном дневнике войны» Генштаба армии 14 апреля была сделана следующая запись:

«Значение данного договора состоит не в обеспечении вооруженного выступления на юге. Не является договор и средством избежать войны с США. Он лишь дает дополнительное время для принятия самостоятельного решения о начале войны против Советов».²

Понимая стратегическую важность «переключения» японской агрессии с северного на южное направление, имевший воз-

² Тайхэйсээнсо-э но мити (Путь к войне на Тихом океане). Т. 5. Токио, 1963. С. 66.

можность через близкого к премьеру Коноэ члена своей разведывательной группы Одзаки влиять на японскую политику и стратегию, Зорге предлагал «подталкивать» японцев к экспансии на юге, что объективно затрудняло одновременное выступление на севере, против СССР. 18 апреля 1941 года он пишет в Центр:

«Отто имеет некоторое влияние на Коноэ и других людей, и он может поднимать вопрос о Сингапуре как острую проблему. Поэтому я запрашиваю Вас — заинтересованы ли Вы, чтобы толкать Японию на выступление против Сингапура или нет. Я имею некоторое влияние на германского посла Отт и могу подталкивать или не побуждать его к оказанию давления на Японию в вопросе ее выступления против Сингапура. Если вы заинтересованы, то сделайте мне указания, как можно быстрее, относительно Ваших желаний. Рамзай» (с. 336).

Можно лишь недоумевать по поводу того, что Центр отверг это предложение Зорге. Кстати, это лишний раз опровергает распространявшиеся в 1990-е годы в российских СМИ абсурдные выдумки о том, что якобы японо-американскую войну... «организовал» Сталин и его спецслужбы. Шифровка в адрес Зорге из Москвы гласила:

«Вашей основной задачей является своевременно и достоверно сообщать обо всех конкретных мероприятиях японского правительства и командования в связи с заключением пакта с СССР, что конкретно ими делается по передислокации войск, откуда и какие части переводятся и куда сосредотачиваются. Влиять и подталкивать Коноэ и других влиятельных лиц в Вашу задачу не входит, и заниматься этим не следует» (с. 337).

Следующую важную информацию о приближавшемся нападении Германии на СССР Зорге направляет в Москву 2 мая 1941 года:

«Я беседовал с германским послом Отт и морским атташе о взаимоотношениях между Германией и СССР. Отт заявил мне, что Гитлер исполнен решимости разгромить СССР и получить европейскую часть Советского Союза в свои руки в качестве зерновой и сырьевой базы для контроля со стороны Германии над всей Европой. Оба, посол и атташе, согласились с тем, что после пора-

жения Югославии во взаимоотношениях Германии с СССР приближаются две критические даты. Первая дата — время окончания сева в СССР. После окончания сева война против СССР может начаться в любой момент так, что Германии останется только собрать урожай. Вторым критическим моментом являются переговоры между Германией и Турцией. Если СССР будет создавать какие-либо трудности в вопросе принятия Турцией германских требований, то война будет неизбежна. Возможность возникновения войны в любой момент весьма велика, потому, что Гитлер и его генералы уверены, что война с СССР нисколько не помешает ведению войны против Англии. Немецкие генералы оценивают боеспособность Красной Армии настолько низко, что они полагают, что Красная Армия будет разгромлена в течение нескольких недель. Они полагают, что система обороны на германо-советской границе чрезвычайно слаба. Решение о начале войны против СССР будет принято только Гитлером либо уже в мае, либо после войны с Англией... Рамзай» (с. 338–339).

Как видно из этого донесения, допускалась возможность начала военных действий против СССР «после войны с Англией». Можно ли было на основе такой взаимоисключающей информации делать окончательные выводы? Конечно нет! Однако была ли в этом какая-то «вина» Зорге? Опять-таки нет. Как и подобает серьезному разведчику, он передавал всю информацию, которую добывал, в том числе противоречивую. Выводы должны были делать в Москве.

Однако выводы было делать крайне трудно. Ведь в разведдонесениях, в частности от советской разведывательной сети в Европе «Красная капелла», содержался целый ряд дат предстоящего нападения Германии на СССР: 15 апреля, 1 мая, 20 мая и т. д. Существует немало оснований считать, что эти даты запускались в целях дезинформации германскими спецслужбами. Похоже, в Берлине действовали по известной притче о мальчике-пастушонке, который из шалости часто кричал: «Волки, волки!» Ему спешили на помощь, но никаких волков не было. Когда же волки действительно напали, взрослые, подумав, что мальчик опять балует-ся, на выручку не побежали.

Последовавшие сообщения от Зорге о сроках нападения Германии на СССР также не отличались определенностью. Допускалось, что война может и не начаться. Вот шифровка из Токио от 19 мая 1941 года:

«Новые германские представители, прибывшие сюда из Берлина, заявляют, что война между Германией и СССР может начаться в конце мая, так как они получили приказ вернуться в Берлин к этому времени. Но они также заявили, что и в этом году опасность может и миновать. Они заявили, что Германия имеет против СССР 9 армейских корпусов, состоящих из 150 дивизий. Один армейский корпус находится под командованием известного Райхенау. Стратегическая схема нападения на Советский Союз будет взята из опыта войны против Польши. Рамзай» (с. 342–343).

В этот же день Зорге передает:

«... Отт узнал, что в случае германо-советской войны Япония будет сохранять нейтралитет, по меньшей мере, в течение первых недель. Но в случае поражения СССР Япония начнет военные действия против Владивостока. Япония и германский ВАТ (военные атташе. — А. К.) следят за перебросками советских войск с востока на запад. Рамзай» (с. 343).

30 мая Зорге передал:

«Берлин информировал Отт, что немецкое наступление против СССР начнется во второй половине июня. Отт на 95% уверен, что война начнется... Причины для германского выступления: существование мощной Красной Армии не дает возможности Германии расширить войну в Африке, потому что Германия должна держать крупную армию в Восточной Европе. Для того чтобы ликвидировать полностью всякую опасность со стороны СССР, Красная Армия должна быть отогнана возможно скорее. Так заявил Отт. Рамзай» (с. 350–351).

Сообщение Зорге об информировании Берлином своего посла в Японии о времени нападения на СССР вызывает определенные сомнения. Гитлер, запретив строго-настрого сообщать японцам что-либо о плане «Барбаросса», едва ли мог доверить своим дипломатам в Токио в высшей степени важную информацию без опасения ее утечки. Дату нападения на СССР Гитлер скрывал даже от своего ближайшего союзника — Муссолини. Последний узнал о вторжении германских войск на территорию СССР лишь утром 22 июня, еще находясь в постели.

Хотя сообщение Зорге о вероятности германского наступления «во второй половине июня» было верным, могли ли в Кремле полностью полагаться на мнение германского посла в Токио? Тем более что незадолго до этого, 19 мая, Зорге передавал, что «в этом году опасность может и миновать». О том, что посол Отт черпал информацию о войне Германии против СССР не из официальных источников из Берлина, а у посещавших Токио немцев, свидетельствует шифровка Зорге от 1 июня 1941 года. Текст сообщения гласил:

«Ожидание начала германо-советской войны около 15 июня базируется исключительно на информации, которую подполковник Шолл(ь) привез с собой из Берлина, откуда он выехал 3 мая в Бангкок. В Бангкоке он займет пост военного атташе. Отт заявил, что он не мог получить информацию по этому поводу (о начале советско-германской войны. — А. К.) непосредственно из Берлина, а имеет только информацию Шолла. В беседе с Шоллом я установил, что немцев в вопросе о выступлении против Красной Армии привлекает факт большой тактической ошибки, которую по заявлению Шолла сделал СССР. Согласно немецкой точке зрения, тот факт, что оборонительная линия СССР расположена, в основном, против немецких линий без больших ответвлений, составляет величайшую ошибку. Он поможет разбить Красную Армию в первом большом сражении. Шолл заявил, что наиболее сильный удар будет нанесен левым флангом германской армии. Рамзай» (с. 351–352).

Едва ли нужно разъяснять, что в Москве не могли полагаться на информацию немецкого подполковника, тем более военного дипломата, связанного с разведкой, причем в третьеразрядной стране, а не с разработкой оперативно-стратегических планов. Тем не менее сведения привлекли внимание Центра. У Зорге запросили разъяснений, а именно ему надлежало сообщить: 1) «более понятно сущность большой тактической ошибки, о которой вы сообщаете» и 2) «ваше собственное мнение о правдивости Шолла насчет левого фланга» (с. 352). Резидент советской разведки телеграфирует 15 июня 1941 года в Центр:

«Германский курьер... сказал военному атташе, что он убежден, что война против СССР задерживается, вероятно, до конца июня.

Военный атташе не знает — будет война или нет. Я видел начало сообщения в Германию, что в случае возникновения германо-советской войны, Японии потребуется около 6 недель, чтобы начать наступление на советский Дальний Восток, но немцы считают, что японцы потребуют больше времени потому, что это будет война на суше и море (конец фразы искажен). Рамзай» (с. 353–354).

Наиболее определенными были сведения, которые Зорге направил в Москву за два дня до нападения, 20 июня. Он сообщал:

«Германский посол в Токио Отт сказал мне, что война между Германией и СССР неизбежна... Германское военное превосходство дает возможность разгрома последней большой европейской армии, также хорошо, как это было сделано в самом начале... (искажение) потому, что стратегические оборонительные позиции СССР до сих пор еще более небоеспособны, чем это было в обороне Польши. Инвест (Одзакэ Хоцуми. — А. К.) сказал мне, что японский генштаб уже обсуждает вопрос о позиции, которая будет занята в случае войны. Предложения о японо-американских переговорах и вопросы внутренней борьбы между Мацуока, с одной стороны, и Хиранума — с другой, застопорились потому, что все ожидают решения вопроса об отношениях СССР Германии. Рамзай» (с. 355).

Недооценивать важность этого сообщения нельзя, но ведь дата нападения, как это принято считать, названа не была. Следует иметь в виду, что из Токио поступала и другая информация. Так, например, советской разведкой была перехвачена телеграмма военного атташе посольства Франции (Виши) в Японии, который сообщал: «Снова ходят настойчивые слухи о скором нападении Германии на Россию. Многие японские дипломаты, известные своей сдержанностью, дают понять, что некие события, последствия которых будут очень важными для будущей войны, произойдут примерно 20 июня 1941 г.».³ Здесь срок указывается, но тут же допускается, что речь может идти «либо о нападении на Англию, либо о нападении на Россию».

³ Русский архив. Т.18. Великая Отечественная. Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30–40-е годы. Документы и материалы. М., 1997. С. 182.

Тщательно изучивший поступавшую накануне войны в Москву разнообразную информацию известный советский историк профессор Вилнис Сиполс приходит к выводу: «Даже к середине июня 1941 г. в СССР, как и в других странах, не было точной и достаточно полной информации о намерениях Германии. Вплоть до 21 июня поступали сведения, дававшие основания для надежды, что нападение все еще можно предотвратить. Встает вопрос: не выглядела ли та дезинформация, которая поступала в Москву, гораздо весомее, убедительнее, чем те отчасти правильные, но неполные, чаще всего отрывочные и противоречивые сведения, которые были собраны нашими органами, добывавшими информацию о германских планах?».⁴

Однако, хотя точная дата нападения и не была известна, даже на основе имевшейся информации Кремль должен был привести войска в полную боевую готовность все же раньше, чем это было сделано. Тем более что, как справедливо указывал активный участник войны генерал армии Валентин Варенников, Сталин еще за месяц до войны предупредил: «Мы можем подвергнуться внезапному нападению». Так что вопросы остаются...

Небезынтересную версию событий дал германский историк Ф. Фабри, который, касаясь известного сообщения ТАСС от 13 июня 1941 г., пишет: «Советская историография во времена «десталинизации» подвергла Сталина из-за этого сообщения резкой критике: она усмотрела в нем свидетельство доверчивости и наивности Сталина, который якобы серьезно рассчитывал на то, чтобы этим доказательством своей доброй воли удержать Гитлера от поспешных мер. Но если изучить этот документ обстоятельно, то видны совсем иные расчеты. Ведь Кремль открыто дал Гитлеру понять, что он имеет сведения о развертывании германских войск, что он принял контрмеры, но что он, если Германия пожелает, согласен начать переговоры, которые, естественно, имели бы единственную цель — выиграть время».⁵ О том, что Сталин отнюдь не был наивным, свидетельствовали его враги. Так, например, Геббельс записал в своем дневнике: «Сталин — реалист до мозга костей».⁶

⁴ Советская Россия. 15 июля 2003 года.

⁵ Там же.

⁶ Запись в дневнике Йозефа Геббельса от 22 марта 1945 г.: Независимое военное обозрение. 8 февраля 2002 года.

Но вернемся к Зорге и его подвигу разведчика. Как известно, после германского вторжения для Кремля критически важной становилась информация о том, какую позицию займет союзница Германии — милитаристская Япония. После подтверждения подлинности сообщений Зорге о приближении германского нападения в Москве доверие к своему резиденту в Японии возросло. Уже 26 июня он посылает радиограмму:

«Выражаем наши лучшие пожелания на трудные времена. Мы все здесь будем упорно выполнять нашу работу. Мацуока сказал германскому послу Отту, что нет сомнений, что после некоторого времени Япония выступит против СССР. Рамзай» (с. 359).

Хотя усилиями стремившихся угодить Хрущеву журналистов и публицистов в основную заслугу Зорге записывались именно предупреждения о надвигавшемся вероломном нападении гитлеровской Германии на Советский Союз, в действительности же его главным подвигом было своевременное вскрытие японских стратегических планов и информирование Кремля о переносе японского нападения на СССР с лета — осени 1941 года на весну следующего года.

23 июня 1941 г. Зорге получил приказ из Москвы: «Сообщите Ваши данные о позиции Японского правительства в связи с войной Германии против Советского Союза. Директор» (с. 357). Уже через день, 25 июня, советский разведчик докладывает:

«Из разговоров моих и работников с японцами установил:

1. Для простого народа и интеллигенции выступление Германии против СССР было полной неожиданностью. Они рассказывали, что когда банковские служащие Йокогамы узнали об этом событии, то многие из них говорили: «Пришло такое время, что если призовут в армию, то не будем знать, на кого направлять ружье, ибо непонятно, кто враг, а кто друг».

2. Эта категория людей ясно понимает, что наступающей стороной является гитлеризм, порвавший договор, как простую бумажку, а отсюда — верить Гитлеру нельзя.

3. Оценивая взаимоотношения Японии и СССР, простой народ и интеллигенция говорят: Япония не может воевать против СССР, от этой войны она не может получить ничего, следовательно, воевать в пользу Германии могут только дураки. Мы получили эконо-

мические выгоды от торговли на основании заключенных договоров. Мы воюем уже четыре года, мы устали, денег нет, все дорого и ничего нет, зарплата уже почти не обеспечивает прожиточного минимума. Это ярко показала йокогамская демонстрация в мае против закрытия порта, где было арестовано 300 чел.

4. На усиленно развернувшуюся пропаганду немцев, которая заполняет газеты до 75% всех статей, простые люди читают и удивляются: «Как Германия сильна — 2 000 самолетов сбила!», верят в написанное. Люди, способные мыслить, говорят: здесь от 50% до 5%.

5. Немецкая ложь и демагогия проводятся на основе защиты интересов всего мира против коммунизма.

6. Генералы Араки и Сида с прогнозами современной войны по-детски заявляют, что Германия разобьет СССР в два — три месяца. Соотношение сил строится арифметически, без политического анализа, без анализа запасов стратегического сырья и промышленных мощностей, следовательно, прогнозы звучат неубедительно и наивно, но народ, читая их, верит, что немцы сильнее.

7. Правительство уже три дня совещается и не может принять решения по вопросу своего отношения к войне, есть слухи, что они хотят протянуть недели три и приглядеться к войне, какое она примет направление. В правительстве сейчас идет очень сложная борьба — проангличане и проамериканцы были яркими противниками СССР, под впечатлением речи Черчилля как будто меняют свои взгляды. Определить позицию правительства сейчас очень трудно. Народ верит, что будет принято решение — в войну не вступать. Военщина не высказывает своего мнения по этому вопросу.

8. Американцы и англичане рады сложившейся обстановке и заявляют, что «теперь мы с Вами будем сотрудничать по всем вопросам».

9. Немцы нервничают, недовольны неопределенностью позиции правительства. Всеми силами стремятся втянуть Японию в войну. В ход пущены все средства фашистской клеветы и демагогии.

Вывод: Народ всем своим существом не хочет войны и будет бороться против, несмотря на жестокий полицейский режим. Правительству доверять нельзя, оно может пойти на самые неожиданные шаги, даже вопреки здравому учету внутренней обстановки» (с. 357–359).

Наряду с существованием сторонников удара (после прояснения обстановки в германо-советской войне) по Советскому Союзу, в японском руководстве присутствовали и политики, считав-

шие необходимым, не откладывая, двигаться в южном направлении для овладения странами Юго-Восточной Азии, богатыми природными ресурсами, необходимыми для продолжения войны. Зорге сообщал в Москву о развернувшейся в высших эшелонах власти Японии полемике о выборе первоначального продвижения — на север или юг. 28 июня он доносил:

«Решение о движении на Сайгон было принято под давлением радикальных элементов, которые требовали действий, но при условии избежания конфликта с Америкой и, во-вторых, чтобы выиграть время в течение германо-советской войны. Источник Инвест утверждает, что как только Красная Армия получит поражение, Япония выступит на север, но указал, что Япония желает купить Сахалин мирным путем, как случай (два слова искажены) ... политики в период советско-германской войны. Германский посол Отт подтверждал в отношении первой части этого, но Мацуока на вопрос Отт в отношении второй части сказал, что Япония выступит против СССР, как он об этом всегда заверял его. Затем Мацуока сказал послу Отт, что император согласился на движение в Сайгон еще некоторое время тому назад и что это не может быть изменено в данное время. Поэтому Отт понял, им (? — А. К.) Япония не выступит на север сейчас. Инвест сказал, что прибытие генерала Ямасита (из Берлина. — А. К.) будет иметь большое влияние на выступление Японии на юг или север, но само решение о выступлении даже Ямасита изменить уже не сможет. Прибытие Сигэмицу и переговоры в Вашингтоне будут также иметь некоторое влияние на дальнейшие решения. Американский ответ в отношении сближения прибыл удовлетворительный, но еще не известен, но утверждают, что ответ, в общем, касается Китая и что Япония получает большое экономическое преимущество в Китае, если она не будет претендовать на южные моря и расторгнет пакт трех держав. Инвест скоро будет иметь более полную информацию» (с. 362–363).

Тем временем всерьез обеспокоенная возможным нападением Японии на СССР Москва продолжала требовать от своего резидента в Токио сообщать о «решении, принятом японским правительством в отношении нашей страны в связи с войной между СССР и Германией, и немедленно информировать «о случаях перебросок войск (к) нашим границам» (с. 363). Сообщение из Токио от 30 июня 1941 г.:

«Известиям имел неофициальную встречу 29 июня с подполковником Хаяси (Сабуро. — А. К.) — начальником русского бюро 2-го отдела генштаба. Хаяси имел задание от начальника генштаба прощупать нашу позицию в отношении Японии. Начав беседу, сказал: начальник генштаба очень обеспокоен последними перелетами через границу Ваших самолетов в районе Ворошилова, причем, люки дотов были открыты, не означает ли это подготовки войны СССР против Японии? Перелет японского летчика — полковника Аоки — в этот район имел целью проверить, не подготавливается ли здесь угроза против Японии. Все военные в Японии думают, что правительство Японии должно занять нейтралитет по отношению к СССР. Договор с Германией для нас не имеет реальной силы. Мы должны закрепиться в Китае. Мы воюем 5 лет, воевать нам хватит. В заключение сказал: «Я передам начальнику генштаба, что СССР воевать против Японии не намерен. Перелеты через границу являются результатом беспокойства за соседа, не собирается ли он напасть». Вывод: Хаяси правильно отразил настроение основной массы офицерства, но есть среди военщины много сторонников того, чтобы ввязаться в войну. Доверять ни в коем случае нельзя, ибо сейчас даже Коноэ (премьер-министр. — А. К.) не может сказать, как разовьются события в ближайшее время. Немцы приводят всю систему японского государственного аппарата в лихорадочное состояние. Могут соблазниться обещаниями немцев и объявить нам войну. Икар» (И. В. Гущенко — резидент, военный атташе СССР в Японии, полковник) (с. 364).

Некоторая определенность относительно политики Японии в отношении Советского Союза наступила 2 июля 1941 г. после решений Императорского совещания («Годзэнкайги»). В принятом этим совещанием высшего японского военно-политического руководства в присутствии императора Хирохито совершенно секретном документе «Программа национальной политики империи в соответствии с изменением обстановки», в частности, указывалось: «Если германо-советская война будет развиваться в направлении, благоприятном для нашей империи, мы, прибегнув к вооруженной силе, разрешим северную проблему и обеспечим безопасность северных границ».⁷

⁷ См. подробнее: Кошкин Анатолий. Японский фронт маршала Сталина. М., 2004. С. 114–137.

Этим решением вооруженное нападение на СССР было утверждено в качестве одной из основных военных и политических целей империи. Приняв это решение, японское руководство, по сути дела, отбросило подписанный лишь два с половиной месяца назад советско-японский пакт о нейтралитете. Выступавший обычно на Императорских совещаниях от имени японского монарха председатель Тайного совета Хара Ёсимити заявил 2 июля при обсуждении политического курса в отношении СССР:

«Я полагаю, все из вас согласятся, что война между Германией и Советским Союзом действительно является историческим шансом Японии... Я с нетерпением жду возможности для нанесения удара по Советскому Союзу. Я прошу армию и правительство сделать это как можно скорее. Советский Союз должен быть уничтожен».⁸

Присоединение Японии к войне против СССР еще более усложнило бы военное положение Советского Союза, которое и без того было близким к критическому. Понимая это, Зорге приложил максимальные усилия для получения сведений о ближайших планах Токио. И это ему удалось. 3 июля 1941 г., на следующий день после Императорского совещания, он сообщил в Москву, что Япония может вступить в войну (против СССР. — А. К.) не позднее чем через 6 недель.

«...Германский военный атташе сказал мне, что японский Генштаб наполнен деятельностью с учетом наступления немцев на большого противника и поражения Красной Армии. Он думает, что Япония вступит в войну не позднее как через 5 недель. Наступление японцев начнется на Владивосток, Хабаровск и Сахалин с высадкой десанта со стороны Сахалина на Советском побережье Приморья. Общее настроение народа против действий Германии и присоединения Японии. Ваша дипломатическая деятельность должна быть значительно сильнее, чем это делается другой стороной. Источник Инвест думает, что Япония вступит в войну через 6 недель. Он также сообщил, что японское правительство решило остаться верным пакту трех держав, но будет и придерживаться пакта о нейтралитете с СССР. Решено послать три дивизии в Сай-

⁸ Тайхэйёсэнсо-но мити. С. 463–469.

гон, Индо-Китай. Даже Мацуока голосовал за это, который перед этим был за ориентацию (нападение. — А. К.) на СССР. Источники Итери и Ирако сказали, что слышали в отношении укрепления Восточной границы некоторым количеством войск из Северного Китая, а также усиления войск на Хоккайдо. Возвращенная в Киото дивизия будет направлена на север», — информировал Зорге (с. 364–365).

К сообщениям Зорге в Москве стали относиться со всей серьезностью. При докладе его донесений высшему советскому руководству стали появляться примечания о высокой степени достоверности информации этого разведчика. На сообщениях из Токио, в которых подтверждалась опасность японского нападения на СССР в августе, Разведывательное управление Генерального штаба Красной армии делало следующее примечание: «Учитывая большие возможности источника и достоверность значительной части его предыдущих сообщений, данные сведения заслуживают доверия».

Требования Мацуока незамедлительно нанести удар в тыл Советского Союза на востоке противоречили выбранной стратегии «спелой хурмы» — ожидания, когда СССР, подобно спелому плоду, сам падет к ногам Японии, что потребовало его вывода из кабинета министров. Для этого правительство было распущено и 18 июля 1941 г. был создан третий кабинет Коноэ, где пост министра иностранных дел и колоний был отдан Тоёда Тэйдзиро. По этому поводу Зорге информировал Москву:

«Германский посол Отт послал телеграмму Риббентропу в отношении нового кабинета Коноэ, указывая, что кабинет, безусловно, базируется на Германию. Новым было то, что Мацуока был прогерманец. Отт высказал, что основная политика не изменилась, но темп вступления в войну очень медленный. Одновременно Отт выразил полную уверенность, что новый кабинет за вступление в войну. Так или иначе, для Отт теперь имеется значительно больше трудностей в связи с тем, что новый кабинет значительно равнодушней в отношении Германии, чем прежний кабинет с Мацуока. ИНСОН» (с. 365–366).

В тот же день в Центр была направлена еще одна телеграмма из Токио:

«Источник Инвест сказал, что последняя очередь призванных в армию 900 000 чел. Будут готовы к отправке в середине августа месяца, но 500 000 из них будут (искажено). Первая дивизия уже проследовала через Ниигату и Цуругу. Однако начало войны зависит от позиции американцев и успехов Германии. ИНСОН» (с. 366).

11 августа, когда подготовка к нападению на СССР по плану «Кантокуэн» достигла апогея, Зорге предупреждал: «Прошу вас быть особо бдительными, потому что японцы начнут войну без каких-либо объявлений в период между первой и последней неделей августа. ИНСОН» (с. 369). Это предупреждение подтверждалось фактами. В тот же день Рихардом Зорге было отправлено еще несколько шифровок. В них сообщалось:

«Источник Инвест узнал, что в японском генштабе считают район рек Зей — Бурея, как слабый пункт обороны Красной армии. Поэтому в этом направлении может начаться наступление. При всеобщем наступлении удар будет наноситься в направлении Владивостока. ИНСОН».

«Источник Инвест сообщил: По мобилизации в Японии признано (здесь описка — призвано. — А. К.) 900 000 человек. Из числа призванных 200 000 предназначены в Квантунскую армию. 350 000 остаются в Японии и 350 000 предназначены в Китай. Решение о призыве последующих 500 000 человек еще не принято. ИНСОН».

«В течение первых дней войны Германии и СССР японское правительство и генштаб решили подготовить войну, поэтому провели большую мобилизацию. Однако после 6 недель войны руководители Японии, готовящие войну, видят, что наступление германской армии задерживается, и значительная часть войск уничтожена Красной Армией. Позиция Америки становится все более антияпонской. Усиливается экономическая блокада Японии, но японский генштаб совсем не собирается распускать обратно мобилизованных. В генштабе уверены, что в ближайшее время последует окончательное решение, тем более что уже приближается зима. Ближайшие две — три недели окончательно определяют решение Японии. Возможно, что генштаб примет решение на выступление без предварительной консультации с правительством. Германский посол Отт узнал, что под предлогом избежания войны японское

министерство иностранных дел потребует от правительства СССР удовлетворения максимальных своих претензий. ИНСОН».

«По данным Инвеста и Интари, большинство войск, посылаемых в Китай, направляется в южную часть, с целью усиления напряженности с Америкой и возможности действий против голландской Индии. Эти сведения нуждаются в проверке. ИНСОН» (с. 368–370).

Несмотря на то, что группа Зорге работала в буквальном смысле слова «на износ», когда интенсивность радиопередач с большой степенью вероятности могла привести к ее раскрытию, Центр, подгоняемый требованиями высшего руководства страны, не заботясь в должной мере о безопасности разведгруппы, настаивал на большем. На шифровках из Токио появлялись резолюции: «Инсон может и должен давать больше и чаще материала, чем он дает сейчас, и более конкретно» (с. 366).

Понять нетерпение и требовательность Центра можно. Ведь речь шла без преувеличения о судьбе страны и народа, ибо опасность для СССР одновременной войны на два отдаленных фронта от друга фронта, с одной стороны, и крайняя необходимость дальневосточных и сибирских дивизий на советско-германском фронте — с другой, делали информацию из Токио поистине жизненно важной. Однако, конечно же, Зорге и его товарищи не заслуживали упреков. Именно их информация ложилась на стол И. В. Сталина и других высших руководителей СССР. В значительной степени из сообщений Зорге составлялись разведсводки для Кремля. Так, в спецсообщении Разведуправления Генерального штаба Красной армии от 11 августа 1941 г. № 661208 «Подготовка Японии к войне против СССР. Оценка немцами нового кабинета Коноэ» советскому политическому руководству и верховному командованию докладывалось:

«По агентурным данным из Токио, заслуживающим доверия, немецкий посол в Японии Отт в своей телеграмме Риббентропу оценивает новый кабинет Коноэ, как, безусловно, ориентирующийся на Германию. Далее говоря о том, (что) основная политика японского правительства не претерпела никаких изменений, Отт выразил полную уверенность в том, что новый кабинет стоит за вступление Японии в войну против СССР, однако темп вступления в войну, по мнению Отт, крайне медленный. Переброска и сосредоточение японских войск в Маньчжурии. Поступающие от источ-

ников РУ Генштаба сведения подтверждают наличие массовых перебросок японских войск из метрополии в Маньчжурию. Как уже докладывалось в спецсообщении от 2 августа № 661132сс, в маньчжурских и корейских портах в период с 25 июля по 3 августа отмечалась высадка большого количества войск. Сейчас агентурой установлено, что за указанный период времени (в) портах Фузан, Дайрен, Порт-Артур и Юки высадилось до пяти пехотных дивизий, кав. Бригада, два танковых полка, два отдельных арт. полка, зенитный арт. полк и армейский моторизованный понтонный парк. Эти данные подтверждаются также личным наблюдением работников РУ Генштаба, находящихся в Маньчжурии, и данными радиоразведки. С 1 по 10 августа установлено прибытие в Маньчжурию новых пяти пех. дивизий, кав. бригады и частей усиления. Кроме того, отмечается прибытие транспортов с войсками в Дайрен и Порт-Артур. Количество высадившихся войск после 3 августа пока не установлено. Судя по срокам прибытия новых частей в районы сосредоточения (в) Маньчжурии и Кореи, следует считать, что они относятся к войскам, высадка коих отмечалась в Дайрене и других портах в период с 25 июля по 3 августа.

Выводы:

1. Японское правительство продолжает проводить усиленную подготовку к вступлению в войну против СССР. Произошедшее за последние 10 дней значительное увеличение количества японских войск против СССР позволяет предполагать, что к середине августа японцы в основном закончат сосредоточение своих войск. Неясность положения в районе Южных морей и незавершенность войны в Китае не позволяет японцам в начальный период войны развернуть против СССР из имеющихся 72 пех. дивизий более 40–45 пех. дивизий.
2. Растянутость сроков сосредоточения и сравнительно небольшой темп перебросок японских войск из метрополии в Маньчжурию, видимо, объясняются желанием японского командования обеспечить скрытность сосредоточения группировки войск против нас» (с. 371).

Продолжая информировать Центр о перебросках японских частей на континент, Зорге внимательно отслеживал изменения в настроениях японского руководства относительно перспектив советско-германской войны. 12 августа он доносил: «Немцы ежедневно дают на Японию за вступление в войну. Факт, что нем-

цы не захватили Москву к последнему воскресению, как это они обещали высшим японским кругам, понизило энтузиазм японцев. ИНСОН» (с. 373).

И в этот же день:

«С целью воздействия на Японию, чтобы она выступала, Риббентроп присылает ежедневно телеграммы. По этому поводу имелись разговоры с генералами Доихара и Окамура. Посол Отт думает, что японцы выжидают момента, пока Красная Армия ослабнет, так как без этих условий вступление в войну будет не безопасно, тем более что их ресурсы горячего очень малы. ИНСОН» (с. 373–374).

И третья телеграмма, в один и тот же день, 12 августа 1941 года:

«Военный атташе германского посольства в Токио совершил поездку в Корею и Маньчжурию и сказал мне, что шесть дивизий прибыли в Корею для возможного наступления на Владивосток. В Маньчжурию прибыли 4 дивизии. ВАТ (военный атташе. — А. К.) точно узнал, что японские силы в Маньчжурии и Корее вместе насчитывают 30 дивизий. Подготовка к операциям закончится между 20-м числом и концом августа месяца, но ВАТ лично телеграфировал в Берлин, что решение на выступление японцев еще не принято. Если Япония выступит, то первый удар будет нанесен на Владивосток, куда и нацелено большинство японских сил. Против Благовещенска направлены 3 дивизии. ИНСОН» (с. 374).

С использованием в основном информации Зорге высшее руководство СССР было проинформировано Разведуправление Генерального штаба Красной армии в спецсообщении от 13 августа 1941 года:

«О предстоящем нападении Японии на Советский Союз. По агентурным данным из Токио, заслуживающим доверия, во второй половине августа следует ожидать нападения Японии на Советский Союз без объявления войны. Источник сообщает: «Прошу вас быть тщательно бдительными потому, что японцы начнут войну без каких-либо объявлений в период между первой и последней неделей августа мес.». Несмотря на отсутствие окончательного решения японского правительства о времени выступления против

СССР, источники РУ допускают возможность принятия такого решения Генштабом без предварительной консультации с правительством. По данным нашего источника, японский Генштаб считает район между реками Зейя и Бурей (благовещенского направления) наиболее слабым участком обороны Красной армии. Поэтому военные действия могут начаться наступлением в этом районе. При этом главный удар Японская армия будет наносить в Приморье, в сторону Владивостока. По данным этого же источника, германскому послу в Японии ОТТ известно, что японское министерство иностранных дел потребует от Советского правительства удовлетворения своих максимальных претензий» (с. 374–375).

Но Центр продолжал требовать от своего резидента в Токио все больше информации, причем детальной. 13 августа руководитель Разведуправления Генштаба направляет Зорге телеграмму такого содержания:

«В Токио т. Инсону (Рамзаю)

Благодарю за последнюю информацию. Прошу Вас информировать меня по следующим вопросам:

Сколько сформировано новых японских дивизий, и какие их номера. Сколько японских дивизий расположены в Маньчжурии по состоянию на 15 августа и их номера. Какие японские дивизии переброшены из Китая в Маньчжурию. Какие дивизии расположены в районе Бейпин — Тяньцзин. Прошу более точно информировать о дате начала выступления японцев. Директор» (с. 376).

Добыть точную дату японского вторжения на территорию Советского Союза Зорге не удалось. Но, как отмечалось выше, он называл в качестве вероятного варианта срока нападения последнюю неделю августа. И эти сведения соответствовали разработанному японским Генеральным штабом армии плану войны против СССР — «Кантокуэн» («Особые маневры Квантунской армии»). Зорге почти точно указал срок японского вероломного нападения. Как стало известно после войны, принятие решения о начале войны было запланировано на 10 августа, а начало японского наступления — на 29 августа 1941 года.⁹

⁹ Дайхонъэй рикугунбу 2 (Секция сухопутных сил императорской ставки. Часть 2). Токио, 1968. С. 22–23.

Тем временем Зорге продолжал объективно информировать Москву о складывавшейся ситуации. 15 августа он сообщал:

«Германский военный атташе уверен, что в связи с успехом германских войск на Украине, безусловно, последует новый удар на Ленинград и новое наступление на Москву. Захват этих двух городов крайне необходим, с целью воздействия на Японию. Он сказал, что созданные немцами воздушные дивизии еще не использованы. Он думает, что эти дивизии будут использованы для захвата Ленинграда, Москвы и Бакинского нефтяного района. ВАТ думает, что успехи немцев на юге начали оказывать свое влияние на японский генштаб. ИНСОН» (с. 377).

Группа Зорге оставалась основным источником информации о планах и мероприятиях японского правительства и командования. В спецсообщении Разведуправления Генерального штаба Красной армии высшему руководству страны от 20 августа 1941 г. докладывалось:

«1. Требования Германии об ускорении выступления Японии против СССР. По агентурным данным, заслуживающим доверия (группа Зорге. — А. К.), немцы проявляют недовольство длительным выжиданием и задержкой вступления Японии в войну против СССР. В связи с этим немецкий посол в Японии Отт за последнее время усилил нажим на японское правительство, требуя от последнего скорейшего выступления против СССР.

2. Переброска и сосредоточение японских войск в Маньчжурии и Корее. По данным источников РУ Генштаба, продолжает отмечаться прибытие новых японских частей в Маньчжурию и Корею. В период с 10 по 20 августа в Маньчжурию и Корею прибыло до четырех пех. дивизий, два арт. полка АРГК на мехтяге... За период с 10 по 20 августа группировка японских войск в Маньчжурии и Корее увеличилась на пять пехотных дивизий и два арт. полка АРГК...

Выводы:

1. Японское правительство под давлением немцев и военных кругов Японии форсирует подготовку к вступлению в войну против СССР. Окончательное решение о сроках выступления Японии пока не принято, однако, по агентурным данным, нападение на Советский Союз возможно в течение августа.

2. Сосредоточение японских войск в Маньчжурии и Корее в основном следует считать законченным. Однако японцы имеют возможность в ближайшее время дополнительно перебросить из Китая в Маньчжурию еще до 10 пех. дивизий. Японское командование, воспользовавшись создавшейся обстановкой, произвело скрытую переброску значительного количества войск и воинских грузов на материк. Это мероприятие в большой степени разрешило остроту проблемы перебросок японской армии, которая бы встала с началом военных действий.

3. Основная группировка японских войск (пятнадцать пех. дивизий, семь танковых полков, девять арт. полков АРГК) сосредоточена в направлении Приморья, где, видимо, японцы предполагают наносить главный удар. Наряду с этим имеет место также усиление группировки японских войск и в сторону Забайкалья / Хайларское и Солуньское / направления» (с. 379–380).

Понимая, насколько важна информация о намерениях Японии в отношении СССР, Зорге направлял в Москву по несколько шифровок в день. Так, 23 августа он передал три сообщения.

«Инвест сообщил, что (генералы) Доихара и Тодзио (военный министр. — А. К.) считают, что для Японии еще не наступило время вступать в войну. Немцы очень недовольны таким поведением Японии. Коноэ указал Умэдзу, чтобы избежать каких-либо провокационных действий. Одновременно обсуждение вопросов оккупации Таи и затем Борнео, в правительственных кругах происходят более серьезно, чем это было раньше. Работник Гаймусё (Министерство иностранных дел) сказал, что, учитывая явно антияпонскую позицию Америки, вступление Японии в войну в текущем году может и не быть, хотя этот вопрос еще не решен. ИНСОН».

«Итери слышал от секретаря Угаки, что из мобилизованных 1-й и 3-й очереди 200 000 солдат направлены в Маньчжурию и Сев. Корею (это почти такое же число, как сказал германский ВАТ). В Маньчжурии теперь 25–30 пехотных дивизий, включая и находящиеся там 14 старых пехотных дивизий. 350 000 солдат будут посланы в Китай. 400 000 останется на островах. Много солдат одевают в шорты, короткие шаровары специально для жарких стран, поэтому можно предполагать, что значительная часть будет направлена и на юг. ИНСОН».

«16-я пех. дивизия из Киото в июле убыла в Маньчжурию. Инвест узнал, что мобилизация 3-й и 4-й очередей должна быть, но даты начала еще до сих пор неизвестны. Немцы доносят, что переброски японских войск к северным границам происходит очень медленно и что сосредоточение главных сил может ожидаться только к концу августа. Главный удар будет наноситься на Владивостокский сектор силами 13–15 пех. дивизий. ИНСОН» (с. 380–381).

29 августа, в день предполагавшегося вторжения японских войск на территорию СССР, на стол Сталина легло очередное спецсообщение Разведуправления Генштаба Красной Армии, основанное главным образом на информации «группы Рамзая»:

«Разногласия в правящих кругах в Японии о сроках нападения на Советский Союз.

По агентурным данным из Токио, заслуживающим доверия, в связи с более решительной политикой США в отношении Японии, внутри японского правительства за последнее время усилилась борьба между сторонниками немедленного вступления в войну на острове (стороне. — А. К.) Германии и группировкой, отстаивающей политику выжидания. Причем, точку зрения последних, якобы поддерживает Коноэ. По этому вопросу нет единства и в самой армии. В руководящих кругах армии и флота также существуют две группировки: одна, начальника военного департамента (управления. — А. К.) военного министерства генерал-майора Муто и других, требует немедленного выступления против Советского Союза, а другая, опирающаяся в основном на командование японскими войсками в Китае и морской флот, стоит за активные действия в районе Южных морей. Немцы проявляют большое недовольство медлительностью вступления Японии в войну против СССР и по-прежнему продолжают нажим на японское правительство. В подтверждение позиции, занимаемой Коноэ, источники РУ сообщают, что Коноэ дал указание командующему Квантунской армией генералу Умэдзу избегать каких-либо провокационных действий на границе Советского Союза. По мнению военного министра Тодзио, время для вступления Японии в войну с СССР еще не наступило, тем не менее, усиление группировки японских войск против нас продолжается. За два месяца советско-германской войны японское коман-

дование больше чем в два раза увеличило количество своих войск в Маньчжурии и Корее. Вместо имевшихся на 22.6 12 пех. дивизий, 6 танковых полков, 12 арт. полков АРГК, 23 боевых авиаотрядов, на 29.8. В Маньчжурии и Корее сосредоточено 28 пех. дивизий, 12 танковых полков, 20 арт. полков АРГК, 35 боевых авиаотрядов и другие спец. части, общей численностью около одного миллиона человек, 5 000 орудий всех калибров, до 1 000 танков и около 1 500 самолетов (из них, ориентировочно, истребителей 470, бомбардировщиков около 600, разведчиков 150 и не укомплектованного типа 280). Наряду с этим происходит увеличение количества японских войск в Индокитае, где на 29.8 сосредоточено 3–4 пех. дивизии, численностью 70–80 тысяч человек. Кроме того, имеются данные о предстоящей дополнительной мобилизации в Японии резервистов 3 и 4 очередей, общей численностью 300–400 тысяч человек. Таким образом, бесспорным является то, что значительное усиление группировки японских войск в Маньчжурии и Корее предпринято для нападения на Советский Союз. Имеющиеся разногласия внутри японского правительства о сроках вступления Японии в войну против нас, видимо, объясняются желанием группировки Коноэ выждать наиболее благоприятного для нападения момента» (с. 382–383).

Опубликованные в послевоенный период японские документы и исследования историков, в том числе советских и российских, подтверждают удивительную точность сообщений Рихарда Зорге и правильность обобщений и выводов докладов Разведуправления Генштаба Красной армии о подготовке японского командования к нападению на СССР и существовавших разногласиях по поводу выбора момента для удара. Важны были сообщения и о том, что альтернативой выступлению на севере было открытие военных действий на юге, против США и Великобритании.

Сообщения об опасности японского удара с востока, безусловно, оказали большое влияние на решение советского политического и военного руководства и лично И. В. Сталина в самый трудный и опасный период войны с Германией летом — осенью 1941 г. проявить выдержку и не ослаблять значительно группировку советских войск на Дальнем Востоке и в Сибири. Существуют все основания считать, что японское нападение на СССР в 1941 г. не состоялось главным образом потому, что советские дальневосточные войска вопреки ожиданиям японского командования со-

хранили свою высокую боеспособность и были в состоянии дать отпор агрессору.¹⁰

На состоявшемся 6 сентября 1941 г. очередном Императорском совещании в документе «Программа осуществления государственной политики империи» было зафиксировано решение воздерживаться от нападения на СССР в 1941 году. Было признано целесообразным отложить выступление на севере до весны 1942 года. Участники предшествовавшего Императорскому совещанию заседания координационного совета правительства и императорской ставки (3 сентября) пришли к выводу, что, «поскольку Япония не сможет развернуть крупномасштабные операции на севере до февраля, необходимо за это время быстро осуществить операции на юге».¹¹ И это решение стало благодаря разведгруппе Зорге известно Москве. Уже 11 сентября советский разведчик докладывал:

«Германский посол Отт потерял всякую надежду на выступление Японии против СССР. Сиратори (бывший посол Японии в Италии, в данное время работает в МИД) сказал Отту, что если Япония начнет войну, то только на юге, где они смогут получить сырье — нефть и металлы. На севере они (предполагаются немцы) не смогут получить достаточной помощи. Один из друзей В(оенно-)Морского флота сказал Паула (морской атташе германского посольства в Токио), что выступление Японии против СССР больше не является вопросом. Моряки не верят в успех переговоров Коноэ с Рузвельтом и подготавливаются к выступлению против Таи и Борнео. Он думает, что Манила должна быть взята, а это означает войну с Америкой. ИНСОН».

14 сентября Зорге направил в Москву сообщение, которое, можно сказать, венчало его многолетнюю работу в Японии:

«Источник Инвест выехал в Маньчжурию. Он сказал, что японское правительство решило не выступать против СССР в текущем году, но вооруженные силы будут оставаться в Маньчжурии на случай возможного выступления будущей весной, в случае поражения

¹⁰ См. подробнее: Кошкин А. А. «Кантокуэн» — «Барбаросса» по-японски. Почему Япония не напала на СССР. М., 2011.

¹¹ Тайхэйсээнсо-но мити. С. 507–508.

СССР к тому времени. Инвест заметил, что СССР может быть абсолютно (слово неразборчиво) свободен после 15 сентября. Источник Интерн (Ё. Мияги) сообщил, что один из батальонов 14 пехотной дивизии, который должен быть отправлен на север, остановлен (оставлен? — А. К.) в казармах гвардейской дивизии в Токио. Из писем офицеров и солдат, получаемых из пограничной линии в секторе Ворошилов (ныне Уссурийск. — А. К.), известно, что они оттянуты в район Муданьцзян. ИНСОН» (с. 386).

В тот же день Зорге подтвердил это сообщение, ссылаясь на информацию из германского посольства:

«По мнению посла Отт, выступление Японии против СССР теперь уже вне вопроса. Япония сможет выступить только в случае, если СССР перебросит в большом масштабе свои войска с Дальнего Востока. В различных кругах начались резкие разговоры об ответственности за мобилизацию в большом масштабе и по поводу содержания огромной Квантунской армии, которые несомненно принесут стране большие экономические и политические затруднения. ИНСОН» (с. 387).

Эта подтвержденная и другими источниками информация имела непосредственное влияние на последующее решение советского руководства перебросить осенью 1941 г. под Москву 16 дальневосточных и сибирских дивизий.

Однако следует отметить, что фраза Зорге о том, что «после 15 сентября СССР может быть абсолютно свободен», не совсем точно отражала ситуацию. Как стало известно после войны из японских документов, в случае падения Москвы японцы планировали незамедлительно «малой кровью» оккупировать советский Дальний Восток и Сибирь. В этом случае допускалось одновременное проведение операций как на юге, так и на севере. В Генеральном штабе японской армии был разработан вариант плана «Кантокуэн», который надлежало осуществить в случае падения Москвы и резкого изменения в пользу Японии соотношения сил на Дальнем Востоке. Учитывая сложность проведения в осенне-зимний период наступательных операций на всех трех фронтах (восточном, северном и западном), Генеральный штаб предусматривал нанесение первоначального удара на восточном (приморском) направлении. После вторжения в Приморье войска восточ-

ного фронта должны были наступать на Хабаровск и захватить его до наступления холодов. В это время войскам северного и западного фронтов надлежало закрепиться соответственно в районах Малого и Большого Хингана и ожидать наступления весны. С началом таяния льда планировалось форсировать Амур и развивать наступление на запад из района Рухлово — Большой Хинган в направлении озера Байкал. В развитие этого замысла командование Квантунской армии предлагало с началом наступления на восточном фронте силами двух — трех дивизий еще осенью форсировать Амур в районе Хабаровска, чтобы облегчить захват города. Операции по захвату Северного Сахалина, Камчатки и других районов, а также оккупацию МНР предусматривалось осуществить в соответствии с прежним замыслом плана «Кантокуэн». Выделенные для войны против СССР японские войска не включались в планы войны на юге и продолжали усиленно готовиться к действиям на севере.

Однако информацию об этих замыслах японского командования Зорге уже сообщить в Москву не мог: последовавшие в октябре 1941 г. аресты членов его группы, а затем и его самого означали конец деятельности одной из самых эффективных и стратегически важных разведывательных организаций в период Второй мировой войны. Это не означало, что Москва лишилась информации о планах и намерениях Японии. Не менее важные разведданные поступали из Китая, которые, кроме всего прочего, при принятии принципиальных стратегических решений использовались для перепроверки и подтверждения разведанных от группы Зорге.

В годы Второй мировой войны на территории Китая, в том числе оккупированной японцами, действовало 12 советских резидентур. С сентября 1939 г. обязанности посла и одновременно главного резидента СССР в Китае исполнял А. С. Панюшкин, координировавший деятельность советских разведчиков в этой стране. Следует отметить, что кроме добывания развединформации о намерениях Японии важной задачей советской разведки в Китае являлось удержание центральной китайской администрации на позициях активного сопротивления японским оккупантам. В Москве отчетливо сознавали, что занятость Японии в военных действиях в Китае во многом удерживала японское командование от нападения на СССР. При решении задачи обеспечения продолжения китайского сопротивления японской армии советская разведка в Китае особое внимание уделяла проблеме недопущения перера-

стания противоречий между Гоминьданом и Коммунистической партией Китая в открытый конфликт и междоусобную борьбу. Немаловажную роль сыграла советская разведка в Китае и в раскрытии планов Германии и Японии в отношении СССР. Достаточно отметить, что в мае 1941 г. советские разведчики в Китае информировали Москву о надвигавшемся нападении Германии на СССР, а, по некоторым данным, в июне 1941 г. от военного атташе Китая в Германии был получен оперативный план германского военного командования о главных направлениях продвижения германских войск.¹²

Работая в оккупированных японскими войсками районах Китая (Шанхай, Харбин), советские разведчики регулярно информировали Москву обо всех передислокациях японских войск вблизи советских границ. Весьма значимой была информация из Маньчжурии об относительной слабости технического оснащения Квантунской армии, недостаточном для наступательных операций количестве танков и самолетов. Поэтому, ни в коей мере не подвергая сомнению выдающиеся заслуги группы Зорге, вместе с тем следует по достоинству оценить и вклад других советских разведчиков в дело срыва японских планов нападения на СССР.

¹² Азия и Африка сегодня. 1995. № 12.

ИСТОРИЯ OSTKRAFT

| научное обозрение |

Редакционная коллегия:
*Далибор Денда, Р. Н. Рахимов,
К. В. Шевченко, О. В. Эдельман*

Ответственный редактор *М. А. Колеров*

Оформление *М. Е. Бороздинского*

ISBN 978-5-905040-49-8

9 785905 040498 >

Издатель Модест Колеров

Москва, Большой Татарский переулок, 3, кв. 16

ИА № ФС 77-55036 от 14.08.2013

Подписано в печать 10.10.2019. Формат 60 × 90 1/16.

Гарнитура Arno1. Бумага офсетная. Печать цифровая.

Тираж 100 экз.

Отпечатано в ООО «ЦМИК»

150014, Ярославль, ул. Победы, 51, корп. 2

тел.: (4852) 200-121. www.yarcmtyk.ru